

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Казанский юридический институт

А.А. Илиджев

Преломление положений Общей части в нормах Особенной части
уголовного законодательства России

Монография

Казань
КЮИ МВД России
2021

ББК

И

Илиджев А.А.

И Преломление положений Общей части в нормах Особенной части уголовного законодательства России: монография / А.А. Илиджев. – Казань: КЮИ МВД России, 2021. – 202 с.

В монографии на основе системного, сравнительно-правового и диалектического метода осуществляется научный анализ проблем отражения специфики основных институтов уголовного законодательства при их систематизации в Общей и Особенной частях УК РФ. В монографии данные вопросы рассматриваются с учетом наличия между обеими частями диалектического единства общего и особенного.

Предназначена для преподавателей, курсантов образовательных организаций системы МВД России, а также практическим сотрудникам подразделений дознания и предварительного следствия органов внутренних дел Российской Федерации.

ISBN

ББК

Илиджев А.А., 2021

КЮИ МВД России, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Неоконченное преступление и его отражение в Особенной части УК РФ.....	7
§ 1. Место отражения оконченного и неоконченного преступления в УК РФ.....	7
§ 2. Приготовление к преступлению и его отражение в Особенной части УК РФ.....	25
§ 3. Покушение на преступление и его отражение в Особенной части УК РФ.....	51
§ 4. Оценка отражения неоконченного преступления в Особенной части УК РФ.....	70
Глава 2. Преступления иных соучастников и их отражение в Особенной части УК РФ.....	85
§ 1. Место отражения преступлений соучастников в УК РФ.....	85
§ 2. Преступления организатора и их отражение в Особенной части УК РФ.....	103
§ 3. Преступления подстрекателя и их отражение в Особенной части УК РФ.....	125
§ 4. Преступления пособника и их отражение в Особенной части УК РФ.....	142
§ 5. Оценка отражения преступлений иных соучастников в Особенной части УК РФ.....	157
Заключение.....	172
Список литературы.....	179

Введение

В теории уголовного права повышенное внимание ученых к проблемам отражения положений Общей части УК РФ в нормах его Особенной части наблюдается не первый год, что, безусловно, связано с высокой динамичностью развития уголовного законодательства России, регулирующего различные вопросы институтов неоконченного преступления и соучастия в преступлении.

Разумеется, нельзя не отметить факта обращения к некоторым аспектам отражения положений Общей части УК РФ, регулирующих институтов неоконченного преступления и соучастия в преступлении в его Особенной части в современной теории уголовного права на уровне кандидатских и докторских исследований. Вместе с тем проблема заключается в том, что невозможно исследовать и познать всю глубину обозначенной совокупности норм уголовного законодательства, изучая лишь некоторые компоненты рассматриваемых вопросов.

Большое значение для науки уголовного права имеют монографические научные работы А.М. Зацепина, Е.В. Благова, А.П. Козлова, М.А. Саблиной, С.А. Шатова, А.А. Арутюнова, А.С. Дрепелева, Т.И. Нагаевой, Ю.В. Грачевой., Н.А. Бабий, Т.Г. Жуковой, С.А. Иванчиной, А.Ю. Решетникова, К.Т. Тедеева, М.В. Феоктистова.

Однако в научных трудах вышеуказанных ученых основным предметом исследования выступили отдельные проблемы уголовно-правового регулирования некоторых вопросов неоконченного преступления либо конкретных видов соучастников преступления в нормах отечественного уголовного законодательства.

В монографии осуществляется научный анализ проблем отражения специфики различных элементов институтов неоконченного преступления и соучастия в преступлении при их регламентации в Общей и Особенной частях УК РФ. Определяются различные элементы теоретико-правовой модели приготовления и покушения на преступление, а также видов соучастников преступления, и место отражения их преступлений в УК РФ. Предлагаются меры по совершенствованию уголовного

законодательства, регулирующего данные уголовно-правовые категории и практики его применения.

Проблема, на решение которой направлено исследование: несовершенство уголовного законодательства, регламентирующего приготовление и покушение на преступление, а также различных видов соучастников преступления. Кроме того, в работе анализируются некоторые новеллы уголовного законодательства регулирующие определенные вопросы, касающиеся рассматриваемых институтов, которые, по мнению автора, являются довольно противоречивыми и дискуссионными. Об этом свидетельствуют последние законодательные инициативы по внесению в УК РФ новых составов преступлений, по существу, представляющих собой фактическое приготовление и покушение на преступление, а также фактическое преступление иных соучастников, которым не должно быть места в Особенной части УК РФ.

Факторами, актуализирующими тему исследования, являются: необходимость усиления наказания за преступления, совершенные иными соучастниками; нарушение правил законодательной техники при отражении в Особенной части УК РФ фактического приготовления и покушения на преступление, а также фактического преступления организатора, подстрекателя и пособника; появившиеся в последнее время в Особенной части уголовного законодательства нормы, в которых в качестве преступления исполнителя подчас отражаются фактические преступления организатора, либо подстрекателя, или пособника, которые к соучастию в преступлении уже никакого отношения не имеют, например, ст.ст. 171.2, 185.6, 200.7, 205.1, 205.4, 205.5, 282.1, 282.2, 284.1, 322.1 и др. УК РФ.

Цель исследования: анализ юридической природы приготовления и покушения на преступление, видов соучастников, определение места отражения совершаемых ими преступлений как в нормах Общей части, что является закономерным, так и в статьях Особенной части УК РФ. Вместе с тем анализируются составы преступлений, представляющие собой фактические преступления пособника, подстрекателя, организатора или иных соучастников в

Особенной части уголовного законодательства. Кроме того, выработка рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства.

Задачи исследования: 1) провести понятийно-терминологический анализ таких уголовно-правовых категорий, как пособник, подстрекатель, организатор, исполнитель, соисполнитель; 2) определить и обосновать понятие фактического приготовления и покушения на преступления, а также фактического преступления пособника, подстрекателя и организатора; 3) разработать методику выявления в статьях Особенной части УК РФ вышеуказанных деяний; 4) провести анализ Особенной части, выявить, привести и обосновать исчерпывающий перечень данных преступлений и предложить соответствующий алгоритм; 5) обосновать необходимость установления дифференциации наказания организаторов, подстрекателей и пособников в ст. 67, как препятствия к установлению в Особенной части УК РФ ответственности за фактические преступления иных соучастников; 6) с учетом изучения различных точек зрения в теории уголовного права, анализа материалов судебной практики предложить и аргументировать необходимость внесения конкретных изменений и дополнений в УК РФ в части регламентации неоконченного преступления, а также ответственности некоторых видов соучастников преступления, а также дифференциации наказания соучастникам преступления.

Методика исследования: использовался всеобщий метод диалектической гносеологии при исследовании юридической природы видов соучастников, их отражения как в нормах Общей, так и Особенной части уголовного законодательства. При решении определенных задач в работе используются общенаучные исследовательские методы, в частности, сравнительно-правовой, системно-структурный, правового моделирования, лингвистический. При исследовании материалов судебной и правоприменительной практики применялся анализ, как частнонаучный метод познания.

Глава 1. Неоконченное преступление и его отражение в Особенной части УК РФ

§ 1. Место отражения оконченного и неоконченного преступления в УК РФ

Ни у кого не вызовет сомнений, что оконченные преступления отражены в Особенной части УК РФ. Однако в нем самом о месте расположения таких преступлений прямо нигде и ничего не говорится.

В соответствии с ч. 1 ст. 29 УК РФ «преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Причем данные признаки в последнем распределены по Общей (ст. 19, 20, 25, 26, 30, 33 УК РФ) и Особенной (диспозиции статей или в их части) части. Причем, как известно, в первой из них размещаются типовые признаки составов преступлений, а в последней – специфические.

В ч. 2 ст. 29 УК РФ регулируется отрицательное по сравнению с оконченным преступлением понятие неоконченного преступления. Одновременно в ч. 3 той же статьи сказано, что «уголовная ответственность за неоконченное преступление наступает по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, со ссылкой на статью 30 настоящего Кодекса». Вместе с тем из данного предписания прямо не вытекает, где именно установлена уголовная ответственность за оконченное преступление.

На наш взгляд, неясность с местом отражения уголовной ответственности за оконченное преступление снимается положениями ст. 66 УК РФ, которые формулируют правила назначения наказания за неоконченное преступление. В соответствии с ними назначаемое за последнее преступление наказание не может превышать определенного показателя максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей «статьей Особенной части настоящего Кодекса за оконченное преступление». В приведенном случае непосредственно

из закона следует, что уголовная ответственность за оконченное преступление установлена в статьях Особенной части УК РФ.

Следовательно, оконченное преступление, действительно, – объект специального отражения Особенной частью УК РФ. В ч. 1 же ст. 29 УК РФ предусмотрены общие признаки всех оконченных преступлений.

Нам думается, что в УК РФ применительно к оконченному преступлению не хватает положения, корреспондирующего изложенному в ч. 3 ст. 29 в отношении неоконченного преступления. Оно может иметь следующую формулировку:

«1.1. Уголовная ответственность за оконченное преступление наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса». В таком случае будут понятны требования ч. 3 ст. 29 УК РФ о ссылке на ст. 30.

Законодатель признаками оконченного преступления назвал 1) совершенное лицом деяние и 2) наличие всех признаков состава преступления, предусмотренного УК РФ. Причем признаки самого состава преступления изложены отлично,

– с одной стороны, от признаков основания уголовной ответственности. В ст. 8 УК РФ им признается «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом»;

– с другой стороны, от признаков понятия преступления. В ч. 1 ст. 14 УК РФ последним признается «виновно совершенное, общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания».

Отличия нормативных решений об оконченном преступлении и основании уголовной ответственности заключаются в том, что признаком первого является совершенное лицом деяние, а признаком последнего – совершение деяния. Данное отличие, на наш взгляд, является ничем не оправданным.

И.Я. Козаченко правильно пишет, что «процесс "совершения" деяния в силу незавершенности может как раз и не содержать "всех" признаков состава преступления, предусмотренного уголовным законом»; «функцию основания уголовной ответственности

выполняет не "совершаемое", а "совершенное" (в том числе и прерванное по не зависящим от виновного причинам на стадии приготовления или покушения) преступное деяние» [239, с. 113]. Пока деяние совершается, в нем могут появиться новые признаки, которые способны привести к тому, что оно не станет содержать «все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Например, кража может перерасти в грабеж, а тот в разбой. По этому поводу в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняется, что «если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, содеянное следует квалифицировать как грабеж, а в случае применения насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия – как разбой» [38, с. 2]. При таких условиях, на наш взгляд, основание уголовной ответственности не отвечает объективным реалиям, что вряд ли может способствовать решению задач уголовного законодательства (ст. 2 УК РФ).

Наоборот, деяние совершается, разумеется, лицом. Вместе с тем указание на него само совершенное деяние не характеризует. Тот, кто совершил оконченное преступление, – субъект преступления.

Отличия нормативных понятий оконченного преступления и преступления более сложны. Они в части соответственно наличия всех признаков состава преступления, предусмотренного УК РФ, а также виновности и запрещенности им под угрозой наказания, по нашему мнению, в принципе достаточно оправданы.

Вполне очевидно, что соотношение нормативных понятий преступления и оконченного преступления заключается в том, что первое – родовое, тогда как последнее – видовое. Они, конечно, не могут совпадать. И потому замена указаний на виновность и запрещенность УК РФ под угрозой наказания в понятии преступления включающим их указание на наличие всех признаков состава преступления, предусмотренного УК РФ, в понятии оконченного преступления у нас возражений не вызывает.

Отличия нормативных понятий оконченного преступления и преступления в части признаков соответственно совершенного деяния и совершенного общественно опасного деяния, на наш взгляд, совсем не оправданы. Причем, думается, что неточность допущена в ч. 1 ст. 29 УК РФ. Отмеченное подтверждается тем, что на основании ч. 2 ст. 2 УК РФ он «определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями», а в соответствии с ч. 2 ст. 14 не представляющие общественной опасности в силу малозначительности действия (бездействие) не являются преступлением, хотя формально и содержит признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ.

Совершенное лицом деяние, а при системном толковании закона – совершенное общественно опасное деяние следует рассматривать родовым признаком понятия оконченного преступления. Он призван объединить данное преступление со всеми другими. Поскольку же упомянутый признак специфику оконченного преступления подчеркнуть не может, он для уяснения такого преступления, исходя из целей настоящего исследования, имеет лишь методологическое значение.

Другое дело признак наличия в деянии всех признаков состава преступления, предусмотренного УК РФ. Согласно закону, данный признак следует рассматривать как видовой в понятии оконченного преступления. Он должен бы подчеркивать отличие такого преступления от других. Вот только названную функцию такой видовой признак понятия оконченного преступления, по нашему мнению, выполнить не способен.

Состав преступления, как известно, в первую очередь предназначен, чтобы определить, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями. Определяется же это для осуществления задач УК РФ (ч. 2 ст. 2), а тем самым помимо него делаться явно не может ни в каком ином месте. Таким образом, указание в видовом признаке на предусмотренность в УК РФ специфику оконченного преступления не устанавливает.

Напротив, наличие всех признаков состава преступления казалось бы уже не может не подчеркивать особенность оконченного преступления. Соответственно некоторые авторы (Т.Г. Жукова, Н.А. Бабий и др.) полагают, что неоконченное преступление должны характеризовать не все признаки состава [14, с. 180; 85, С. 15-16].

Нужно отметить, что в период действия предыдущего уголовного законодательства разграничение оконченного и неоконченного преступления зачастую осуществлялось аналогичным изложенному образом. Например, И.С. Тишкевич неоконченным преступлением признавал «такую умышленную общественно опасную деятельность виновного, которая содержит в себе лишь часть признаков состава данного преступления вследствие неполного развития ее объективной стороны» [226, с. 27]. В свою очередь Б.А. Куринов считал, что «при неоконченном преступлении всегда "недостает" каких-то элементов объективной стороны, в первую очередь, конечно, вредных последствий» [122, с. 121].

При действии УК РФ М.П. Редин пошел дальше упомянутых авторов, отмечая, что «в оконченном преступлении всегда содержатся все элементы конкретного преступного деяния, тогда как в неоконченном преступлении (покушении на преступление, а тем более в приготовлении к преступлению) всегда отсутствуют отдельные его элементы» [200, с. 30]. Если под элементами преступления имеются в виду признаки состава преступления, последнюю точку зрения еще можно как-то понять. Если же такими элементами рассматривать, как и принято в теории уголовного права, стороны преступления (его объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона) [2, с. 12; 90, с. 42; 248, с. 36], при отсутствии любой из них в целом едва ли можно говорить о каком-либо преступлении.

Противоречивую позицию высказал А.Ю. Решетников. Он пришел к выводу, что «покушение на преступление предполагает наличие всех признаков состава преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), который отличается от состава оконченного преступления отсутствием указанных в диспозиции нормы последствий, что образует состав покушения»

[201, с. 10]. Если у покушения на преступление отсутствуют последствия, то оно никак не может предполагать «наличие всех признаков состава преступления», ибо мы не знаем никого, кто бы последствия не включал в число признаков состава.

Между тем высказан и другой взгляд. Согласно ему «из закона нельзя делать вывод, что уголовно-правовая оценка преступления в качестве неоконченного осуществляется тогда, когда в совершенном деянии содержатся не все признаки состава оконченного преступления», ибо «неустановление соответствующего признака деяния может означать, прежде всего, не наличие неоконченного преступления, а отсутствие преступления» [21, с. 171]. И мы это полностью поддерживаем.

Нам думается, что наличие всех признаков состава преступления не является отличительной чертой оконченного преступления. Все дело в том, что в ч. 1 ст. 29 УК РФ, по существу, имеются в виду все признаки далеко не любого состава преступления, а исключительно оконченного. Составы преступления излагаются прежде всего в Особенной части УК РФ, а, по справедливому мнению Л.Д. Гаухмана, в диспозициях ее статей «признаки состава преступления... сформулированы как признаки оконченного преступления» [70, с. 175].

Все признаки состава преступления явно необходимы и для каждого неоконченного преступления [10, с. 68; 257, с. 54], иначе нельзя было указывать на них все в ст. 8 УК РФ. Однако для неоконченного преступления они – признаки другого состава – неоконченного. Он предопределяется тем, что на основании закона уголовная ответственность за неоконченное преступление наступает по статье УК РФ, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, со ссылкой на ст. 30. Говоря иначе, для признания деяния неоконченным преступлением необходимы все признаки, включенные в статью УК РФ, устанавливающую ответственность за оконченное преступление, и в ст. 30. Получается, что отличие оконченного преступления от неоконченного, действительно, вовсе не в полноте или неполноте признаков состава преступления.

Ученые, естественно, видят недостатки понятия оконченного преступления, содержащегося в законе, и ведут поиски более точного варианта. Вместе с тем предлагаемые в литературе (И.В. Андреев, А.П. Козлов, Г.В. Назаренко, А.И. Ситникова, К.Т. Тедеев и др.) дефиниции [9, с. 18; 91, с. 68; 108, с. 131; 130, с. 236; 136, с. 98; 142, с. 54; 151, с. 377; 175, с. 11; 224, с. 15], на наш взгляд, недостаточно вписываются в систему современного уголовно-правового регулирования.

По нашему мнению, поиски более точного варианта понимания оконченного преступления не должны идти вразрез с действующим законом (каким бы он не виделся) и быть умозрительными. Нам думается, что специфика оконченного преступления в нормативном смысле выявляется с учетом дефиниций видов неоконченных преступлений. Они сформулированы в ч. 1 и 3 ст. 30 УК РФ и из них нетрудно понять, что особенность неоконченного преступления законодатель связывает с недоведением преступления до конца. Не зависящие же от лица обстоятельства подчеркивают отличие неоконченного преступления не от добровольного отказа от преступления, который происходит при осознании лицом возможности доведения преступления до конца (ст. 31 УК РФ).

Признак недоведения преступления до конца «четко отграничивает неоконченное преступление от оконченного» [21, с. 174]. Соответственно, с учетом ст. 30 УК РФ оконченному преступлению надлежит представлять из себя действия (бездействие), которыми преступление доводится до конца. Причем речь идет о действиях (бездействии), предусмотренных в УК РФ и совершенных полностью, и (или) наступлении предусмотренных им последствиях.

В то же время сделанный с учетом нормативного подхода к отражению неоконченного преступления вывод о специфике оконченного преступления нельзя считать полностью безупречным. Во всяком случае, он не учитывает, что любое преступление – это всегда совершенное общественно опасное деяние. Соответственно, и оконченное преступление должны образовывать не всякие, а исключительно совершенные общественно опасные действия (бездействие).

Между тем и действующий закон, и сформулированное представление создают впечатление, что оконченным способно стать каждое преступление. Казалось бы, это очевидно. В русском языке слово «окончить» означает то же, что «кончить», т.е. завершить, закончить, довести до конца [152, с. 450, 293], а никакое преступление не совершается бесконечно. Правда, нужно иметь в виду два обстоятельства.

С одной стороны, неоконченных преступлений как таковых для УК РФ в принципе не существует. Нами уже неоднократно подчеркивалось, что преступление всегда – «совершенное» общественно опасное деяние. Не случайно Г.В. Назаренко и А.И. Ситникова отмечают, что «окончание преступления присуще любому преступному деянию – как оконченному, так и неоконченному» [136, с. 98].

Однако у Т.В. Жуковой «возникает вопрос, почему же тогда покушение и приготовление эти авторы считают неоконченными преступлениями, хотя они являются оконченными преступными деяниями» [85, с. 21]. А.М. Зацепин ей справедливо отвечает: «так решил сам законодатель в ч. 2 и 3 ст. 29 УК РФ», а «эти авторы» не более чем «используют нормативную терминологию» [86, с. 157]. Исключительно в отмеченном плане мы признаем суждение А.П. Козлова, считающего, что на вопрос «все ли преступления могут быть оконченными» «ответ должен быть однозначным: разумеется, кроме неоконченной преступной деятельности» [108, с. 133].

С другой стороны, на самом деле по УК РФ далеко не все преступления допустимо считать оконченными. Так прежде всего называются невозможными оконченными неосторожные преступления [79, с. 17; 91, с. 66]. Хотя А.П. Козлову такой вывод представляется неприемлемым» [18, с. 10; 108, с. 133; 230, с. 142], по нашему мнению, неверен именно противоположный подход. Нужно только различать реальную действительность и уголовный закон, оконченное преступление в действительности и в юридическом смысле. Похоже, с таким разделением в определенной мере согласен и сам А.П. Козлов, который на вопрос, почему закон указывает на неоконченную преступную деятельность только в умышленных преступлениях, дает

ответ, согласно которому «это обусловлено тем, что в неосторожных преступлениях достаточно сложно определить степень общественной опасности, тем более при их незавершенности»; «поэтому законодатель возлагает на суд обязанность устанавливать опасность неоконченной преступной деятельности только по умышленным преступлениям и не признавать неоконченной неосторожную деятельность...» [108, с. 181].

Отсюда С.А. Иванчина правильно обращает внимание на то, что «неосторожное оконченное преступление в реальности, конечно же, существует, поскольку все составы сформулированы в Особенной части УК РФ как оконченные» [91, с. 65]. Вместе с тем неосторожные преступления в законе описаны исключительно как оконченные деяния. Не случайно на практике давно принято, что при совершении преступления по неосторожности виновное лицо не желает наступления преступного результата и, следовательно, не может покушаться на его достижение [187, с. 111-112].

В свое время Н.Д. Дурманов писал, что об оконченном преступлении допустимо говорить лишь тогда, когда состав преступления предполагает предварительную преступную деятельность [79, с. 17]. И это логично, ибо оконченные и неоконченные преступления представляют собой антиподы. Отсюда они полностью исчерпывают деление преступлений по степени завершенности деяния.

На основании закона неоконченные преступления могут быть только умышленными. Выходит, что оконченные преступления также должны быть лишь умышленными.

Между тем умышленные преступления совершаются с прямым и косвенным (эвентуальным) умыслом (ст. 25 УК РФ). При этом в законе его вид при неоконченном преступлении не уточняется, что могло бы свидетельствовать о возможности и того, и другого, если бы хоть в каких-то случаях законодатель прямо предопределял решение соответствующих вопросов указанием на вид умысла.

В теории уголовного права мнения разделились. Возможность совершения неоконченного преступления с косвенным умыслом рядом авторов (Р.И. Михеев, А.П. Козлов, А.И. Ситникова и др.)

признается [108, с. 133, 174; 203, с. 463; 230, с. 142]. Таковое встречалось и на практике [154, с. 86-87].

Однако большинство ученых (И.С. Иванов, С.Ю. Кораблева, А.В. Галахова, Н.К. Семернева, Р.А. Сабитов и др.) высказывает за совершение неоконченного преступления исключительно с прямым умыслом [18, с. 17; 67, с. 15; 87, с. 38; 113, с. 39; 209, с. 309; 215, с. 162]. Аналогична и основная линия практики. Прежде всего, в Обзоре кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 1997 год было указано на то, что «суды не всегда учитывают требование закона о том, что покушение на преступление, в том числе на убийство, возможно лишь с прямым умыслом» [32, с. 20]. Чуть позже в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» данная линия была подтверждена разъяснением, что «покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом...» [34, с. 2; 143, с. 25; 145, с. 28; 155, с. 15; 186, с. 18].

Отсутствие косвенного умысла в неоконченном преступлении в литературе доказывается разными путями. В одном случае обращается внимание на то, что по закону приготовление характеризуется созданием условий для совершения преступления, а покушение направлено на совершение преступления, и делается вывод, что таковое происходит лишь при прямом умысле, «поскольку в сторону реализации косвенного умысла действия (бездействие) специально не осуществляются, в рамках современного Уголовного кодекса не представляется возможным при этом ни создание условий для совершения преступления, ни выполнение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления» [21, с. 173].

Действительно, а в русском языке предлоги для и на указывают на назначение или цель чего-нибудь [152, с. 168, 373]. Можно обратить внимание еще на предлог «к» в наименовании приготовления к преступлению. Он обозначает направление в сторону чего-нибудь [152, с. 257], т.е., по существу, продолжает ту же линию.

Близка по поводу вида умысла в неоконченных преступлениях аргументация В.П. Коняхина: «Не имея преступного намерения, не желая его реализовать, невозможно заниматься какими-либо приготовительными действиями. Отсюда очевидно, что стадия приготовления изначально невозможна... в преступлениях, совершаемых с косвенным умыслом... Покушение на преступление, будучи разновидностью целенаправленной деятельности, с субъективной стороны изначально, то есть уже по своему определению исключает... косвенный умысел...» [112, с. 114, 116].

А.П. Козлов, возражая позиции о невозможности неоконченного преступления при косвенном умысле, считает, что «отсутствие при нем целенаправленной деятельности именно на данный результат... очевидно, но еще не доказывает невозможности прерванной деятельности в преступлениях с косвенным умыслом» [108, с. 174]. А.М. Зацепин в противовес возражению правильно, думается, отмечает, что «как только будет прервана собственно целенаправленная деятельность, побочный продукт как ее результат вряд ли возникнет» [86, с. 152].

Т.Г. Жукова и Ю.Е. Пудовочкин относят приготовление к преступлениям с формальным составом [85, с. 46; 193, с. 113]. А.М. Зацепин распространяет аналогичный подход и на покушение на преступление, считая, что «при приготовлении к преступлению и покушении на преступление речь идет о своеобразных формальных, в том числе – усеченных составах» [86, с. 152].

Действительно, в соответствии с законом при приготовлении к преступлению еще нет действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления; они, конечно, есть при покушении на преступление, но ими деяние не доводится до конца, а именно этим, по существу, отличаются формальные и (или) усеченные составы [162, с. 162, 164; 193, с. 120; 248, с. 52-54]. При этом в формальных составах преступлений традиционно выделяется лишь прямой умысел [85, с. 46; 86, с. 152; 193, с. 113; 195, с. 87].

Все-таки, на наш взгляд, не желая совершать что-либо, никто не будет ни создавать условий для этого, ни совершать действий (бездействия), на то непосредственно направленных. Тем самым

приготовление к преступлению и покушение на преступление, по нашему мнению, допустимы лишь при прямом умысле.

Если приведенное решение о виде умысла при неоконченном преступлении справедливо, то, естественно, и для оконченного преступления должен быть характерен только аналогичный умысел [16, с. 260; 91, с. 67; 224, с. 6]. Отсюда мы не можем согласиться с мнением (А.П. Козлов, Н.Н. Баймакова и др.), что при оконченном преступлении вид умысла может быть любым [18, с. 10; 108, с. 132-133].

Остается определиться с возможностью совершения неоконченных преступлений с двумя формами вины. В теории отношение к таковому различается в зависимости от того, о приготовлении к преступлению или покушении на преступление идет речь.

Что касается приготовления к преступлению, то, насколько нам известно, о допустимости его совершения с двумя формами вины никем не говорится, а, напротив, всеми отрицается [114, с. 99; 195, с. 217]. И мы с этим согласны.

Иное дело покушение на преступление. По поводу наличия у него двух форм вины мнения ученых разделились.

Покушение на преступление с двумя формами вины одни авторы (А.И. Рарог, Ю.Е. Пудовочкин, Р.А. Сабитов и т.д.) допускают [193, с. 125; 195, с. 216-217; 209, с. 310-311], другие (Г.А. Есаков, А.М. Зацепин и т.д.) – нет [84, с. 47; 86, с. 153; 203, с. 428]. Интересную позицию высказывает А.В. Корнеева. Она считает, что неоконченное преступление с двумя формами вины исключено, если состав умышленного преступления материальный, но может иметь место, если состав умышленного преступления формальный [114, с. 99]. Это позицию можно назвать промежуточной между приведенными ранее.

Сложившаяся практика соответствует первой позиции или, по крайней мере, второго варианта промежуточной позиции. Во всяком случае, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Фахретдинова оставила в силе приговор, в котором «действия лица, совершившего покушение на изнасилование группой лиц

несовершеннолетней, повлекшее по неосторожности ее смерть, суд квалифицировал по ч. 3 ст. 30 и п. "а" ч. 3 ст. 131 УК РФ» [31, с. 5-6].

Казалось бы, никакой проблемы совершения неоконченных преступлений с двумя формами вины быть не должно, поскольку в целом данные преступления признаются совершенными умышленно (ст. 27 УК РФ). Сложность заключается в том, что на основании закона при них «в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватываются умыслом виновного». Это означает, что при квалификации деяния с двумя формами вины как неоконченного преступления, по справедливому мнению А.М. Зацепина, «возникает некий гибрид в виде неоконченно-оконченного преступления»; «оно как бы не окончено по основному составу и окончено по квалифицированному составу»; «такое в Уголовном кодексе не предусмотрено...» [86, с. 153]. Тем самым мы не поддерживаем тех авторов, которые выступают за возможность неоконченных преступлений с двумя формами вины.

На основании изложенного оконченное преступление целесообразно определять как общественно опасные действия (бездействие), которыми преступление, совершенное с прямым умыслом, доводится до конца. Преимущество предложенного решения – в исключении проблем соотношения данного понятия с понятиями преступления и видов неоконченного преступления (приготовления к преступлению и покушения на преступление). Какие-либо другие признаки вводить в понятие оконченного преступления, на наш взгляд, не имеет смысла, ибо:

- общие с остальными преступлениями признаки содержатся в понятии преступления, и повторять их в понятии неоконченного преступления необходимость отсутствует,

- специальные признаки оконченного преступления и связывают его с неоконченным преступлением (совершенные общественно опасные действия (бездействие) и прямой умысел), и подчеркивают специфику (доведение преступления до конца).

В литературе называются разные виды оконченных преступлений. Непосредственное значение для целей нашего

исследования имеет выделение юридически и фактически оконченных преступлений [16, с. 272; 24, с. 94], а также преступлений с материальными, формальными и усеченными составами [172, с. 561; 193, с. 20; 230, с. 139; 237, с. 318-319].

Выделение юридически и фактически оконченных преступлений связано с отражением в законе не только общественно опасных деяний, которые признаются преступлениями при фактическом окончании (убийство, причинение вреда здоровью и т.п.), но и до фактического окончания. Например, бандитизм признается преступлением уже с момента создания банды в целях нападения на граждан или организации (ст. 209 УК РФ). Будут ли действительно совершены нападения, для наличия состава преступления безразлично, но явно не безразлично для лица, создающего банду, ибо ее создание без совершения нападений для создателя бессмысленно. Для него суть бандитизма – это совершение соответствующих нападений. Как отмечает А.П. Козлов, «в таком случае деятельность при бандитизме представляет собой не что иное, как *фактически* неоконченную преступную деятельность, которая *юридически* признана оконченной» [108, с. 139]. В подобных случаях и появляется проблема отражения в Особенной части УК РФ фактических неоконченных преступлений. Не случайно В.Н. Некрасов отмечает, что «нормы о неоконченном преступлении ныне действующего уголовного закона содержат фикцию, используемую при создании формальных и усеченных составов, благодаря которой фактически неоконченное и продолжающееся преступное деяние объявляется оконченным» [139, с. 19].

Правда, С.А. Иванчина выступила против выделения юридически и фактически оконченного преступления. Она посчитала, что поскольку «законодатель в ч. 1 ст. 29 УК РФ дает определение именно юридически завершенного преступления» и «оперирует термином "оконченное преступление" строго в юридическом смысле, постольку не совсем точно использовать термины "*фактически оконченное* преступление", ... "*юридически оконченное* преступление" ...», и сделала вывод, что допустимо «выделение двух разрядов оконченных преступлений в зависимости от степени

реализации виновным умысла: оконченных – фактически завершенных и оконченных – фактически незавершенных» [91, с. 84-85].

Напротив, Н.А. Бабий «представляется, что выработанные предшествующей наукой термины "фактически оконченное" и "юридически оконченное" более достойны законодательного употребления в силу их ясности, однозначности, точности и краткости, чем малопонятные "оконченные – фактически незавершенные" и им подобные синонимические определения» [16, с. 279]. Если исходить из сложившихся традиций, то ученый прав. Причем в уголовном праве множество условных терминов. Взять хотя бы уже неоднократно упоминавшиеся неоконченные преступления, которые фактически всегда являются оконченными.

Более того, С.А. Иванчина в своей критике традиций, по нашему мнению, допустила методологическую ошибку, начав свои рассуждения со слов «отрицать значение данной – общепринятой – классификации нельзя...» [91, с. 84]. При этом именно классификации преступлений на юридически и фактически оконченные обычно не происходит. В одних случаях обращается внимание на то, что сформулированного в ч. 1 ст. 29 УК РФ «понятия юридически оконченного преступления уголовному праву недостаточно»; «ему, кроме того, необходимо понятие *фактически оконченного преступления*» [24, с. 94]. В других же случаях лишь указывается на то, что «необходимо различать:

- 1) фактически оконченное преступление;
- 2) юридически оконченное преступление» [16, с. 272].

Говоря иначе, выделение юридически и фактически оконченных преступлений, а также оконченных – фактически завершенных и незавершенных преступлений происходит на разных уровнях: первое – в дополнение к закону, второе – внутри закона. Отсюда оба подхода, по нашему мнению, имеют право на существование.

Различение оконченных преступлений с материальным, формальным и усеченным составом связано с отражением в законе общественно опасных деяний, признающихся преступлениями не только на последней стадии их совершения. При этом А.П. Козлов

обратил внимание на логическую ущербность такого деления оконченных преступлений. На его взгляд, «выделяя указанные три вида оконченного преступления, теория, с одной стороны, вроде бы исходит из одного основания классификации – той стадии, при достижении которой закон признает преступление оконченным (либо создание условий – и тогда состав усеченный; либо деяния-исполнения с возникновением формального состава; либо преступного результата – и тогда состав материальный)»; «но, с другой стороны, два первых и третий виды (усеченный + формальный и материальный) выделены на основании отсутствия или наличия последствия, тогда как два первых (усеченный и формальный) дифференцированы в зависимости от стадии совершения преступления»; отсюда «можно сказать, что одна классификация базируется на двух основаниях, что противоречит правилам формальной логики»; «в анализируемой классификации, похоже, не хватает еще одного элемента, который охватывал бы усеченные и формальные составы, т.е. нужно создать классификацию на двух уровнях: на первом располагаются какой-то состав, включающий в себя усеченный и формальный составы, и материальный состав, а на втором – усеченный и формальный составы как разновидности обобщенного первого»; «этим недостающим элементом могут быть, скажем, "нематериальные" составы»; «в таком случае все становится на свои места: нематериальные и материальные составы выделяются по признаку обязательного наличия или отсутствия в оконченном преступлении преступного результата; в свою очередь нематериальные составы подразделяются на формальные и усеченные по признаку удаленности стадии, признаваемой оконченным преступлением, от предполагаемого преступного результата» [108, с. 136]. Мы согласны с приведенной аргументацией и поддерживаем уточнение классификации оконченных преступлений.

Причем преступления с усеченным составом, будучи юридически оконченными, сформулированы так, что могут представлять собой фактически неоконченные преступления. В отмеченной части существо и тех, и других одинаково. Оно заключается в создании условий для совершения преступления или

действиях (бездействии), непосредственно направленных на совершение преступления, безотносительно того доведены ли они до конца. Не случайно преступления с усеченным составом признаются оконченными на этапе приготовления к преступлению или покушения на преступление [210, с. 210; 214, с. 273].

Напротив, преступления с формальным и материальным составами, являясь юридически оконченными, сформулированы так, что всегда окончены и фактически. Тем самым применительно к таким деяниям проблемы отражения в Особенной части УК РФ фактически неоконченных преступлений возникнуть не может.

Правда, А.А. Ораздурдыев усеченные составы соотносит лишь с неоконченным покушением [162, с. 164]. Мы этот подход поддержать не можем, поскольку подобное покушение выявляется на уровне исключительно ч. 3 ст. 30 УК РФ, в Особенной же части оно ничем себя не проявляет. Неоконченное и оконченное покушение различаются лишь внутри самого покушения на преступление.

В отличие от оконченного преступления место отражения неоконченного преступления прямо вытекает из закона. В соответствии с не один раз упоминавшейся ч. 3 ст. 29 УК РФ местом отражения неоконченного преступления является Общая часть, а конкретно – ст. 30.

При этом, на наш взгляд, не прав С.В. Проценко, считающий, что приготовительные действия «лишь обозначены в нормах Общей части УК» [190, с. 26-29]. В ст. 30 УК РФ предусмотрены признаки как приготовления к преступлению (ч. 1), так и покушения на преступление.

Однако Т.Г. Жукова место отражения неоконченного преступления видит иначе. При этом она сначала указывает на то, что «часть признаков составов "приготовления к конкретному преступлению" или "покушения на конкретное преступление" закрепляются в Общей части УК РФ, а часть – в статье Особенной части УК РФ закрепляющей признаки преступления, к совершению которого осуществлялось приготовление или на совершение которого было осуществлено покушение», а потом – что «в отличие от "приготовления к конкретному преступлению", признаки

объективной стороны "покушения на конкретное преступление" закрепляются как в Общей, так и в Особенной частях УК РФ» [85, с. 40, 48]. Получается, что по поводу места отражения "приготовления к конкретному преступлению" возникла неопределенность, но дело даже не в ней.

Конечно, в ч. 3 ст. 29 УК РФ указано и на статью, предусматривающую ответственность за оконченное преступление, т.е. Особенной части. Только это вовсе не означает, что последняя статья тоже является местом отражения неоконченного преступления. Упоминание ее в законе, как нам представляется, всего лишь демонстрирует, совершение какого именно преступления было не окончено.

В ч. 1 ст. 29 УК РФ неоконченным преступлением признаны приготовление к преступлению и покушение на преступление. Их определения сформулированы соответственно в ч. 1 и 3 ст. 30 УК РФ.

Приготовлением к преступлению в законе признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам. Отсюда ссылка на статью Особенной части УК РФ при наступлении ответственности за приготовление к преступлению, по нашему мнению, свидетельствует не более чем о том, к совершению какого именно деяния создавались условия.

Покушением на преступление в законе признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам. Тем самым ссылка на статью Особенной части УК РФ при наступлении ответственности за покушение на преступление, на наш взгляд, свидетельствует не более чем о том, на совершение какого именно деяния были непосредственно направлены действия (бездействие) лица.

На основании проведенных в параграфе исследований мы приходим к следующим выводам:

- местом отражения оконченного преступления является Особенная часть УК РФ. В ч. 1 ст. 29 УК РФ же предусмотрены общие признаки всех оконченных преступлений;
- оконченное преступление желательно определить в законе как общественно опасные действия (бездействие), которыми преступление, совершенное с прямым умыслом, доводится до конца;
- в ч. 1.1 ст. 29 УК РФ целесообразно ввести указание на то, что уголовная ответственность за оконченное преступление наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса;
- выделяются юридически и фактически оконченные преступления. Юридически оконченные преступления бывают фактически неоконченными. Последние отражены в усеченных составах преступлений;
- местом отражения неоконченных преступлений является Общая часть УК РФ, а конкретно ч. 1 и 3 ст. 30. Указание же ч. 3 ст. 29 УК РФ на статью, предусматривающую ответственность за оконченное преступление, лишь демонстрирует, совершение какого именно преступления не окончено.

§ 2. Приготовление к преступлению и его отражение в Особенной части УК РФ

Несмотря на то, что место отражения приготовления к преступлению – Общая часть УК РФ, в литературе подчас утверждается, что ответственность за первый вид неоконченного деяния предусмотрена и в Особенной части. Так, Л.В. Иногамова-Хегай и К.Т. Тедеев к преступлениям, которые фактически образуют приготовительные действия, относят те, которые определены ст. 208, 209, 210 УК РФ [93, с. 94; 224, с. 23-24]; Е.В. Благов считает, что в ст. 159 (в части приобретения права на чужое имущество), ст. 211 (в части захвата в целях угона) и др. в качестве оконченного преступления, по существу, криминализовано приготовление к преступлению [21, с. 143-144]; А.Ю. Решетников полагает, что в

действующем уголовном законодательстве предусмотрена ответственность за деяния, составляющие по своей сути preparatory actions в ст. 205.1, 205.4, 208, 209, 210, 222 и др. [6, с. 148-149]; М.В. Феоктистов указывает, что законодатель криминализировал отдельные виды preparatory actions в ст. 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ [249, с. 301]. Для выяснения, соответствует ли приведенный подход уголовному законодательству, необходимо исследовать, что представляет собой preparation for a crime и проверить, имеются ли в Особенной части УК РФ деяния, могущие быть признанными preparation for a crime.

В ч. 1 ст. 30 УК РФ имеется две группы предписаний о preparation for a crime. Они могут быть названы специальными и общими.

Специальные предписания относятся к отдельным случаям preparation for a crime. В законе они описаны следующими словами: «приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления».

Специальные предписания о preparation for a crime вовсе не случайно дополнены общими. Дело в том, что первые изложены не полно, о чем свидетельствует указание после их перечисления на иное умышленное создание условий для совершения преступления, в котором объединяется все то, что прямо не названо в законе.

Однако специальные предписания о preparation for a crime нельзя как недооценивать, так и переоценивать. С одной стороны, они – ориентиры для установления того, что еще может быть признано таким preparation for a crime. С другой стороны, они не имеют критерия для признания, не перечисленного в законе, preparation for a crime. Напротив, общие предписания и есть такой критерий.

Общие предписания относятся к любому preparation for a crime. В законе они описаны следующими словами: «умышленное создание условий для совершения преступления, если

при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от... лица обстоятельствам». Данные предписания позволяют оценить, характеризует ли то, что не приведено в ч. 1 ст. 30 УК РФ, приготовление к преступлению.

Умысел в неоконченном преступлении уже рассмотрен. Ничего специфического применительно к приготовлению к преступлению мы не видим.

Остановимся на признаках приготовления к преступлению, которые позволяют включить его вместе с оконченным преступлением в объем понятия преступления. Мы имеем в виду признаки приискания, изготовления или приспособления лицом средств или орудий совершения преступления, приискания соучастников преступления, сговора на совершение преступления либо иного создания условий для совершения преступления. Остальные признаки безразличны для темы нашего исследования.

В русском языке слово «создание» раскрывается через слово «создать», которое означает сделать существующим, произвести, основать, слово же «условие» понимается, в частности, как обстоятельство, от которого что-нибудь зависит [152, с. 744, 839]. Тем самым, по нашему мнению, создание условий для совершения преступления предполагает появление обстоятельств, от которых зависит совершение преступления.

В ч. 1 ст. 30 УК РФ законодатель после перечисления отдельных условий, могущих быть созданными при приготовлении к преступлению, указал на иное создание условий для совершения преступления. Отсюда после последнего признака, на наш взгляд, уже нет смысла добавлять в закон новые варианты приготовительных действий как предлагают С.М. Плешаков и И.Ю. Янина [170, с. 40-43]. При их необходимости можно ввести такие действия до указания на иное создание условий.

Под иным умышленным созданием условий для совершения преступления Д.Ю. Поротиков понимает *«деяния лица, которые определяются обстоятельствами, имеющими существенное значение для определения признаков состава преступления или пределов уголовной ответственности»* [172, с. 546; 175, с. 24].

Данный подход вполне обоснованно критикует А.М. Зацепин: «Во-первых, "иное" как часть чего-то, ...дефинировать не имеет смысла, ибо достаточно это сделать для целого. Во-вторых, получилось, что не иное умышленное создание условий для совершения преступления – не есть "деяния лица, которые определяются обстоятельствами, имеющими существенное значение для определения признаков состава преступления или пределов уголовной ответственности". В-третьих, определяются для определения – тавтология чистой воды. В-четвертых, не видно специфики собственно создания условий для совершения преступления» [86, с. 180].

Следует отметить, что попытку сформулировать дефиницию создания условий для совершения преступления предприняла Т.В. Непомнящая. Однако она практически повторила ранее изложенное понимание иного умышленного создания условий для совершения преступления [243. с. 158].

В отношении обоих подходов у нас дополнительно вызывает сомнения указание на определение пределов уголовной ответственности. Такой признак явно не может характеризовать само приготовление к преступлению, ибо является юридическим последствием последнего.

Некоторые случаи иного создания условий для совершения преступления законодатель назвал отдельно от понятия приготовления к преступлению. Так, в ч. 6 ст. 35 УК РФ сказано, что «создание организованной группы в случаях, не предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса, влечет уголовную ответственность за приготовление к тем преступлениям, для совершения которых она создана». В ч. 5 ст. 34 УК РФ отражено, что «в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление»; «за приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления».

Во-первых, понятно, что в отношении недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам необходимо разграничить, когда остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению, а когда – за покушение на преступление. В.Д. Иванов совершенно правильно посчитал, что «при подобных ситуациях все другие соучастники должны нести уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление в зависимости от стадии совершения преступления, на которой исполнителю не удалось совершить преступление», но данный вывод, на наш взгляд, не мог следовать из приведенного названным автором утверждения, согласно которому «к числу приготовительных действий законодатель в соответствии с ч. 5 ст. 34 УК РФ относит случаи недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам» [9, с. 21; 257, с. 141]. Дело в том, что тогда речь может вестись исключительно о приготовлении к преступлению. Отсюда организатор, подстрекатель и пособник должны нести уголовную ответственность за приготовление к преступлению, если исполнитель сумел лишь создать условия для совершения преступления [86, с. 180; 194, с. 29].

Одновременно в литературе сложилось мнение (А.П. Козлов, В. Питецкий, Т. Плаксина, К.В. Ображиев и др.), что если соучастникам не удалось довести преступление до конца по не зависящим от них обстоятельствам, каждый несет уголовную ответственность с учетом того, когда была прервана преступная деятельность, – за соучастие в приготовлении к преступлению или покушении на соответствующее преступление [107, с. 313; 123, с. 631; 150, с. 29-34; 168, с. 51; 169, с. 48]. Следует отметить, что именно подобным образом складывается практика [156, с. 10].

Между тем при совершении исполнителем приготовления совместное преступление еще не совершается, а соучастие на основании ст. 32 УК РФ складывается лишь в противоположном случае. Уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника в такой ситуации за приготовление к преступлению А.М. Зацепиным объясняется тем, что значение их деяний в данном случае

не выходит за пределы создания условий для совместно совершаемого преступления [86, с. 180]. Отсюда они не могут совершать, как сказано ч. 3 ст. 30 УК РФ действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления исполнителем [21, с. 182].

Во-вторых, в ч. 5 ст. 34 УК РФ установлено, что «за приготовление к преступлению несет уголовную ответственность... лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления», вопреки ч. 1 ст. 30. В этом случае созданием условий для совершения преступления можно, на наш взгляд, считать лишь свершившееся склонение других лиц к совершению преступления. Законодатель же признает приготовлением к преступлению попытку создания таких условий.

Говоря иначе, по нашему мнению, в ч. 5 ст. 34 УК РФ, в сущности, сформулировано то, что С.В. Бородин назвал юридической конструкцией «покушения на приготовление», не вытекающей из ст. 30 [28, с. 258]. Поскольку такой вид неоконченного преступления прямо не назван в ч. 2 ст. 29 УК РФ, нам кажется, что его появление в ч. 5 ст. 34 не легитимно.

А.В. Васильевский поставил под сомнение введение уголовной ответственности за приготовление к преступлению лица, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления, ибо «получается, что предложение совершить тяжкое преступление само по себе является преступлением независимо от ответа...» [64, с. 42]. Более того, данное отношение к неудавшемуся склонению к совершению преступления выглядит странно на фоне того, что по букве закона неудавшиеся действия по организации преступления и пособничеству ему не влекут уголовной ответственности [124, с. 450; 257, с. 142].

Критикуемое положение закона основывается на теоретической позиции, согласно которой при неудавшемся подстрекательстве лицо несет уголовную ответственность за приготовление к преступлению, а «не по правилам о соучастии, так как в этом случае отсутствует совместное участие двух или более лиц в преступлении» [123, с. 631]. Дело в том, что отсутствие соучастия в преступлении само по себе

еще не может являться свидетельством наличия приготовления к преступлению [86, с. 176]. По закону свидетельство этого – умышленное создание условий для совершения преступления и недоведение его до конца по независящим от лица обстоятельствам.

Не изменяет ситуацию, на наш взгляд, и представление о том, что уголовная ответственность в случаях неудавшегося соучастия должна наступать за покушение на преступление при соответствующем виде соучастия [109, с. 81; 257, с. 141]. Такое решение, если и имеет значение, то только в плане *de lege ferenda*. В плане же *de lege lata* вполне достаточно отметить, что такого покушения, как и покушение на приготовление к преступлению, нигде в законе не предусмотрено.

В отношении позиции законодателя у А.В. Васильевского возник вопрос о том, что означают использованные при отражении приготовления к преступлению термины «приискание средств, орудий, и соучастников» или «создание условий для совершения преступления»: процесс соответствующей деятельности либо ее результат, на который он ответил так: приготовлением к преступлению должны считаться лишь созданные условия для совершения преступления, в частности, успешное приискание средств, орудий и соучастников [63]. К аналогичному выводу пришли другие авторы (Л.Д. Гаухман, М.П. Редин, А.М. Зацепин) [70, с. 181; 86, с. 177; 200, с. 102], и он, на наш взгляд, непосредственно следует из того, что в русском языке существительное «приготовление» восходит к глаголу «приготовить», который означает сделать годным, готовым к чему-нибудь [152, с. 589]. Пока же соответствующее условие не создано, понятно, что нет ничего годного, готового к совершению преступления.

Конечно, понимание всех или некоторых использованных в ч. 1 ст. 30 РФ терминов в качестве процесса соответствующей деятельности нередко бытует в литературе (Л.И. Романов, А.М. Становский, Н.А. Бабий и др.) [16, с. 476-477; 171, с. 543; 221] и, вероятно, порождено, в частности, введением в ч. 5 ст. 34 УК РФ положений об ответственности за неудавшееся склонение к совершению преступления, при котором результат, конечно, ни при

каких обстоятельствах наступить не сможет. Сделанным ранее выводом о нелегитимности данного предписания с учетом существа создания условий для совершения преступления все возникающие вопросы, думается, снимаются.

В теории уголовного права иным созданием условий для совершения преступления называют разные обстоятельства. По нашему мнению, некоторые из них, действительно, могут образовать приготовление к преступлению, большинство же для этого совершенно не пригодно.

Мы согласны, когда в литературе (Л.Д. Гаухман, К.Д. Николаев, В. Ткаченко и др.) к приготовлению к преступлению относят устранение препятствий, устройство подкопов или засад [70, с. 181; 139; 172, с. 544; 228; 257, с. 138-139]. Такими действиями, разумеется, создаются условия для совершения преступления.

Напротив мы не согласны, когда к приготовлению к преступлению относят, в частности: разработку плана задуманного преступления, изучение места и времени предполагаемого деяния; установление времени ухода и возвращения проживающих в квартире, выявление наличия охранной сигнализации и возможностей ее отключения; изучение возможных препятствий, которые могут возникнуть при совершении преступления, и разработку способов их устранения, изучение распорядка работы учреждения, образа жизни конкретного лица, маршрута передвижения сторожа или милицейского наряда, создание искусственных условий алиби; невключение сигнализации, оставление незапертыми дверей сейфа, отработку совершения элементов или всего преступления в целом, обучение потенциальных соучастников; приручение собаки, изготовление подложного паспорта, чтобы скрыться после совершения преступления; приобретение парика, накладных усов и бороды для изменения внешности [85, с. 43; 88, с. 316; 97, с. 20; 140; 252, с. 77-78; 257, с. 138-139]. Включение перечисленного в приготовление к преступлению, на наш взгляд, сомнительно, ибо для совершения преступления приведенные действия ничего не создают, а без этого приготовления к преступлению не бывает. Многие из отмеченного хотя и имеет значение для преступления, но в другом

плане. Очевидное исключение составляют создание алиби и изготовление подложного паспорта. Создание алиби, если и является приготовлением, то не к преступлению, а к уходу от уголовной ответственности [86, с. 178], что не может не относиться и к изготовлению подложного паспорта.

Напротив, иное создание условий для совершения преступления иногда обнаруживается при анализе раскрытия теоретиками установленного ч. 1 ст. 30 УК РФ приискания средств или орудий совершения преступления. К такому приисканию порой относят находку, а также дарение, принятие в подарок и в уплату долга [85, с. 41; 101, с. 364; 257, с. 234]. Все это приисканием назвать сложно. Так, С.В. Чернокозинская справедливо указала, что «приискание – это целенаправленная деятельность, находка – факт случайный, от нее не может зависеть подготовка к умышленному преступлению»; «можно найти, а можно и не найти, никто не знает точно, произойдет этот факт или нет» [252, с. 70].

В соответствии со ст. 572 ГК РФ «по договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом». Не случайно у С.В. Чернокозинской возник справедливый вопрос: «но, где же здесь поиск? Приискание предполагает... определенную процедуру – сначала у лица формируется умысел на совершение преступления, затем он начинает вести розыск необходимого ему орудия или средства. А в приведенном примере – все наоборот. Сначала происходит факт дарения, лицо ничего не ищет. Затем только возможен умысел на совершение преступления, т.к. до этого не известно, будет получен необходимый предмет (средство или орудие) в дар или нет. И только потом этот предмет может быть использован в качестве либо орудия, либо средства преступления. Получается, что рассматривать вещь, полученную в дар, можно только в качестве орудия или средства при приготовлении, но не относить дарение к приисканию» [252, с. 70-71].

Как правильно замечает А.М. Зацепин, все сказанное о дарении относится и к принятию в оплату долга [86, с. 171]. Дело в том, что в таком случае что-то предлагается взамен полученного.

Исключение находки, дарения, принятия в подарок или в уплату долга из приискания орудий или средств совершения преступления, думается, совершенно не означает признания их ничтожности применительно к приготовлению к преступлению. При них просто создаются самостоятельные условия для совершения преступления, которые входят в отраженное ч. 1 ст. 30 УК РФ иное создание условий для совершения преступления.

Не все однозначно в отношении практики признания иным созданием условий для совершения преступления тоже. С чем-то можно согласиться, а с чем-то – нет.

Так, на практике приготовлением к преступлению рассматривается появление лица с соответствующей целью на месте совершения деяния. Например, по делу Тимохина указано, что его прибытие «к месту преступления с целью изнасилования З. не может рассматриваться как обнаружение умысла, не влекущее уголовной ответственности»; «эти действия были направлены на обеспечение возможности совершения изнасилования З., и поэтому их следует рассматривать как приготовление к изнасилованию» [149, с. 40; 157, с. 27-28; 188, с. 105]. М.В. Гринь с такой позицией практикой полностью солидарен [257, с. 25], а мы к его мнению присоединяемся.

Правда, у А.В. Грошева квалификация прибытия преступника к месту совершения преступления «как приготовления к совершению... преступлений вызывает сомнение, поскольку такие действия, по сути, представляют собой обнаружение умысла», «они отражают естественный ход событий, поэтому лишены материальной и доказательственной основы» [5, с. 208]. Если исходить из изложенного понимания обнаружения умысла и естественного хода событий, то практически все действия по приготовлению преступления будут представлять собой именно обнаружение умысла и отражать естественный ход событий. Без прибытия на соответствующее место совершить преступление, как правило, невозможно, а значит, тем самым условия для совершения

преступления все-таки создаются, что позволяет не согласиться с процитированным мнением.

В п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъяснено, что «в случае, когда лицо... транспортировало с целью сбыта... средства платежа заведомо непригодные к использованию, однако по независящим от него обстоятельствам не смогло их сбыть, содеянное должно быть квалифицировано в соответствии с частью 1 статьи 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что эти действия были направлены на совершение преступлений, предусмотренных частью 3 или частью 4 статьи 159 УК РФ» [58, с. 10]. Транспортировка средств платежа вполне может быть признана иным созданием условий для совершения преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам того же Суда в определении от 12 сентября 2018 г. квалифицировала по ч. 1 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ действия А. и др., которые заключались в том, что осужденные, находясь на автомобильной трассе, привели в готовность приспособление для прокола шин, намереваясь совершить нападение на предпринимателей, которые по этой трассе должны были ехать на автомобиле, но совершить нападение не смогли, поскольку он в ожидаемое время не проследовал [59, с. 45-46]. Представляется, что и данные действия было допустимо признавать иным созданием условий для совершения преступления.

Противоположно наше отношение к содержанию п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». В названном пункте отражено следующее:

«Обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить

взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами.

Если при этом иные действия, направленные на реализацию обещания или предложения, лица не смогли совершить по не зависящим от них обстоятельствам, содеянное следует квалифицировать как приготовление к даче взятки (часть 1 статьи 30 и соответственно части 3 – 5 статьи 291 УК РФ) или к получению взятки (часть 1 статьи 30 и соответственно части 2 – 6 статьи 290 УК РФ), а равно к коммерческому подкупу (часть 1 статьи 30 и соответственно части 2 – 4 статьи 204 УК РФ)» [52, с. 5; 185, с. 22].

Приведенное толкование закона вызвало обоснованную критику со стороны А.М. Зацепина, которая заключается в следующем: «Ведь "обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействие) по службе" на самом деле ничего не создают для совершения преступления. Не случайно тот же Пленум данные "обещание или предложение" рассматривает лишь как "высказанное лицом намерение". И тут ничего не изменит ни то, было ли оно "направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей", ни то, было ли достижение "договоренности между указанными лицами передать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа"» [86, с. 179]. В дополнение необходимо отметить, что «высказанное лицом намерение» – это, по существу, обнаружение умысла, которое на основании положений и теории [108, с. 22; 200, с. 105-106], и практики [158, с. 49] не должно влечь уголовной ответственности.

В законе не говорится, какое преступление при приготовлении не доводится до конца. Вряд ли само приготовление. Поскольку при нем преступление не доводится до конца, речь должна идти о том, что было бы совершено в отсутствие помешавших обстоятельств, не зависящих от лица, а этим не может быть ничто иное, кроме оконченного преступления (ч. 1 ст. 29 УК РФ).

Однако указания на создание условий для совершения преступления содержатся не только в Общей части УК РФ, но и в Особенной. В теории отмечается, что законодатель создание отдельных из них криминализовал в форме оконченных преступлений. Так, в одних случаях указывается, что таковое происходит, когда в качестве мошенничества рассматривается получение права на чужое имущество, в качестве разбоя – нападение в целях хищения, в качестве вымогательства – требование передачи чужого имущества, в качестве бандитизма – создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, в качестве угона воздушного судна или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава – их захват в целях угона (ст. 159, 162, 163, 209, 211 УК РФ) [23, с.142, 150]. В других случаях говорится, что криминализация создания условий для совершения преступления как оконченного преступления относится, скажем, к приобретению права на чужое имущество при мошенничестве в ст. 159, организации преступного сообщества (преступной организации) в ст. 210, захвату судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава в целях угона в ст. 211 и другим случаям [86, с. 182].

Конечно, в приведенных, а также подобных случаях в законе представлены юридически оконченные преступления, но фактически они могут быть неоконченными приготовлениями к преступлению. Причем последние уже никакого отношения к собственно неоконченным преступлениям, по нашему мнению, не имеют. Под фактическим приготовлением к преступлению мы понимаем виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой создание условий для совершения преступления.

Правда, Л.В. Иногамова-Хегай считает иначе. На ее взгляд, «нормы о приготовительных действиях, описанных в ст. 208, 209 и 210 УК, представляют собой частные случаи нормы о приготовлении к преступлению, указанном в ч. 1 ст. 30 УК, т.е. являются специальными по отношению к общей» [93, с. 94]. Такому подходу

уже дана убедительная критика, согласно которой соответствующие статьи Особенной части УК РФ не конкурируют со ст. 30, поскольку лишь по ней в отличие от статей Особенной части преступление не квалифицируется, ибо на основании ч. 3 ст. 29 уголовная ответственность за неоконченное преступление наступает «по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, со ссылкой на статью 30 настоящего Кодекса» [21, с. 144]. В дополнение к этому А.М. Зацепин справедливо уточнил, что, предусмотрев в Особенной части УК РФ в качестве оконченного преступления деяние, в принципе являющееся приготовлением к преступлению, законодатель вывел его из неоконченного преступления, и оно стало оконченным преступлением, с приготовлением к преступлению не способным конкурировать по определению [86, с. 45].

При выявлении положений Особенной части УК РФ, действительно отражающих фактическое приготовление к преступлению, как представляется, необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, не следует принимать во внимание предписания упоминавшейся ч. 2 ст. 30 УК РФ. Дело в том, что в ч. 1 той же статьи законодатель признание приготовления к преступлению не поставил в зависимость от категорий совершенных деяний.

Конечно, установление уголовной ответственности лишь за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению порождает вопрос по поводу смысла признания приготовления к преступлениям небольшой и средней тяжести без введения за их совершение уголовной ответственности. Это, на наш взгляд, является следствием недостатков законодательной техники. Если бы все было оговорено в ч. 1 ст. 30 УК РФ, указанное обстоятельство играло бы роль при выявлении фактического приготовления к преступлению в Особенной части УК РФ.

Во-вторых, в положениях Особенной части УК РФ должно быть отражено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой лишь создание условий для совершения такого преступления. Причем последнее также должно иметься в

Особенной части УК РФ. В противном случае о создании условий именно для совершения преступления речи быть не может.

Представляет ли собой определенное деяние создание условий для совершения преступления, по нашему мнению, выявляется мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в таком случае деяние без учета положений ч. 2 ст. 30 УК РФ может быть квалифицировано по ч. 1 данной статьи и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое приготовление к преступлению. В противном случае мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое приготовление к преступлению.

Причем фактического приготовления к преступлению в Особенной части УК РФ не имеется даже при внешнем сходстве с созданием условий для чего-нибудь другого, кроме преступления. Так, в ч. 1 ст. 183 УК РФ предусмотрено собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем похищения документов, подкупа или угроз, а равно иным незаконным способом. Оно, несомненно, может быть созданием условий для разглашения или использования данных сведений. Вместе с тем подобное преступление в Особенной части УК РФ отсутствует, что исключает признание воспроизведенных положений ч. 1 ст. 183 в качестве фактического приготовления к преступлению.

Похожее отношение, по нашему мнению, должно быть к предварительному сговору в ст. 184 УК РФ. В ней сделан акцент на самом сговоре, который по закону должен происходить в целях оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса. Причем такого преступления, на которое указывают обозначенные цели, в Особенной части УК РФ не имеется.

Н.А. Лопашенко, на наш взгляд, ошибается, считая, что объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 184 УК РФ, заключается, исходя из названия статьи, в оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого подкупа [127, с. 233]. В

тексте ч. 1 ст. 184 УК РФ речь идет о другом – о передаче спортсмену, спортивному судье, тренеру, руководителю спортивной команды, другому участнику или организатору официального спортивного соревнования (в том числе их работнику), а равно члену жюри, участнику или организатору зрелищного коммерческого конкурса денег, ценных бумаг, иного имущества, а также оказании ему услуг имущественного характера, предоставлении иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) в целях оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса, либо принуждении или склонении таких лиц к оказанию этого влияния, либо предварительный сговор с такими лицами в тех же целях.

Другое дело многочисленные статьи Особенной части УК РФ, в которых предусмотрено совершение определенных преступлений группой лиц по предварительному сговору. В таких статьях в отличие от ст. 184 УК РФ акцент делается на совершение соответствующего преступления, а не на самом сговоре, и исследуемой проблемы не возникает.

Сформулированный подход к выявлению фактического приготовления к преступлению в Особенной части УК РФ позволяет усомниться в достаточно широко распространенном мнении (О. Капинус, В. Борков, Д. Гарбатович, К.В. Чашин и др.) о том, что в ч. 4 ст. 204.1 и ч. 5 ст. 290.1 УК РФ, по существу, криминализировано приготовление к преступлению [27, с. 10; 69, с. 6; 95, с. 23; 251, с. 105]. В них как оконченное преступление предусмотрено обещание и предложение посредничества в коммерческом подкупе и во взяточничестве. В отношении таковых В.А. Шафорост правильно замечает, что выражение того или иного намерения или согласия не может образовывать не то, что оконченное преступление, но даже приготовление к преступлению [254, с. 22].

Действительно, обещание означает добровольное обязательство что-нибудь сделать, а предложение (через предложить) –

представление на обсуждение как известную возможность [152, с. 427, 580]. Отмеченное свидетельствует, что обещание и предложение посредничества в коммерческом подкупе или во взяточничестве – не само посредничество, а высказанное намерение к тому. Выходит справедлив взгляд (Е. Крылов, О.И. Ткачев, А.И. Парог, В.А. Шафорост и др.), что в закон включена уголовная ответственность за обнаружение умысла [99, с. 127; 118, с. 7; 196, с. 8; 227, с. 35; 254, с. 22], а это никак не может быть признано созданием условий для совершения преступления.

В ч. 2 ст. 146 УК РФ предусмотрены приобретение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта. Приведенные деяния, несомненно, могут быть созданием условий для совершения установленного той же частью данной статьи незаконного использования объектов авторского права. Во всяком случае, в качестве такого использования Пленум Верховного Суда РФ в п. 4 Постановления от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» определяет продажу экземпляров произведений или фонограмм [42, с. 3].

Если из ч. 2 ст. 146 УК РФ исключить приобретение, хранение, перевозку в целях сбыта, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 1 ст. 30 и остающимися положениями ч. 2 ст. 146. Следовательно, исключаемое положение в таком случае описывает фактическое приготовление к преступлению.

В ч. 1 ст. 150 УК РФ предусмотрено вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом. Приведенное деяние, несомненно, может быть созданием условий для совершения преступления, в которое вовлекается несовершеннолетний.

Если из ст. 150 УК РФ исключить ч. 1, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 1 ст. 30 и статьей о преступлении, в которое вовлекается

несовершеннолетний. Следовательно, исключаемое предписание в таком случае описывает фактическое приготовление к преступлению.

Похожая ситуация складывается в ч. 1 и ч. 1.1 ст. 205.1, ч. 1.1 ст. 212, ч. 2 ст. 242, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2, ст. 361 УК РФ. Здесь установленные случаи вовлечения в соответствующие деяния также являются фактическим приготовлением к преступлению.

В ч. 1 ст. 159 УК РФ предусмотрено мошенничество как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Вопрос состоит в том, чем выступает приобретение права на имущество по отношению к хищению имущества.

Г.Н. Борзенков полагает, что приобретение права в ч. 1 ст. 159 УК РФ «является либо приготовлением к последующему завладению имуществом, либо противоправным образом создает видимость законного владения имуществом, уже находящимся в обладании виновного» [125, с. 440]. Н.А. Лопашенко думает, что «эта позиция, во-первых, противоречива, поскольку дает сразу два варианта квалификации – и как приготовления, и как оконченого хищения; во-вторых, не соответствует закону»; «законодатель говорит о приобретении права на имущество, а не о получении в результате приобретенного права реального имущества» [128, с. 259].

Нам представляется, что Н.А. Лопашенко буквально восприняла фразу Г.Н. Борзенкова о приготовлении к последующему завладению имуществом. Скорее всего, в ней речь идет не о квалификации, а об отражении сущности приобретения права на чужое имущество как создания условий для совершения преступления. Соответственно создание видимости законного владения имуществом, уже находящимся в обладании виновного, не способно быть равным получению в результате приобретенного права реального имущества.

Более того, сама Н.А. Лопашенко признает, что «в мошенничестве, исходя из специфики способа хищения, способ – обман или злоупотребление доверием – и результат – получение имущества – могут значительно не совпадать во времени в том случае, если какое-либо имущество можно получить только через получение права на него» [128, с. 259]. Тем самым приобретение

права на чужое имущество при мошенничестве все-таки может быть созданием условий для хищения данного имущества.

Если из ч. 1 ст. 159 УК РФ исключить указание на приобретение права, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 159 по признаку хищения самого имущества. Следовательно, исключаемое предписание в таком случае описывает фактическое приготовление к преступлению.

Аналогична ситуация с мошенничеством в сфере компьютерной информации. В ч. 1 ст. 159.6 УК РФ также отражено приобретение права на чужое имущество, которое является фактическим приготовлением к преступлению.

В ч. 1 ст. 171.1 УК РФ предусмотрены производство, приобретение, перевозка в целях сбыта товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством РФ в случае, если таковые обязательны. Приведенные деяния, несомненно, могут быть созданием условий для совершения установленного в той же части данной статьи сбыта указанных товаров и продукции.

Если из ч. 1 ст. 171.1 УК РФ исключить производство, приобретение, перевозку в целях сбыта, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено в ч. 1 ст. 30 и остающихся положениях ч. 1 ст. 171.1. Следовательно, исключаемое предписание в таком случае описывает фактическое приготовление к преступлению.

Похожая ситуация складывается в ч. 3 и 5 ст. 171.1, ст. 186, 187, 191.1, 234, 234.1, 238, 327.1, 327.2 УК РФ. Здесь установленные ситуации совершения соответствующих деяний с определенной целью также являются фактическим приготовлением к преступлениям, реализующим ту же цель.

В ч. 2 ст. 173.2 УК РФ предусмотрены приобретение документа, удостоверяющего личность, или использование персональных данных, полученных незаконным путем, если эти деяния совершены для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице. Приведенные деяния, несомненно,

могут быть созданием условий для совершения установленного ч. 1 ст. 173.1 УК РФ представления в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекших внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах.

Если из ст. 173.2 УК РФ исключить ч. 2, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 173.1. Следовательно, исключаемое предписание в таком случае описывает фактическое приготовление к преступлению.

В ч. 1 ст. 205.1 УК РФ отражено финансирование терроризма, в ч. 3 – пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208; в ч. 4 – организация совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.3, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, а равно организация финансирования терроризма. Приведенные деяния, несомненно, могут быть созданием условий для совершения упомянутых преступлений.

Если из ст. 205.1 УК РФ исключить указание на финансирование, пособничество и организацию, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 205.1 или статьей, названной в ст. 205.1. Следовательно, исключаемые предписания в таком случае описывают фактическое приготовление к преступлению.

Похожая ситуация складывается в ч. 1 ст. 282.3 УК РФ, предусматривающей предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности. Приведенные деяния, несомненно, могут быть созданием условий для совершения таких преступлений.

Если из ч. 1 ст. 282.3 УК РФ исключить указание на предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет предусмотрено ч. 1 ст. 30 и статьей о преступлении

экстремистской направленности. Следовательно, исключаемое предписание в таком случае описывает фактическое приготовление к преступлению.

В ч. 1 ст. 205.4 УК РФ предусмотрено создание террористического сообщества, т.е. устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма. Приведенное деяние, несомненно, может быть созданием условий для совершения перечисленных преступлений.

Если из ч. 1 ст. 205.4 УК РФ исключить указание на создание террористического сообщества, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 1 ст. 30 и статьей, названной в ч. 1 ст. 205.4. Следовательно, исключаемое предписание в таком случае описывает фактическое приготовление к преступлению.

Похожая ситуация складывается в ст. 209, 210 и 282.1 УК РФ, предусматривающих создание, соответственно, банды, преступного сообщества (преступной организации) и экстремистского сообщества. Приведенные деяния также являются фактическим приготовлением к преступлению, для совершения которого создается определенная группа.

В ч. 1 ст. 211 УК РФ предусмотрен захват судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава в целях угона. Приведенное деяние, несомненно, может быть созданием условий для совершения установленного в той же части данной статьи угона.

Если из ч. 1 ст. 211 УК РФ исключить указание на захват в целях угона, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 211 по признаку угона. Следовательно, исключаемое предписание в таком случае описывает фактическое приготовление к преступлению.

В ч. 1 ст. 239 УК РФ предусмотрено создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью. Приведенное деяние, несомненно, может быть созданием условий для совершения преступлений против здоровья.

Если из ч. 1 ст. 239 УК РФ исключить указание на создание религиозного или общественного объединения, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 1 ст. 30 и статьей об определенном преступлении против здоровья. Следовательно, исключаемое предписание в таком случае описывает фактическое приготовление к преступлению.

В ч. 2 ст. 239 УК РФ предусмотрено создание некоммерческой организации (включая некоммерческую организацию, выполняющую функции иностранного агента) либо структурного подразделения иностранной некоммерческой неправительственной организации, деятельность которых сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний. Приведенное деяние, несомненно, может быть созданием условий для совершения определенного преступления.

Если из ч. 2 ст. 239 УК РФ исключить указание на создание некоммерческой организации либо структурного подразделения иностранной некоммерческой неправительственной организации, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 1 ст. 30 и статьей об определенном преступлении. Следовательно, исключаемое предписание в таком случае описывает фактическое приготовление к преступлению.

В ч. 1 ст. 242 УК РФ предусмотрены незаконные изготовление и (или) перемещение через Государственную границу РФ в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования порнографических материалов или предметов. Приведенные деяния, несомненно, могут быть созданием условий для совершения установленных в той же части данной статьи распространения, публичной демонстрации или рекламирования названных материалов или предметов.

Если из ч. 1 ст. 242 УК РФ исключить указание на незаконные изготовление и (или) перемещение, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 242 по признаку распространения, публичной демонстрации или рекламирования. Следовательно, исключаемое предписание в таком случае описывает фактическое приготовление к преступлению.

Похожая ситуация наблюдается в ч. 1 ст. 242.1 УК РФ, предусматривающей изготовление, приобретение и (или) перемещение через Государственную границу РФ в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Приведенные деяния могут быть фактическим приготовлением к установленным в той же части данной статьи распространению, публичной демонстрации или рекламированию тех же материалов и предметов.

Если из ч. 1 ст. 242.1 УК РФ исключить указание на изготовление, приобретение и (или) перемещение, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 242.1 по признаку распространения, публичной демонстрации или рекламирования. Следовательно, исключаемое предписание в таком случае описывает фактическое приготовление к преступлению.

В ч. 1 ст. 242.2 УК РФ предусмотрена фото-, кино- или видеосъемка несовершеннолетнего в целях распространения порнографических материалов или предметов. Приведенное деяние, несомненно, может быть созданием условий для совершения, установленного ч. 1 ст. 242.1 УК РФ распространения указанных материалов или предметов.

Если из ч. 1 ст. 242.2 УК РФ исключить указание на фото-, кино- или видеосъемку несовершеннолетнего в целях распространения, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 242.1 по признаку распространения. Следовательно, исключаемое предписание в таком случае описывает фактическое приготовление к преступлению.

В ст. 276 УК РФ предусмотрены собирание и похищение в целях передачи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну. Приведенные деяния, несомненно, могут быть созданием условий для установленной в той же статье передачи сведений, составляющих государственную тайну.

Если из ст. 276 УК РФ исключить указание на собирание и похищение в целях передачи, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 276 по признаку передачи. Следовательно, исключаемые предписания в таком случае описывают фактическое приготовление к преступлению.

В ч. 1 ст. 353 УК РФ предусмотрены подготовка или развязывание агрессивной войны. Приведенные деяния, несомненно, могут быть созданием условий для совершения установленного в ч. 2 данной статьи ведения данной войны.

Если из ст. 353 УК РФ исключить подготовку и развязывание, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 353. Следовательно, исключаемые предписания в таком случае описывают фактическое приготовление к преступлению.

В ч. 1 ст. 359 УК РФ предусмотрены вербовка и материальное обеспечение наемника. Приведенные деяния, несомненно, могут быть созданием условий для совершения установленного в той же части данной статьи использования наемника в вооруженном конфликте или военных действиях.

Если из ч. 1 ст. 359 УК РФ исключить указание на вербовку и материальное обеспечение, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 359 по признаку использования наемника в вооруженном конфликте или военных действиях. Следовательно, исключаемые предписания описывают фактическое приготовление к преступлению.

В ч. 2 ст. 361 УК РФ предусмотрено финансирование деяний, определенных ч. 1 настоящей статьи. Оно, несомненно, может быть созданием условий для совершения установленного в ч. 1 данной статьи совершения вне пределов территории РФ взрыва, поджога или

иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан РФ в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против интересов РФ, а также угрозы совершения указанных действий.

Если из ч. 2 ст. 361 УК РФ исключить финансирование, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 361. Следовательно, исключаемое предписание описывает фактическое приготовление к преступлению.

Других случаев отражения в Особенной части УК РФ фактического приготовления к преступлению мы не нашли. Причем некоторые из найденных действий дополняют признак иного создания условий для совершения преступления, установленный в ч. 1 ст. 30 УК РФ.

Правда, сходная с созданием условий для совершения преступления ситуация изложена в ст. 327 УК РФ. В ее ч. 1 предусмотрена подделка удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования, а в ч. 3 – использование заведомо подложного документа. Тем самым возникает впечатление, что деяние, установленное ч. 1 ст. 327 УК РФ, может быть созданием условий для совершения деяния, определенного в ч. 3. Вероятно, вследствие этого в литературе делается вывод, что подделка удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования при прочих необходимых обстоятельствах является фактическим приготовлением к использованию заведомо подложного документа [23, с. 151]. В то же время такое заключение, по нашему мнению, основано на поверхностном толковании уголовного закона. Более того, оно явно противоречит пониженной наказуемости использования заведомо подложного документа (максимально до шести месяцев ареста) в сравнении с подделкой (максимально до двух лет лишения свободы).

В п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2020 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 – 327.1

Уголовного кодекса Российской Федерации» разъяснено, что «в случаях, когда лицо, подделавшее в целях использования паспорт гражданина, удостоверение или иной официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей..., затем осуществляет их... использование, содеянное им охватывается составом преступления, предусмотренного частями 1 или 2 статьи 327 УК РФ, и дополнительной квалификации по части 3 статьи 327 УК РФ не требует» [62, с. 9]. Причем практика по конкретным делам и раньше последовательно исходила из этого [159, с. 9; 189, с. 21].

В связи с изложенным подходом возникает закономерный вопрос о том, когда же допустима квалификация преступления по ч. 3 ст. 327 УК РФ. Ответ нам видится не столько в том, что, как считается, в ч. 1 ст. 327 УК РФ «предусмотрена подделка документа с целью его использования» [21, с. 165], сколько в том, что использование заведомо подложного документа должно осуществляться лицом, не совершавшим его подделку [110, с. 720; 111, с. 948]. В противном случае необходимости в существовании ч. 3 ст. 327 УК РФ мы не видим. Наличие разных субъектов преступления в ч. 1 и 3 ст. 327 УК РФ, на наш взгляд, и исключает возможность признания подделки удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования фактическим приготовлением к использованию заведомо подложного документа.

На основании проведенных в параграфе исследований мы приходим к следующим выводам:

– в ч. 1 ст. 30 УК РФ следует указать, что приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом тяжкое или особо тяжкое преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам;

– в Особенной части УК РФ в качестве оконченного преступления подчас отражается фактическое приготовление к

преступлению, которое к неоконченному преступлению уже никакого отношения не имеет;

– под фактическим приготовлением к преступлению понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой создание условий для совершения преступления;

– при определении предписаний Особенной части УК РФ, отражающих фактическое приготовление к преступлению, необходимо исходить из того, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой создание условий для совершения данного преступления. Причем выявляется это мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в таком случае деяние без учета положений ч. 2 ст. 30 УК РФ может быть квалифицировано по ч. 1 данной статьи и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое приготовление к преступлению. В противном случае мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое приготовление к преступлению;

– фактическое приготовление к преступлению получило отражение в соответствующих предписаниях ст. 146, 150, 159, 159.6, 171.1, 173.2, 186, 187, 191.1, 205.1, 205.4, 209, 210, 211, 212, 234, 234.1, 238, 239, 242, 242.1, 242.2, 276, 282.1, 282.2, 282.3, 327.1, 327.2, 353, 359, 361 УК РФ.

§ 3. Покушение на преступление и его отражение в Особенной части УК РФ

Не взирая на то, что место отражения покушения на преступление – Общая часть УК РФ, в литературе подчас утверждается, что ответственность за второй вид неоконченного деяния предусмотрена и в Особенной части. Так, Л.В. Иногамова-Хегай и А.Г. Блинов к преступлениям, которые фактически признаются оконченными на стадии покушения, относят

посягательства, установленные ст. 277, 295 и 317 УК РФ [93, с. 94; 151, с. 386]. Т.В. Непомнящая пополняет перечень ст. 162 и 163 [243, с. 160]. А.Ю. Решетников полагает, что соответствующие разновидности покушения на преступление (помимо установления «общего запрета») признаются преступными в рамках отдельных уголовно-правовых норм ст. 162, 295, 317 и др. [100, с. 178]. Для установления, отвечает ли приведенный подход уголовному законодательству, необходимо исследовать, что представляет собой покушение на преступление и проверить, имеются ли в Особенной части УК РФ деяния, могущие быть признанными таким преступлением.

В ч. 3 ст. 30 УК РФ в отличие от ч. 1 представлены только общие предписания о покушении на преступление. И возражений против этого, думается, быть не может, ибо действия (бездействия), непосредственно направленные на совершение преступления, обладают своеобразием применительно к каждому преступлению, самостоятельно предусмотренному в Особенной части УК РФ.

Остановимся на признаках покушения на преступление, которые позволяют включить последнее вместе с оконченным преступлением и приготовлением к преступлению в объем понятия преступления. Мы имеем в виду признаки действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления. Остальные признаки покушения на преступление безразличны для темы нашего исследования.

В теории к непосредственной направленности на совершение преступления отношение сложное. Казалось бы, она должна отграничивать покушение на преступление от приготовления к преступлению.

Однако А.В. Наумов полагает, что «одни и те же действия в зависимости от характера преступного посягательства могут быть как покушением на преступление, так и приготовлением к преступлению»; «например, проникновение в квартиру с целью кражи – покушение, а проникновение туда же с целью убийства – приготовление»; «в первом случае проникновение в квартиру есть часть тайного хищения чужого имущества как объективной стороны

этого преступления»; «во втором случае совершенное деяние не входит в объективную сторону убийства и, следовательно, "не дотягивает" до стадии покушения» [85, с. 68; 97, с. 25; 108, с. 92; 138, с. 273; 205, с. 137; 232, с. 153-154; 257, с. 37]. М.П. Редин же проникновение в квартиру и с той, и с другой целью рассматривает как покушение на преступление [200, с. 112].

Напротив, С.В. Бородин указывает, что «одни и те же действия действительно в различных условиях могут получить различную уголовно-правовую оценку, если анализируются разные преступления, но одни и те же действия в рамках одного и того же действующего закона, когда речь идет об одном преступлении, никогда не могут быть признаны то приготовлением, то покушением» [28, с. 263]. В унисон в теории считается, что проникновение в квартиру «не дотягивает» до покушения как на кражу, так и на убийство, а является приготовлением к ним [21, с. 186-187].

В самом деле, на основании ст. 158 УК РФ кража – тайное хищение чужого имущества. Исходя из закона, тайным должно быть само хищение. Оно в соответствии с примечанием 1 к указанной статье совершается изъятием и (или) обращением чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Проникновение в квартиру по определению осуществляется до изъятия из нее чужого имущества. Пока такового не произойдет, соответствующая кража непосредственно явно еще не совершается. Отсюда следует, что, хотя «проникновение в квартиру есть часть тайного хищения чужого имущества как объективной стороны этого преступления», оно не более чем создает условия для совершения преступления, что характерно именно для приготовления к краже.

На основании ч. 1 ст. 105 УК РФ убийство – умышленное причинение смерти другому человеку. Проникновение же в квартиру с целью убийства не может не происходить до причинения смерти. Следовательно, проникновение в квартиру в таком случае выступает не более чем созданием условий для совершения преступления, что характерно исключительно для приготовления к убийству.

Сложности при разграничении приготовления к преступлению и покушения на преступление, по нашему мнению, возникают

вследствие того, что, как полагают в науке, выделенный законодателем специфический признак покушения на преступления не позволяет четко сделать это, ибо непосредственная направленность на совершение преступления выступает показателем действий (бездействия), осуществляющихся до начала совершения преступления и заключающихся в создании условий для его совершения, т.е. «характерна не для покушения, а для приготовления к преступлению»; «при покушении же на преступление действия виновного... являются непосредственным его совершением...» [16, с. 520; 216, с. 76; 245, с. 95].

В противовес С.В. Бородин отметил, что при приготовлении к преступлению «действия не направлены еще непосредственно на осуществление преступления...» [28, с. 254]. А.М. Зацепин непосредственное совершение преступления видит «лишь в оконченном деянии» и считает, что «при покушении же на преступления такового быть не может, ибо оконченного деяния не совершается, а действия (бездействие) именно направлены на его совершение», отрицательно относясь в связи с этим к неоднократно предлагаемым изменениям [9, с. 18; 96, с. 10; 130, с. 282] в отмеченной части формулировки покушения на преступление [86, с. 185].

А.П. Козлову признак непосредственной направленности на совершение преступления представляется «абсолютно неприемлемым». Объясняет это он следующим образом: «Во-первых, коль скоро речь идет о действии – исполнении преступления, то оно не может быть направлено *на совершение преступления*, поскольку само является этапом совершения преступления, т.е. совершением преступления. Во-вторых, законодательный прием в изложенной части противоречит в целом общей теории стадий совершения преступления, так как ограничивает совершение преступления лишь преступным результатом, хотя согласно теории стадии совершения преступления начинаются с возникновения замысла. В-третьих, понятие "непосредственно" в целом соответствует сущности покушения, поскольку требует определения причинной связи, однако оно несколько сложно в толковании» [108, с. 265-266].

А.М. Зацепин не соглашается с А.П. Козловым. Он указывает:

– по поводу первого аргумента на то, что, конечно, «действия, составляющие покушение на преступление, направлены не на самое себя, а на совершение *оконченного* преступления», выражение же «"является этапом совершения преступления, т.е. совершением преступления" ничем не яснее критикуемого предписания закона»;

– по поводу второго аргумента на то, что противоречие общей теории стадий совершения преступления, «мнимо, ибо возникновение замысла всегда происходит до совершения действий, направленных на совершение преступления»;

– по поводу третьего аргумента на то, что «автор не пояснил, в чем заключается эта сложность» в толковании «понятия "непосредственно"» [86, с. 184].

Обычно же в литературе (Т.В. Жукова, М.В. Гринь, А.И. Ситникова, Б.В. Яценко, Ю.В. Грачева и др.) считается, что непосредственная направленность на совершение преступления или специфика покушения на преступление означает начало выполнения объективной стороны преступления [85, с. 48; 216 с. 76; 233, с. 108; 240, с. 162; 257, с. 37]. В отдельных случаях обращается внимание на то, что в русском языке слово «начало» означает исключительно первый момент или первые моменты какого-нибудь действия, явления [152, с. 399], и в связи с этим отмечается, что покушение на преступление способно охватывать не только первые моменты совершения преступления, но и последующие, вплоть до наступления в некоторых случаях общественно опасных последствий (конечно, не тех или не в том объеме, которые предусмотрены составом преступления) [21, с. 187]. Завершающие неоконченное преступление действия могут быть существенно отдалены от начальных (например, первые акты незавершенного продолжаемого преступления, совершаемого неделями, месяцами или даже годами, от последних либо истязания, не закончившиеся наступлением смерти потерпевшего только вследствие своевременного оказания ему необходимой медицинской помощи).

Не случайно А.И. Чучаев в своих работах постоянно обращает внимание на то, что покушение на преступление характеризует

начало непосредственного совершения преступления, посягательство на охраняемый уголовным законом объект, частичное выполнение объективной стороны конкретного преступления [234, с. 182; 238, с. 73; 244, с. 124]. Правда, посягательство и частичное выполнение объективной стороны явно вбирают в себя и отдельно названное начало непосредственного совершения преступления. Тем самым, мы полагаем, что совершенно прав А.Ю. Решетников, когда основным объективным признаком покушения называет выполнение лишь части преступления [201, с. 17].

По поводу признака непосредственной направленности на совершение преступления нам более всего импонирует мнение А.М. Зацепина. На его взгляд, рассматриваемый признак означает, что

«– покушение на преступление происходит после 1) возникновения (появления) намерения совершить преступление (голый умысел), 2) проявления этого намерения вовне (обнаружение умысла) либо 3) создания условий для совершения преступления. Разумеется, второй и третий вариант не могут появиться вне первого, а для третьего варианта второй факультативен (создание условий для совершения может начаться и без проявления вовне решимости совершить преступление);

– покушение на преступление выражается в устремленности действий (бездействия) на совершение оконченного преступления. Дело в том, что поскольку покушение на преступление само по себе преступление, пусть и неоконченное, преступление, на совершение которого непосредственно направлены действия (бездействие), явно оконченное» [86, с. 183].

Представленный подход полностью основан на значении использованных в законе терминов. В русском языке слово «непосредственный» толкуется как прямо следующий после чего-нибудь, прямо вытекающий из чего-нибудь, без посредствующих звеньев, участников, а слово «направление» восходит к слову «направить», которое означает устремить к чему-нибудь [152, с. 410, 389].

Конечно, В.В. Мальцев справедливо обратил внимание «на то существенное обстоятельство, что "умышленные действия

(бездействие) лица" (общественно опасные деяния) как важнейший элемент структуры общественно опасного поведения (преступления) не могут быть "непосредственно направленными на совершение преступления" (то есть, по сути, на самих себя)» [130, с. 281]. В то же время приведенный аргумент названного ученого, по нашему мнению, успешно преодолевается соответствующим толкованием уголовного закона.

В ч. 3 ст. 30 УК РФ не отражено, какое преступление при покушении не доводится до конца. Вряд ли само покушение. Существительное «покушение» происходит из глагола «покуситься», который означает попытаться сделать что-нибудь, или завладеть, распорядиться чем-нибудь (о чем-нибудь недозволенном, незаконном) [152, с. 551]. Следовательно, речь надлежит вести о том, что должно быть доведено до конца, а этим не может быть не что иное, кроме оконченного преступления (ч. 1 ст. 29 УК РФ). Как нам представляется, именно данное обстоятельство не принимает во внимание Ю.Е. Пудовочкин, когда заявляет, что «законодательная формула» о непосредственной направленности на совершение преступления «выводит покушение за границы преступления» [192, с. 118].

Отмеченное, разумеется, вовсе не означает, что нормативное определение покушения на преступление безупречно. На наш взгляд, оно затушевывает то, что покушение на преступление, являясь разновидностью преступления, должно быть *общественно опасным* деянием. Соответственно целесообразно, чтобы в ч. 3 ст. 30 УК РФ были названы не просто действия (бездействие), но общественно опасные действия (бездействие).

Конкретно непосредственная направленность на совершение преступления проявляется в том, что лицо приступило к совершению деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, но действия (бездействие) либо выполняются не в полном объеме, либо не влекут общественно опасные последствия, предусмотренные статьей или частью статьи Особенной части [21, с. 188-189]. В качестве подтверждения сказанному приведем практику Пленума Верховного Суда РФ:

1) в отношении действий (бездействия):

– в п. 12 Постановления от 9 июля 2013 г. № 24 (в редакции от 24 декабря 2019 г.) указано, что «если должностное лицо или лицо, осуществляющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, отказалось принять взятку или предмет коммерческого подкупа, действия взяткодателя или лица, передающего незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе, подлежат квалификации как покушение на преступление, предусмотренное статьей 291, 2 УК РФ, частями 1 – 4 статьи 204, статьей 204.2 УК РФ в части передачи предмета коммерческого подкупа.

Содеянное следует также квалифицировать как покушение на дачу либо получение взятки, коммерческий подкуп и в случае, когда условленная передача ценностей не состоялась по обстоятельствам, не зависящим от воли лиц, действия которых были направлены на их передачу или получение»;

– в п. 24 того же Постановления, – что владелец переданных должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, в качестве взятки либо предмета коммерческого подкупа ценностей, «несет ответственность за покушение на дачу взятки или коммерческий подкуп», если лицо, которое должно было совершить соответствующие действия (бездействие) не может их осуществить ввиду отсутствия соответствующих служебных полномочий или должностного положения [60, с. 21-22, 23];

– в п. 14 Постановления от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы», – что «если военнослужащий имел намерение самовольно отсутствовать в части (в месте службы) в пределах сроков, установленных частями 1, 3 и 4 статьи 337 УК РФ, но был задержан до истечения этих сроков, содеянное следует квалифицировать как покушение на соответствующее преступление в зависимости от направленности умысла лица, уклонившегося от военной службы»;

– в п. 19 того же Постановления, – что «если подлог документов, на основании которых лицо подлежало досрочному увольнению с военной службы, был обнаружен командованием, содеянное следует квалифицировать как покушение на преступление, предусмотренное частью 2 статьи 339 УК РФ» [43, с. 5, 7];

– в п. 7 Постановления от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», – что «в тех случаях, когда активные действия лица, направленные на создание устойчивой вооруженной группы, в силу их своевременного пресечения правоохранительными органами либо по другим не зависящим от этого лица обстоятельствам не привели к возникновению банды, они должны быть квалифицированы как покушение на создание банды» [213, с. 402];

2) в отношении последствий:

– в п. 2 Постановления от 27 января 1999 г. № 1 покушение на убийство охарактеризовано тем, что «смертельный исход не наступил» [34, с. 2];

– в п. 24 Постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 (в редакции от 23 декабря 2010 г.) разъяснено, что «если ущерб, причиненный в результате кражи, не превышает» размера, установленного примечанием 2 к статье 158 УК РФ, «либо ущерб не наступил по обстоятельствам, не зависящим от виновного, содеянное может квалифицироваться как покушение на кражу с причинением значительного ущерба гражданину...» [47, с. 6];

– в п. 25 того же Постановления (в редакции от 6 февраля 2007 г.), – что «в случаях, когда лицо, совершившее грабеж или разбойное нападение, имело цель завладеть имуществом в крупном или особо крупном размере, но фактически завладело имуществом, стоимость которого не превышает двухсот пятидесяти тысяч рублей либо одного миллиона рублей, его действия надлежит квалифицировать, соответственно, по части третьей статьи 30 УК РФ и пункту "д" части второй статьи 161 или по пункту "б" части третьей статьи 161 как покушение на грабеж, совершенный в крупном размере или в особо крупном размере, либо по части третьей статьи 162 или по пункту "б" части четвертой статьи 162 УК РФ как оконченный разбой,

совершенный в крупном размере или в целях завладения имуществом в особо крупном размере» [41, с. 25];

– в п. 7 Постановления от 30 ноября 2017 г. № 48, – что «в том случае, когда лицо использовало изготовленный им самим поддельный документ в целях хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, однако по независящим от него обстоятельствам не смогло изъять имущество потерпевшего либо приобрести право на чужое имущество, содеянное следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 327 УК РФ, а также частью 3 статьи 30 УК РФ и, в зависимости от обстоятельств конкретного дела, соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за мошенничество» [58, с. 8];

– в п. 16 Постановления от 15 июня 2006 г. № 14 (в редакции от 23 декабря 2010 г. и 30 июня 2015 г.), – что «покупатели, получившие под видом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, сильнодействующих или ядовитых веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ какие-либо иные средства или вещества», «при наличии предусмотренных законом оснований могут нести ответственность за покушение на незаконное приобретение» желаемого «в значительном, крупном или особо крупном размере, а также сильнодействующих или ядовитых веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ» [40, с. 7; 47, с. 8; 55, с. 16];

– в п. 13 Постановления от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», – что «если лицо похитило непригодные к функциональному использованию огнестрельное оружие, комплектующие детали к нему, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства, заблуждаясь относительно их качества и полагая, что они исправны, содеянное следует квалифицировать как покушение на хищение

огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств» [35, с. 5];

– в п. 6 Постановления от 5 июня 2002 г. № 14 (в редакции от 6 февраля 2007 г.) «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем», – что если в результате умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного из хулиганских побуждений, путем поджога, взрыва или иным общеопасным способом «предусмотренные законом последствия не наступили по причинам, не зависящим от воли виновного, то содеянное при наличии у него умысла на причинение значительного ущерба должно рассматриваться как покушение на умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 167 УК РФ)» [37, с. 4; 41, с. 24];

Правда, нужно отметить, что практика не всегда, на наш взгляд, различает покушение на преступление и приготовление к преступлению. Так, в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» сказано, что «как покушение на угон транспортного средства без цели хищения следует рассматривать действия лица, пытавшегося взломать замки и системы охранной сигнализации, завести двигатель либо с целью угона начать движение, если действия этого лица были пресечены или по иным независящим от него обстоятельствам ему не удалось реализовать преступный умысел на использование транспортного средства в личных интересах без цели хищения» [44, с. 5]. Чьи-то попытки взломать замки и системы охранной сигнализации, завести двигатель, на наш взгляд, представляют собой только создание условий для совершения угона, ибо использование транспортного средства может начаться не ранее их удачного совершения.

В п. 13.2 Постановления того же Пленума от 15 июня 2006 г. № 14 (в редакции от 30 июня 2015 г.) разъяснено, что «если лицо в целях

осуществления умысла на незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает, перерабатывает эти средства, вещества, растения, тем самым совершает действия, направленные на их последующую реализацию и составляющие часть объективной стороны сбыта, однако по не зависящим от него обстоятельствам не передает указанные средства, вещества, растения приобретателю, то такое лицо несет уголовную ответственность за покушение на незаконный сбыт этих средств, веществ, растений» [55, с. 16]. Все приведенные Пленумом в данном случае действия, по нашему мнению, являются не более чем созданием условия для совершения сбыта, ибо даже он сам их называет направленными на «последующую» реализацию.

Однако указания на действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления, содержатся не только в Общей части УК РФ, но и в Особенной. В теории обращено внимание на то, что законодатель отдельные такие действия (бездействие) криминализировал как оконченные преступления. Так, в одних случаях считается, что при предусмотренных ст. 277, 295 и 317 УК РФ посягательствах совершаются только действия, непосредственно направленные на лишение жизни потерпевших [23, с. 150], а в других – что законодатель совершение подобных действий криминализировал в качестве самостоятельных преступлений, например, таких, как разбой (ст. 162) и вымогательство (ст. 163) [86, с. 198].

У нас не возникает каких-либо сомнений, что в приведенных, а также других подобных им случаях, в законе представлены именно юридически оконченные преступления, но фактически они могут быть неоконченными покушениями на преступление. Последние уже никакого отношения к собственно неоконченным преступлениям, по нашему мнению, не имеют. Под фактическим покушением на преступление мы понимаем виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой

общественно опасные действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления.

Правда, Л.В. Иногамова-Хегай считает иначе. На ее взгляд, «действия, реально образующие покушение в случаях, предусмотренных Особенной частью уголовного закона, представляют собой оконченные самостоятельные преступления...»; «нормы об этих преступлениях, конкретизирующие норму о покушении, предусмотренную как общей ч. 3 ст. 30 УК, являются специальными»; «при квалификации указывается только норма Особенной части УК» [92, с. 95]. Такому подходу уже дана, по нашему мнению, убедительная критика, согласно которой соответствующие статьи Особенной части УК РФ не конкурируют со ст. 30, поскольку лишь по ней в отличие от статей Особенной части преступления не квалифицируются, ибо на основании ч. 3 ст. 29 неоконченное преступление квалифицируется «по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, со ссылкой на статью 30 настоящего Кодекса» [21, с. 144]. В свою очередь А.М. Зацепиным дополнительно указано, что, предусмотрев в Особенной части УК РФ в качестве оконченного преступления деяние, в принципе являющееся покушением на преступление, законодатель вывел его из неоконченного преступления, и оно стало оконченным преступлением, с покушением на преступление, не способным конкурировать по определению [86, с. 45].

При выявлении положений Особенной части УК РФ, действительно отражающих фактическое покушение на преступление, по нашему мнению, необходимо исходить из того, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой общественно опасные действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение такого преступления. Причем последнее также должно быть отражено в Особенной части УК РФ. В противном случае о действиях (бездействиях), непосредственно направленных именно на совершение преступления, речи быть не может.

Представляет ли собой определенное деяние действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления, выявляется мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в таком случае деяние может быть квалифицировано по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое покушение на преступление. В противном случае мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое покушение на преступление.

В ч. 1 ст. 110 УК РФ предусмотрено доведение лица до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Приведенное деяние, несомненно, является действием, непосредственно направленным на совершение установленного в той же части доведения лица до самоубийства.

Если из ч. 1 ст. 110 УК РФ исключить указание на доведение лица до покушения на самоубийство, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 3 ст. 30 и оставшимися положениями ч. 1 ст. 110. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое покушение на преступление.

Сходная ситуация наблюдается с покушением на самоубийство, предусмотренным ч. 4 и 5 ст. 110.1 УК РФ. Она отличается лишь тем, что покушение должно вызвать склонение к самоубийству или содействие самоубийству.

К слову, установление уголовной ответственности за доведение до покушения на самоубийство выглядит несколько странно, на что уже обращалось внимание в литературе [208, с. 29]. Самоубийство не является виновно совершенным общественно опасным деянием, запрещенным Уголовным кодексом под угрозой наказания. Покушение же на преступление – действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение преступления. Соответственно, если в ст. 110 и 110.1 УК РФ и должна идти речь о чем-то подобном, то только как о доведении лица до попытки

самоубийства. Причем интересно, что применительно к провокации взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд говорится именно о *попытке* передачи соответствующему лицу без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа (ст. 304 УК РФ).

В ч. 1 ст. 122 УК РФ предусмотрено заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией. Приведенное деяние, несомненно, является действием, непосредственно направленным на совершение установленного в ч. 2 данной статьи заражения другого лица ВИЧ-инфекцией лицом, знавшим о наличии у него этой болезни.

Если из ст. 122 УК РФ исключить ч. 1, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 122. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое покушение на преступление.

В ч. 1 ст. 162 УК РФ предусмотрен разбой как нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Нападение в названных целях, несомненно, является действием, непосредственно направленным на совершение хищения, а не, как считается, созданием условий для совершения преступления [23, с. 150], ибо совершаются другие действия, описанные в ч. 1 ст. 162 УК РФ (применение названного насилия или угрозы его применения).

Если из ч. 1 ст. 162 УК РФ исключить указание на нападение в указанных целях, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 3 ст. 30 и оставшихся в ч. 1 ст. 162 действиях. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое покушение на преступление.

Сходная ситуация с пиратством. В ч. 1 ст. 227 УК РФ оно предусмотрено как нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения. От разбоя пиратство отличается лишь специальным местом совершения преступления.

В ч. 1 ст. 215.3 УК РФ предусмотрены разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние нефтепроводов, нефтепродуктопроводов, газопроводов, а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые могли повлечь нарушение их нормальной работы и были совершены из корыстных или хулиганских побуждений. Названные деяния, несомненно, являются действиями, непосредственно направленными на совершение установленных в той же части данной статьи деяний, которые повлекли нарушение нормальной работы.

Приходя к изложенному выводу, мы, с одной стороны, исходим из закона. Дело в том, что ч. 2 ст. 24 УК РФ деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса. Поскольку же в ст. 215.3 УК РФ указание на неосторожность отсутствует, в ней определенное преступление, на наш взгляд, может совершаться умышленно, в отсутствие чего покушение на преступление, разумеется, не возникает.

С другой стороны, мы опираемся на положения п. 5 отмененного Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 1991 г. (в редакции от 6 февраля 2007 г.) «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных и иных работ», в котором возможность повлечь вредные последствия была названа «наличием реальной опасности наступления таких последствий» [41, с. 19]. Причем, очевидно, что они способны не наступить по не зависящим от лица обстоятельствам.

Если из ч. 1 ст. 215.3 УК РФ исключить указание на приведение в негодное для эксплуатации состояние соответствующих объектов,

которое могло повлечь нарушение их нормальной работы, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 3 ст. 30 и оставшимися положениями ч. 1 ст. 215.3. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое покушение на преступление.

В ч. 1 ст. 247 УК РФ предусмотрены производство запрещенных видов опасных отходов, транспортировка, хранение, захоронение, использование или иное обращение радиоактивных, бактериологических, химических веществ и отходов с нарушением установленных правил, если эти деяния создали угрозу причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде. Приведенные деяния, несомненно, являются действиями (бездействием), непосредственно направленными на совершение установленных в ч. 2 данной статьи тех же деяний, повлекших загрязнение, отравление или заражение окружающей среды, причинение вреда здоровью человека либо массовую гибель животных.

Приходя к приведенному выводу, мы, с одной стороны, опять исходим из ч. 2 ст. 24 УК РФ. Поскольку в ст. 247 УК РФ указание на неосторожность отсутствует, в ней определенное преступление, по нашему мнению, может совершаться умышленно, в отсутствие чего покушение на преступление, естественно, не возникает.

С другой стороны, мы основываемся на положениях п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», в котором разъяснено, что «создание угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде (часть 1 статьи 247 УК РФ) означает возникновение такой ситуации, которая повлекла бы предусмотренные законом вредные последствия, если бы они не были предотвращены вовремя принятыми мерами или иными обстоятельствами, не зависящими от воли лица, нарушившего правила обращения с экологически опасными веществами и

отходами» [51, с. 3]. Ясно, что именно о подобной ситуации и идет речь в ч. 3 ст. 30 УК РФ.

Если из ст. 247 УК РФ исключить ч. 1, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет предусмотрено ч. 3 ст. 30 и положениями ч. 2 ст. 247 о тех же деяниях, повлекших загрязнение, отравление или заражение окружающей среды, причинение вреда здоровью человека либо массовую гибель животных. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае является фактическим покушением на преступление.

В ст. 277 УК РФ предусмотрено посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность. Приведенное деяние, несомненно, является действием, непосредственно направленным на совершение, установленного п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ убийства лица в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга.

Если из УК РФ исключить ст. 277, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет отражено ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 2 ст. 105. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое покушение на преступление.

Сходная ситуация наблюдается в отношении посягательств на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), либо сотрудника правоохранительного органа (ст. 317). Они отличаются от ранее рассмотренного посягательства исключительно потерпевшими от преступления.

Правда, к посягательству на жизнь имеются разные подходы. На практике уже дано считается, что им «надлежит рассматривать убийство или покушение на убийство...» [176]. Однако в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2004 г. № 72-О04-6 говорится, что «преступление, связанное с посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа, является оконченным с момента начала действий, направленных на

лишение жизни данного сотрудника независимо от наступившего результата...» [39, с. 26].

В литературе отношение к посягательству на жизнь аналогичное. Так, чаще всего считают, что посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля охватывает убийство и покушение на убийство (Ю.М. Ткачевский, И.М. Тяжкова, Ю.Е. Пудовочкин, Ю.В. Грачева, В.В. Палий, Е.В. Пономаренко, и др.) [74, с. 26; 119, с. 26; 125, с. 28; 174, с. 80; 191, с. 51], но порой полагают, что – это совершение действий, непосредственно направленных на их убийство (А.И. Коробеев, С.В. Дьяков и др.) [80, с. 92], т.е. только покушение на убийство.

В русском языке посягательство означает попытку причинить вред, ущерб [152, с. 571]. Тем самым под посягательством на жизнь соответствующих лиц целесообразно понимать лишь общественно опасные действия, непосредственно направленные на причинение им смерти. Никто же не говорит, что, например, разбой – это и покушение на хищение, и само хищение, хотя последнее – при соответствующих обстоятельствах, разумеется, тоже разбой.

Других случаев отражения в Особенной части УК РФ фактического покушения на преступление мы не обнаружили. На основании проведенных в параграфе исследований мы приходим к следующим выводам:

- покушением на преступление следует считать соответствующие общественно опасные действия (бездействие);
- в Особенной части УК РФ в качестве оконченного преступления подчас отражается фактическое покушение на преступление, которое к неоконченному преступлению уже никакого отношения не имеет;
- под фактическим покушением на преступление понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой общественно опасные действия (бездействия), непосредственно направленные на совершение преступления;

– при определении предписаний Особенной части УК РФ, отражающих фактическое покушение на преступление, необходимо исходить из того, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой общественно опасные действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение данного преступления. Причем выявляется это мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в таком случае деяние может быть квалифицировано по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое покушение на преступление. В противном случае мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое покушение на преступление;

– фактическое покушение на преступление получило отражение в соответствующих предписаниях ст. 110, 110.1, 122, 162, 215.3, 227, 247, 277, 295, 317 УК РФ.

§ 4. Оценка отражения неоконченного преступления в Особенной части УК РФ

По поводу правомерности существования в Особенной части УК РФ фактических неоконченных преступлений в теории сформировались противоположные позиции. Одни авторы считают, что в Особенной части УК РФ не содержится неоконченных преступлений, другие согласны с таким размещением уголовно-правового материала, третьи являются противниками этого.

Так, А.Н. Петрушенков полагает, что «в Общей части УК РФ ничего не говорится о возможности переноса стадий неоконченного преступления в содержание диспозиций статей Особенной части УК РФ и превращения их в оконченные преступления»; «в случае наличия неоконченного состава преступления в конкретной статье Особенной части УК РФ при квалификации необходимо обязательно делать ссылку на части 1 или 3 статьи 30 Общей части УК РФ»; «соответствующее положение закреплено в части 3 статьи 29 УК РФ»; «другого правила в действующем уголовном законодательстве

не существует» [165, с. 155]. Формально все так, но, по существу, в соответствии с ранее изложенным фактически неоконченные преступления присутствуют в Особенной части УК РФ. Следовательно, проблема имеется и требует разрешения.

По мнению Л.В. Иногамовой-Хегай, «некоторые виды подготовительной асоциальной деятельности лиц настолько опасны, что интересы защиты граждан, общества, государства от такой деятельности требуют применения решительных мер на более ранней стадии, когда только создаются условия для совершения преступлений» [93, с. 93]. С ней солидарен А.И. Рарог, который указывает, что «законодатель в исключительных случаях может перенести момент окончания преступления на более раннюю стадию, объявив приготовительную деятельность самостоятельным окончанным преступлением» [197, с. 17]. В.Н. Некрасов добавляет, что объявление фактически неоконченного и продолжающегося преступного деяния окончанным – «есть результат поиска законодателем наиболее оптимального способа изложения норм о неоконченном преступлении» [139, с. 19].

Напротив, Е.В. Благов пришел к заключению, что «следовало бы трансформировать преступления, допускающие ответственность за деяния, являющиеся, по существу, приготовлением к преступлению или покушением на преступление, в собственно оконченные преступления» [23, с. 151]. Не менее категоричен Н.А. Бабий, указавший, что «если наказуемость приготовления к преступлению и покушения на преступление установлена в Общей части, то в нормах Особенной части должны формулироваться только фактически оконченные преступления и не должно быть отдельной наказуемости ни приготовительных действий, ни неудавшегося исполнения преступления» [16, с. 448]. С ними солидарен М.В. Феоктистов, считающий, что «законодательное решение» об отражении фактических приготовительных действий в некоторых статьях Особенной части УК РФ «нельзя признать оптимальным, поскольку оно ведет к необоснованному расширению казуистичности уголовного закона» [249].

Из указаний ч. 3 ст. 29 УК РФ, на наш взгляд, прямо вытекает, что в статьях Особенной части УК РФ должны отражаться исключительно оконченные преступления. Как следствие неоконченным преступлениям в данных статьях места нет.

Формально идея, заложенная в ч. 3 ст. 29 УК РФ, в статьях Особенной части получила безупречное воплощение. В них, конечно, описаны исключительно оконченные преступления. Все заключается в том, что в УК РФ, по нашему мнению, в качестве оконченного преступления в принципе может быть представлено любое деяние, ибо, как отмечалось, с одной стороны, неоконченных преступлений для уголовного права в принципе не бывает, а с другой стороны, преступления, присутствующие в Особенной части, могут быть признаны оконченными, если они фактически и доведены до конца, и не доведены до него, поскольку первый признак отсутствует в действующей редакции ч. 1 ст. 29.

Между тем в литературе делался вывод, что относительно оконченного и неоконченного преступления «в ч. 3 ст. 29 УК РФ заложена одна законодательная идея, а в Особенной части нашла отражение совсем другая»; «из Общей части УК РФ следует, что все преступления, которые не доводятся до конца по не зависящим от лиц, их совершающих, обстоятельствам – неоконченные, а которые доводятся до конца – оконченные»; «из Особенной же части УК РФ вытекает, что оконченными могут быть как преступления, доведенные до конца, так и не доведенные до конца по обстоятельствам, не зависящим от лиц, их совершающих» [23, с. 150]. Нам же все-таки кажется, что законодатель, не включив в понятие оконченного преступления признак доведения деяния до конца, вольно или невольно подстраховал себя от подобных упреков. Тем самым формально оконченное преступление все-таки вполне может существовать как фактическое неоконченное преступление.

Иное дело должное. Л.В. Иногамова-Хегай, обратив внимание на то, что «в последнее время УК наполнился составами, где криминализованы, по существу, приготовление или соучастие на этапе приготовления», пришла к выводу, что это «ведет не к усилению борьбы с преступностью, а к размыванию уголовной

ответственности, к созданию противоречивых, ненужных конкурирующих норм» [7, с. 114]. Абсолютно тоже самое можно повторить и относительно покушения на преступление.

Включая в оконченное преступление фактическое неоконченное преступление, законодатель входит в противоречие с собственными установлениями об уголовной ответственности при неоконченном преступлении. Во-первых, отражение фактических неоконченных преступлений в Особенной части УК РФ разрушает ее единство с Общей частью.

С одной стороны, исходя из ч. 3 ст. 29 УК РФ, в статьях Особенной части непосредственно не должны устанавливаться фактические неоконченные преступления. В противном случае ссылка на ст. 30 УК РФ ведет к неопределенности решения, о каком конкретно преступлении идет речь. При такой ссылке оконченого преступления быть не может (ч. 1 ст. 29 УК РФ). Однако не может быть и неоконченного преступления, поскольку будет совершаться деяние, описанное в ч. 1 ст. 29 УК РФ, а не в ст. 30.

С другой стороны, одним из правил конструирования состава преступления является недопустимость построения избыточных составов преступлений, в частности, создание автономных составов для регламентации явлений, уже нормированных Общей частью УК РФ [89, с. 124, 127]. Отсюда отражение фактических неоконченных преступлений в Особенной части УК РФ избыточно в связи с тем, что неоконченное преступление исчерпывающе нормировано в ч. 2 и 3 ст. 29 и ст. 30.

С третьей стороны, в соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность за приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести должна отсутствовать. Когда же она устанавливается в Особенной части УК РФ за фактическое приготовление к преступлению, данное ограничение подчас не учитывается. Не случайно именно в неустановлении уголовной ответственности за приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести М.В. Феоктистов видит причины криминализации фактических приготовительных действий [249].

Так, фактические приготовления к преступлениям небольшой тяжести, которые на основании ч. 2 ст. 15 УК РФ влекут максимальное наказание до трех лет лишения свободы, отражены в

- ч. 2 ст. 146, предусматривающей за приобретение, перевозку контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта, максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет;

- ч. 1 ст. 159, предусматривающей за приобретение права на чужое имущество максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет;

- ч. 1 ст. 159.6, предусматривающей за приобретение права на чужое имущество максимальное наказание в виде ареста на срок до четырех месяцев;

- ч. 1 ст. 171.1, предусматривающей за производство, приобретение, перевозку в целях сбыта товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством РФ, максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет;

- ч. 3 ст. 171.1, предусматривающей за производство, приобретение, перевозку в целях сбыта продовольственных товаров без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством РФ, максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет;

- ч. 5 ст. 171.1, предусматривающей за производство, приобретение, перевозку в целях сбыта немаркированной алкогольной продукции максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет;

- ч. 1 ст. 191.1, предусматривающей за приобретение, перевозку, переработку в целях сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет;

- ч. 2 ст. 191.1, предусматривающей за приобретение, перевозку, переработку в целях сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины, совершенные группой лиц по предварительному сговору, максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет;

– ч. 1 ст. 234, предусматривающей за незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет;

– ч. 1 ст. 234.1, предусматривающей за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ в целях сбыта максимальное наказание в виде ограничения свободы на срок до двух лет;

– ч. 1 ст. 238, предусматривающей за производство или перевозку в целях сбыта товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, максимальное наказание в виде лишения свободы на срок двух лет;

– ч. 1 ст. 242, предусматривающей за незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов в целях распространения, публичной демонстрации или рекламирования максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет;

– ч. 1 ст. 327.1, предусматривающей за изготовление в целях сбыта поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия, защищенных от подделок, максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет;

– ч. 3 ст. 327.1, предусматривающей за изготовление в целях сбыта поддельных акцизных марок либо федеральных специальных марок для маркировки алкогольной продукции либо поддельных специальных (акцизных) марок для маркировки табачных изделий максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет;

– ч. 1 ст. 327.2, предусматривающей за изготовление в целях использования заведомо поддельных документов на лекарственные средства или медицинские изделия максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет;

– ч. 2 ст. 327.2, за изготовление в целях использования заведомо поддельных первичной упаковки и (или) вторичной (потребительской) упаковки лекарственного препарата максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет.

Фактические приготовления к преступлениям средней тяжести, которые на основании ч. 3 ст. 15 УК РФ влекут максимальное наказание до пяти лет лишения свободы, отражены в

- ч. 1 ст. 150, предусматривающей за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет;

- ч. 2 и 5 ст. 159, предусматривающих за приобретение права на чужое имущество максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет;

- ч. 2 ст. 159.6, предусматривающей за приобретение права на чужое имущество максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет;

- ч. 1.1 ст. 171.1, предусматривающей за производство, приобретение, перевозку в целях сбыта товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством РФ, совершенные группой лиц по предварительному сговору, максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет;

- ч. 3 ст. 191.1, предусматривающей за приобретение, перевозку, переработку в целях сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины, совершенные в особо крупном размере, или организованной группой, или лицом с использованием своего служебного положения, максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет;

- ч. 2 ст. 234, предусматривающей за незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта, совершенный группой лиц по предварительному сговору, максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет;

- ч. 1 ст. 239, предусматривающей за создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан, максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет.

Существование предписаний ч. 2 ст. 30 УК РФ, не допускающих наступления уголовной ответственности за приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести, и введение таковой

через посредство соответствующих статей Особенной части А.П. Козлов правильно назвал противоречием, которое «нельзя признать оправданным, поскольку законодатель обязан соблюдать внутреннюю логику закона» [108, с. 235]. Неустановление уголовной ответственности за приготовление ко всем преступлениям небольшой и средней тяжести в ч. 2 ст. 30 УК РФ, на наш взгляд, должно исключать ее в Особенной части.

С четвертой стороны, в ст. 66 УК РФ дифференцируется наказание за неоконченное преступление в сравнении с оконченным. В ней определено, что срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление, при покушении на преступление – трех четвертей; при этом смертная казнь и пожизненное лишение свободы не назначаются.

Если же за фактическое неоконченное преступление в Особенной части УК РФ установлена уголовная ответственность равная с оконченным преступлением, приведенные правила смягчения наказания не применяются, и оно назначается на общих основаниях в пределах, предусмотренных соответствующей статьей названной части за оконченное преступление. Говоря иначе, за фактическое неоконченное преступление законодательно представляется возможность определения такого же наказания, как за оконченное преступление.

Причем за совершение фактического неоконченного преступления вовсе не исключается назначение пожизненного лишения свободы и даже смертной казни. Правда, при фактическом приготовлении к преступлению речь идет только о пожизненном лишении свободы. Оно предусмотрено в ст. 205.1, 205.2, 205.4, 210, 211, 234.1 и 361 УК РФ. По отношению к данным случаям А.И. Рарог правильно, по нашему мнению, отметил, что «наказание в виде пожизненного лишения свободы за приготовление к совершению преступлений, фактическое осуществление которых такого наказания не предусматривает, является недопустимым, поскольку

противоречит правилу об обязательном смягчении наказания за неоконченное преступление» [197, с. 17].

Аналогична ситуация и с фактическим покушением на преступление. Только при нем возможно применение как пожизненного лишения свободы, так и смертной казни. Оба наказания установлены в ст. 277, 295 и 317 УК РФ.

Более того, ситуация становится парадоксальной, когда за фактическое неоконченное преступление предусматривается более строгое наказание, чем за то же преступление, но оконченное. Так, А.И. Рарог обратил внимание на то, что «прохождение лицом обучения *в целях участия* в массовых беспорядках наказывается чрезмерно строго (лишением свободы на срок от 10 до 15 лет), поскольку реальное участие в массовых беспорядках карается существенно более мягким наказанием (лишением свободы на срок от 3 до 8 лет)», и ему «на этом фоне представляется совершенно нелогичным наказание за приготовление к преступлениям террористического характера в форме обучения в центрах террористической подготовки (лишение свободы на срок от 15 до 20 лет с ограничением свободы или пожизненно – ст. 205.3 УК), либо в форме организации террористического сообщества (лишение свободы на срок от 15 до 20 лет со штрафом и ограничением свободы или пожизненно – ст. 205.4 УК), тогда как фактическое совершение перечисленных в указанных статьях преступлений влечет гораздо более мягкие наказания» [197, с. 17]. Даже террористический акт влечет наказание по ч. 1 ст. 205 УК РФ в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет; по ч. 2 – лишения свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет; по ч. 3 – лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы.

Поскольку А.И. Рарог проиллюстрировал парадокс наказуемости с привлечением преступления, которое мы не признали фактическим неоконченным, укажем на то, что не менее показательна ситуация с финансированием и организацией финансирования терроризма. Как отмечалось, само финансирование терроризма

является по своей сути приготовлением к совершению преступлений, включенных законодателем в понятие террористической деятельности (примечание 2 к ст. 205.2 УК РФ). Одновременно организация финансирования терроризма может представлять собой приготовление к финансированию терроризма. При этом финансирование терроризма влечет наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового (ч. 1 ст. 205 УК РФ), а организация финансирования терроризма – в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы (ч. 4), т.е. значительно суровее. Такую же нелогичность можно заметить в наказуемости финансирования экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) и преступлений экстремистской направленности. Первое, являясь приготовлением к преступлению, влечет более строгое наказание (лишение свободы на срок от трех до восьми лет), чем, например, предусмотренное в ст. 282 УК РФ возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (лишение свободы на срок от двух до пяти лет).

Следовательно, по нашему мнению, дифференциация ответственности за неоконченные преступления в сравнении с оконченными в ст. 66 УК РФ должна исключать, с одной стороны, ее унификацию за фактические неоконченные и оконченные преступления в Особенной части, а с другой стороны, установление более строгой наказуемости фактических неоконченных преступлений в сравнении с оконченными. Правда, одной из причин наполнения Особенной части УК РФ составами приготовления к преступлению, по мнению Л.В. Иногамовой-Хегай, является «невысокая степень наказуемости за неоконченное преступление» [7, с. 114]. Поскольку наказуемость последнего зависит от наказуемости оконченного преступления, нам кажется логичным предположить, что в рамках современного уголовного законодательства проблема, если и имеется, то лежит в плоскости либо наказуемости именно

оконченного преступления, ибо наказание за неоконченное преступления поставлено в определенную зависимость от наказания, предусмотренного за оконченное преступление, либо от соотношения наказуемости неоконченных и оконченных преступлений.

Во-вторых, введение фактических неоконченных преступлений в Особенную часть УК РФ нарушает логику ее построения. Известно, что преступления в ней размещаются с учетом их непосредственных объектов. Вместе с тем в литературе уже отмечалось, что «приготовления к преступлениям, криминализованные в качестве оконченных преступлений, непосредственно не посягают на те объекты, которые ставятся под охрану в соответствующих статьях Особенной части Уголовного кодекса» [23, с. 151]. То же самое относится и к некоторым случаям фактического покушения на преступление. Так, посягательства на жизнь лиц, предусмотренных ст. 277, 295, 317 УК РФ, по нашему мнению, непосредственно направлены именно на их жизнь, а не на объекты преступлений, охраняемые главами 29, 31 и 32.

Очень актуален в отмеченном плане состав разбоя, сформулированный в виде нападения в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (ст. 162 УК РФ), хотя хищение предполагает причинение ущерба собственнику или иному владельцу имущества (примечание 1 к ст. 158). Не случайно некоторые авторы не признают разбой видом хищения [117, с. 98; 128, с. 68-69]. Таким образом, построение Особенной части УК РФ с учетом непосредственных объектов преступления, на наш взгляд, должно исключать установление ответственности за фактические неоконченные преступления среди тех деяний, в которых данные объекты являются основными.

В целом следует признать, что отражение фактических неоконченных преступлений в Особенной части УК РФ связано с серьезными нарушениями правил законодательной техники. Последнее, по нашему мнению, с несомненностью свидетельствует, что такие преступления не должны содержаться в Особенной части УК РФ.

В то же время проблема отражения в Особенной части УК РФ фактического неоконченного преступления в литературе, по существу, обсуждается еще под другим углом зрения – применительно к преступлениям с усеченным составом, которые, в соответствии с ранее изложенным, также, как и неоконченные, характеризуются созданием условий для совершения преступления или действиями (бездействием), непосредственно направленными на совершение преступления. При этом позиция Н.А. Бабий представляется неоднозначной. Согласно его взглядам утверждение о том, что положения ст. 66 УК РФ о смягчении наказания за неоконченное преступление справедливые, одновременно означает несправедливым «установление уголовной ответственности за усеченные преступления как за юридически оконченные»; и наоборот, «справедливость существования усеченных составов означает несправедливость положений ст. 66 УК РФ» [17, с. 252].

По поводу отражения преступлений с усеченными составами в Особенной части УК РФ позиции ученых разделились. Одни из них поддерживают такое законодательное решение, другие возражают против него.

Поддержка преступлений с усеченными составами идет по нескольким направлениям. Так, считается, что конструкция усеченных составов преступления «позволяет законодателю реализовать превентивный потенциал уголовного права» [202, с. 17]. Их необходимость видят в особой направленности «на охрану наиболее ценных уголовно-правовых объектов (как бы посредством "опережения" возможного и обычно особо тяжкого вреда), имея в виду также, что обычно они одновременно являются и двухобъектными составами» [130, с. 237], но чаще – в повышенной общественной опасности отдельных деяний [236, с. 380; 237, с. 159]. В некоторых случаях, кроме того, называются дополнительные к отмеченным критерии.

По мнению К.Т. Тедеева, «наличие усеченных составов в УК РФ оправдано тем, что в них с учетом высокой общественной опасности содеянного момент окончания преступления при описании диспозиции конкретной уголовно-правовой нормы передвинут на

более раннее время»; данные составы создаются «в целях усиления ответственности за отдельные виды преступления», «конструкция усеченных составов преследует цель предотвратить наступление других, более опасных последствий, если бы данные преступления были отнесены к числу материальных» [224, с. 16, 23, 24]. Н.Н. Баймакова полагает, что законодатель предусматривает конструкции преступлений с усеченными составами «для предупреждения преступной деятельности на более ранней стадии ее развития и с учетом ее общественной опасности» [18, с. 15], а М.П. Редин – что «причиной установления "усеченных" преступлений... является необходимость усиления борьбы с теми или иными видами преступных деяний и предотвращения причинения общественно опасных последствий» [200, с. 41].

Изложенный подход, по существу, поддержала Н.Ф. Кузнецова, хотя и не признавала деление преступлений на усеченные и неусеченные. Автор писала, что сторонники такого деления «правы лишь в одном: законодатель в стремлении максимально оградить ценные объекты преступных посягательств конструирует составы таким образом, чтобы действия, которые создают даже самые отдаленные возможности причинения ущерба этим объектам, оказались в сфере уголовно-правовой репрессии» [120, с. 75].

Противники усеченных составов разделились. Одна позиция бескомпромиссная. Так, А.П. Козлов указывает, что законодательно создавать такие составы «нет никакой необходимости» и связывает это с тем, что их формулирование в законе создает иллюзию, что за фактические неоконченные «действия, признанные оконченными преступлениями, может быть определен и максимум санкции» [108, с. 145].

Другая позиция не столь категорична. Так, С.А. и А.В. Иванчиным представляется нецелесообразным усеченные составы закреплять в УК РФ только в качестве правила. При этом они вполне обоснованно критикуют недостаточность аргументации приверженцев существования таких составов [89, с. 194-195; 91, с. 109-110]. Доводы С.А. и А.В. Иванчиных заключаются в следующем:

во-первых, среди преступлений с усеченным составом «встречаются и преступления, сравнительно неопасные. Так, основной состав публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма (ч. 1 ст. 205.1 УК) снабжен санкцией с максимумом до пяти лет лишения свободы», что соответствует преступлению средней тяжести (ч. 3 ст. 15 УК РФ), вряд ли подлежащим отнесению к повышенно общественно опасным;

во-вторых, поскольку «система Особенной части УК построена по принципу "личность – общество – государство", казалось бы, что может быть более ценным, чем жизнь и здоровье человека? Следуя логике аргументации сторонников сохранения анализируемых составов, по типу усеченных должны быть описаны составы убийства или умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, однако они имеют материальную конструкцию». Причем, вроде бы, и усиливать борьбу нужно именно в отношении подобных преступлений, а значит, применять усеченную конструкцию состава;

в-третьих, «если бы формула усеченного состава в реальности позволяла бы сама по себе предотвратить наступление вредных последствий, то... она стала бы самой востребованной в уголовном правотворчестве». Такого же в нем совершенно не прослеживается.

Минусы усеченных составов преступлений С.А. и А.В. Иванчинными признают в том, что ими:

- нивелируется общественная опасность «усеченных» и «неусеченных» преступлений. Они получают тождественную квалификацию;

- нивелируется наказуемость «усеченных» и «неусеченных» преступлений. Они влекут наказание в пределах одной и той же санкции;

- стирается грань между окончанным и неоконченным преступлением. Это влечет невозможность покушения на преступление, что в свою очередь приводит к исключению добровольного отказа от преступления;

- в ряде случаев искажаются объекты уголовно-правовой охраны: основным объектом становятся не те общественные

отношения, ради которых норма создавалась. На первый план выходит так называемый дополнительный или факультативный объект [89, с. 194; 91, с. 109-110; 108, с. 145-147].

Что же касается правомерного применения конструкции усеченного состава преступления, то А.В. Иванчин пишет, что вынужден с пониманием отнестись к желанию законодательной власти перенести на более раннюю стадию окончание преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, в которой установлены действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции РФ, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя РФ; при этом автор отмечает, что «перенос момента окончания на стадию фактического приготовления в ущерб дифференциации уголовной ответственности в ст. 278 УК с усилением репрессивного потенциала УК в данном случае *в порядке исключения* может быть оправдан, поскольку речь идет о защите основ государственности» [89, с. 196].

Любопытно, что для иллюстрации исключения А.В. Иванчин выбрал случай, который нами не отнесен к фактическому неоконченному преступлению. Поскольку же в УК РФ установлены усеченные составы, не отражающие фактические неоконченные преступления, мы не готовы согласиться с категоричностью суждений А.П. Козлова и считаем, что изъять из уголовного законодательства имеет смысл не все усеченные составы, а лишь те из них, которые, по существу, отражают фактические неоконченные преступления.

На основании проведенных в параграфе исследований мы приходим к следующим выводам:

- фактические неоконченные преступления отражены в Особенной части УК РФ с нарушением правил законодательной техники;

- установление в ч. 2 ст. 30 УК РФ наступления уголовной ответственности за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлению исключает включение в Особенную часть ответственности за фактическое приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести;

– дифференциация ответственности за неоконченные преступления в сравнении с оконченными в ст. 66 УК РФ должна исключать, с одной стороны, ее унификацию за фактические неоконченные и оконченные преступления в Особенной части, а с другой стороны, установление более строгой наказуемости фактических неоконченных преступлений в сравнении с оконченными;

– фактические неоконченные преступления подчас непосредственно не посягают на те объекты, которые ставятся под охрану в соответствующих статьях Особенной части УК РФ, что в связи с построением данной части с учетом непосредственных объектов преступления должно исключать установление ответственности за фактические неоконченные преступления среди тех деяний, в которых данные объекты являются основными;

– фактическим неоконченным преступлениям нет места в Особенной части УК РФ. При этом исключать из нее следует лишь те усеченные составы, в которых, действительно, установлены фактические неоконченные преступления;

– недостаточная наказуемость неоконченных преступлений в рамках действующего уголовно-правового регулирования может быть обусловлена лишь соответствующей наказуемостью оконченных преступлений либо соотношением наказуемости неоконченных и оконченных преступлений.

Глава 2. Преступления иных соучастников и их отражение в Особенной части УК РФ

§ 1. Место отражения преступлений соучастников в УК РФ

Вряд ли у кого вызовет сомнения утверждение, что преступления исполнителя отражены в Особенной части УК РФ. Однако в самом УК РФ о месте расположения таких преступлений прямо ничего и нигде не говорится. В отличие от соисполнителя, а также организатора, подстрекателя и пособника, как подлежит уголовной ответственности исполнитель, закон информации не дает.

Вместе с тем его решение об ответственности соисполнителей и иных соучастников преступления, на наш взгляд, позволяет прийти к выводу о ее несении и исполнителем.

В ч. 2 ст. 34 УК РФ предусмотрено, что «соисполнители отвечают по статье Особенной части настоящего Кодекса за преступление, совершенное ими совместно, без ссылки на статью 33 настоящего Кодекса». Одновременно ч. 3 ст. 34 УК РФ устанавливает, что «уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 настоящего Кодекса, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления».

Нетрудно заметить разнохарактерность регулирования ответственности, в одной стороны, соисполнителей, с другой – иных соучастников. Несоответствия проявляются в указании ч. 2 ст. 34 УК РФ на статью Особенной части настоящего Кодекса и преступление, совершенное совместно, а в ч. 3 – на статью, предусматривающую наказание за совершенное преступление, и совершенное преступление. На этой основе сделан вывод, что «статья, предусматривающая наказание за совершенное преступление, и статья Особенной части настоящего Кодекса – это не совсем одно и то же», ибо «исключение составляет ст. 331 УК РФ, регулирующая понятие преступления против военной службы». Мы частично не согласны с таким решением, ибо по последней статье отвечать невозможно, поскольку в ней описано не преступление, а группа деяний – преступления против военной службы, – и как следствие отсутствует санкция. Напротив, мы согласны с приведенным решением в том, что «поскольку соисполнители упомянуты в ч. 2 ст. 33 УК РФ при формулировании понятия исполнителя, ответственность последнего вряд ли может быть отличной. И он должен отвечать по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, без ссылки на статью 33 настоящего Кодекса» [23, с. 152]. Все это означает, что статья Особенной части настоящего Кодекса и статья, предусматривающая наказание за совершенное преступление, – одна и та же статья Особенной части, и

соответственно преступление, совершенное совместно, и совершенное преступление – одно и тоже преступление, совершенное совместно. Хотя во избежание недопонимания желательно единообразное нормативное решение.

Итак, из закона недвусмысленно вытекает, что уголовная ответственность исполнителя определена в статьях Особенной части УК РФ. Тем самым преступления исполнителя – объект отражения названной частью. В ч. 2 же ст. 33 УК РФ дана обобщенная характеристика деяний исполнителя, позволяющая отграничить их от преступлений иных соучастников.

Исходя из изложенного, в УК РФ применительно к исполнителю преступления, казалось бы, не хватает предписания, аналогичного имеющимся в ч. 2 и 3 ст. 34 в отношении соисполнителя, организатора, подстрекателя и пособника. Оно могло бы выглядеть следующим образом:

«Уголовная ответственность исполнителя преступления наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса». При наличии в законе такого предписания, по крайней мере, было бы ясно, почему соисполнители отвечают так, отражено в ч. 2 ст. 34 УК РФ, а иные соучастники преступления – как в ч. 3.

Правда, понятие исполнителя не является специфичным именно для соучастия в преступлении. Исполнителем в теории и на практике принято именовать и лицо, совершающее преступление вне соучастия. Тем самым указание об ответственности исполнителя преступления по статье Особенной части УК РФ не подчеркивает, об исполнителе-соучастнике или исполнителе-несоучастнике идет речь. Чтобы отразить их отличия, преступление исполнителя-соучастника предложено квалифицировать со ссылкой на ст. 33 УК РФ или на ее ч. 2 (А. Кладков, Д.В. Савельев, Д.С. Дядькин и др.) [80, с. 9; 102, с. 26; 212, с. 61].

Конечно, в литературе указывается, что содеянное исполнителем никогда не требует ссылки на ст. 33 УК РФ [103, с. 218; 105, с. 115] и что это даже нужно прямо закрепить в законе [9, с. 20], а также, что предложение о необходимости при квалификации деяния исполнителя ссылаться на ч. 2 ст. 33 в законе и судебной практике

поддержки не нашли [114, с. 110; 137, с. 54]. Мы же думаем, что данное предложение вполне разумное. Оно способствует более точной квалификации преступлений, дифференцирующей совершение преступлений в соучастии и вне его, что будет видно из самой квалификации.

Чтобы предложение о квалификации преступления исполнителя-соучастника со ссылкой на ч. 2 ст. 33 УК РФ нашло воплощение в судебной практике, нужно изменить закон. В нем следует отразить не то, что лежит на поверхности, а то, что скрыто за традиционным подходом. Отсюда, по нашему мнению, ч. 2 ст. 34 УК РФ целесообразно сформулировать следующим образом:

«Уголовная ответственность исполнителя преступления, не являющегося соучастником, наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса. Уголовная ответственность исполнителя преступления, являющегося соучастником, наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса со ссылкой на часть вторую статьи 33 настоящего Кодекса». Поскольку ответственность соисполнителя не может отличаться от ответственности исполнителя, первую особо регулировать в уголовном законе, на наш взгляд, не имеет смысла.

В соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ преступления исполнителя могут заключаться в а) непосредственном совершении преступления либо б) непосредственном участии в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), либо в) совершении преступления посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных настоящим Кодексом. Одновременно, на наш взгляд, в статьях Особенной части УК РФ описано лишь то, что исполнителями совершается непосредственно или посредством использования соответствующих лиц. Все объясняется тем, что непосредственное участие в совершении преступления совместно с другими лицами (соисполнителями), с одной стороны, исключено для исполнителя, не являющегося соучастником, а в законе могут быть представлены, как правило, только общие (типовые) предписания, с другой стороны,

существенными специфическими признаками применительно к разным преступлениям не обладает, а в Особенной части УК РФ отражаются, прежде всего, отличающие друг от друга признаки.

Причем при совершении преступления посредством использования соответствующих лиц последние все равно непосредственно совершают то же самое, что происходит при непосредственном совершении преступления. Разница заключается лишь в том, что деяния используемых лиц нельзя называть преступлениями, ибо данные лица не подлежат уголовной ответственности.

Толкование непосредственного совершения преступления вызвало сложности. Так, В.Г. Усов считает, что, с одной стороны, непосредственное совершение преступления является «специальным признаком, на основании которого в УК РФ (ст. 33) выделяется исполнитель преступления», а, с другой стороны, что «в законодательном определении... исполнителя вызывает сомнение уместность использования термина "непосредственное совершение преступления"» [247, с. 16]. В то же время, нам кажется, что одно и то же не может одновременно быть и специальным признаком для выделения в законе исполнителя преступления, и неуместным термином.

При раскрытии непосредственного совершения преступления одни авторы полагают, что оно означает выполнение состава преступления [65, с. 15], другие – его объективной стороны [167, с. 19; 225, с. 77], третьи – деяния (действия или бездействия) [86, с. 278-279; 123, с. 611; 258, с. 137]. Мы присоединяемся к последней позиции.

По нашему мнению, непосредственное совершение преступления должно раскрываться через анализ того, что означает 1) совершение преступления и 2) непосредственно. Между тем применительно к обоим составляющим в теории ситуация достаточно сложная.

По поводу первой составляющей А.П. Козлов указывает, что «она не точна, расплывчата». На его взгляд, «пособник тоже совершает преступление... Совершают преступление и

подстрекатель, и организатор, однако действия этих иных соучастников не имеют ничего общего с исполнением» [107, с. 85].

Если иметь в виду букву закона, то приведенный автор, как представляется, не прав. На основании ст. 32 УК РФ все соучастники не совершают преступление, а участвуют в совершении преступления. Формы их участия отражены в ст. 33 УК РФ, и исключительно участие исполнителя выражается, в частности, в непосредственном совершении преступления. Организатор же участвует в совершении преступления тем, что организует совершение преступления, руководит его исполнением или соответствующими преступными группами либо их создает (ч. 3 ст. 33 УК РФ), подстрекатель – тем, что склоняет другое лицо к совершению преступления (ч. 4), пособник – тем, что содействует совершению преступления определенными способами или заранее дает определенные обещания (ч. 5).

В связи с изложенным Н.А. Бабий справедливо отметил, что «совершение преступления в качестве функции соучастника закреплено только за исполнителем, который непосредственно совершает преступление...». Другое дело, что он, по нашему мнению, ошибся, когда заявил, что ни один из соучастников, кроме исполнителя, который непосредственно участвует в совершении преступления совместно с иными лицами, «не участвует в совершении преступления» [13, с. 84]. В соответствии с действующим уголовно-правовым регулированием соучастия соучастники не могут не участвовать в совершении преступления.

Применительно к совершению преступления, прежде всего, важны положения ч. 2 ст. 34 УК РФ, согласно которым «соисполнители отвечают по статье Особенной части настоящего Кодекса...». Из закона вытекает, что они, а равно исполнители, должны совершать описанное в последней статье. В ней же, конечно, отражается состав преступления. Вместе с тем совершить все то, что содержится в нем исполнителю, на наш взгляд, не под силу.

Слово «совершить» в русском языке означает сделать, осуществить [152, с. 741]. Тем самым оно явно не применимо в отношении объекта преступления (на него преступление направлено),

субъекта преступления (он тот, кто совершает преступление) и субъективной стороны преступления (она та, что складывается в голове субъекта). В рамках же объективной стороны преступления осуществить можно лишь общественно опасное деяние (действие или бездействие). Данный вывод полностью подтверждается анализом предписаний ч. 2 ст. 9 УК РФ. Из них, по нашему мнению, недвусмысленно вытекает понятие совершения преступления.

Согласно ч. 2 ст. 9 УК РФ временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий. Если из приведенных нормативных положений убрать указание на время, то по закону получится, что совершение преступления – совершение общественно опасного действия (бездействия) независимо от наступления последствий.

Поскольку общественно опасные действия (бездействие) устанавливаются в статьях Особенной части УК РФ, под совершением преступления в ч. 2 ст. 33 точнее всего понимать совершение только общественно опасного действия (бездействия), предусмотренного статьей Особенной части. Специально еще раз подчеркнем, что ничего другого именно осуществляться при совершении преступления не может.

С пониманием непосредственности тоже возникают проблемы. Так, на взгляд Н.Д. Эриашвили, «термин "непосредственно" означает, что деяние, совершаемое исполнителем, предусмотрено Особенной частью УК РФ» [164, с. 64]. То, что любое преступление предусмотрено Особенной частью УК РФ, вытекает из ч. 1 ст. 14, устанавливающей запрещенность соответствующих деяний настоящим Кодексом под угрозой наказания. В дублировании этого в ст. 33 УК РФ явно не было необходимости. Отсюда позиция названного автора вызывает сомнения.

А.П. Козлов полагает, что «ничего фактически не добавляет к толкованию исполнения... термин "непосредственно"...», так как и иные соучастники сами, непосредственно, своими руками совершают инкриминируемые им преступления...» [107, с. 85; 211, с. 12]. С данным подходом не согласилась О.Л. Цвиренко [250, с. 12], но его

поддержали Н.Г. Иванов и А.А. Арутюнов, которые указали, что непосредственность имеет большее отношение к преступнику-одиночке, означая, что лицо совершает преступление само, независимо от других лиц [12, с. 167; 231, с. 161-162].

Кроме ч. 2 ст. 33 УК РФ, непосредственность установлена в ч. 3 ст. 30. Очевидно, что понимание данного термина в приведенных статьях не может быть различным. Соответственно непосредственно применительно к первому виду преступлений исполнителя должно, на наш взгляд, означать, что он выполняет свою функцию (совершает деяние) сам без посредствующих участников.

Получается, что непосредственное совершение преступления в первом приближении – это совершение самим лицом общественно опасных действий (бездействия), предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Тем самым лица, непосредственно участвующие в совершении преступления и совершившее преступление посредством использования других лиц, сами не могут совершать действия (бездействие), предусмотренные статьей Особенной части УК РФ. Первые лица сами только иным образом участвуют в совершении преступления, совершают же его соисполнители. Лица, совершившие преступление посредством использования других лиц, сами лишь воздействуют на последних, совершают же деяние именно они.

По изложенной причине мы не можем поддержать Р.С. Рыжова, считающего, что применительно к непосредственному участию в совершении преступления следует «учитывать описание объективной стороны преступления, которое дается именно в Особенной части УК РФ» [206, с. 15]. В ней на основании ч. 2 ст. 34 УК РФ дается описание действий (бездействия) соисполнителей, а не лиц, которые вместе с ними участвуют в совершении преступления.

В законе ничего не сказано по поводу того, должен ли исполнитель совершить преступление только полностью (единолично, своими силами) или может это сделать и частично. В теории мнения по данному вопросу разделились. Одни авторы настаивают лишь на полном совершении преступления [65, с. 15; 164,

с. 64; 258, с. 137], другие допускают и частичное [86, с. 279; 107, с. 92; 204, с. 255].

При признании возможности частичного непосредственного совершения преступления исполнителем встает вопрос относительно выполнения (невыполнения) оставшейся части преступления. Если она не выполняется, то в зависимости от обстоятельств, приведших к этому (не зависящих или зависящих от лица), речь идет о неоконченном преступлении или добровольном отказе (ст. 30, 31 УК РФ), но вовсе не о соучастии. Чтобы оно сохранилось, при непосредственном совершении части преступления, последнее в соответствующем случае не может остаться незавершенным. Завершить же его способен только еще хотя бы один исполнитель [23, с. 154] как лицо, непосредственно совершившее оставшуюся часть преступления.

Лица, каждое из которых частично может непосредственно совершить преступление, по существу, получили отражение в уголовном законодательстве. В ч. 2 ст. 33 УК РФ они именуются соисполнителями. Их существование, на наш взгляд, в значительной мере было бы проблематичным при невозможности частичного непосредственного совершения преступления исполнителем. Дело заключается в том, что в теории уголовного права признаются возможными три варианта сочетания соисполнителей: 1) каждое лицо выполняет соответствующие действия (бездействие) полностью; 2) одно лицо выполняет соответствующие действия (бездействие) полностью, другое – частично; 3) каждое лицо выполняет только часть соответствующих действий (бездействия) [258, с. 257]. При исключении же частичного совершения преступления исполнителем соисполнители могут быть представлены лишь первым вариантом.

Правда, в науке наблюдаются различия в понимании соисполнителей (соисполнителя). Соисполнителями в одних случаях считаются два или более исполнителя [134, с. 66; 229, с. 218; 258, с. 252], правда, при этом порой уточняется, что последние совместно участвуют в совершении преступления [70, с. 209; 75, с. 7; 258, с. 139] или совместно совершают преступление [78, с. 94]. В других случаях соисполнители определяются не через исполнителей, а ими просто

признаются два или более (несколько) лиц, непосредственно совершивших преступление [86, с. 281; 164, с. 64; 253, с. 37], либо два или более лица, непосредственно выполняющих преступление, и случаи, когда у каждого из них или одного из них есть иные соучастники (подстрекатели, пособники, организаторы) [124, с. 405].

Соисполнитель в литературе также раскрывается различным образом. Им считается лицо, полностью или частично совершившее преступление [250, с. 15] либо непосредственно участвовавшее в совершении преступления совместно с другими лицами [234, с. 146], другим таким же лицом [247, с. 17], такими же лицами [164, с. 64], соисполнителями [167, с. 19], исполнителям [218, с. 177].

На практике применительно к установлению соисполнителей также нет единообразия. В одних ситуациях таковыми признаются лица, хотя бы частично совершившие действия, предусмотренные в статьях Особенной части УК РФ. Так, в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободе личности» разъяснено, что «изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера, совершенными группой лиц (группой лиц по предварительному сговору, организованной группой), должны признаваться не только действия лиц, непосредственно совершивших насильственное половое сношение или насильственные действия сексуального характера, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшему лицу или к другим лицам»; при этом «действия лиц, лично не совершавших насильственного полового сношения или насильственных действий сексуального характера, но путем применения насилия или угроз содействовавших другим лицам в совершении преступления, следует квалифицировать как соисполнительство в совершении изнасилования или насильственных действий сексуального характера» [53, с. 4].

В воспроизведенном пункте не должно вызывать сомнения то, что применение насилия и угроз названо содействием совершению преступления, в принципе определяющим пособничество (ч. 5 ст. 33

УК РФ). В действительности, речь идет, по нашему мнению, о содействии половому сношению или иным действиям сексуального характера. Сами же насилие и угрозы – действия, которыми непосредственно совершаются изнасилование или иные насильственные действия сексуального характера, как части сложных преступлений, включающих еще и половое сношение или иные действия сексуального характера (ст. 131, 132 УК РФ).

Правда, позиция Пленума Верховного Суда РФ в отношении соисполнительства вызвала серьезные сомнения у С.И. Никулина. Он, соглашаясь с широко распространенным в теории взглядом о том, что исполнителем изнасилования и насильственных действий сексуального характера выступает специальный субъект – соответственно мужчина или в зависимости от характера сексуальных действий – мужчина либо женщина, а также, исходя из положений ч. 4 ст. 34 УК РФ, о том, что лицо, не являющееся специальным субъектом преступления, несет за него ответственность в качестве организатора, подстрекателя или пособника, задается следующими вопросами: «такое уж важное значение при исполнении преступления имеет пол виновного или все-таки важнее характер фактически совершаемых им действий? Можно ли признать справедливым (с точки зрения защиты интересов потерпевшего), что мужчина, который являлся физическим пособником исполнителя изнасилования, будет признан соисполнителем, а потому оба несут ответственность по ч. 2 ст. 131 УК РФ, в то время как выполнившая ту же роль женщина согласно ч. 4 ст. 34 УК, должна признаваться пособником единолично совершенного исполнителем изнасилования, которое (при отсутствии других квалифицирующих признаков) квалифицируется по ч. 1 ст. 131 УК РФ?». Отвечая на поставленные вопросы, автор приходит к выводу, что «Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении "О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации" от 15 июня 2004 г. ответил на эти вопросы отрицательно, хотя с позиции буквального толкования ч. 2 ст. 33 и ч. 4 ст. 34 УК РФ такое толкование соисполнительства нельзя признать безупречным» [3, с. 233-234; 66, с. 15; 151, с. 412; 163, с. 181-184; 258, с. 152, 153].

Половое сношение и мужеложство, разумеется, могут совершить только мужчины, а лесбиянство – лишь женщины. Однако ни изнасилование не сводится к половому сношению, ни насильственные действия сексуального характера – к мужеложству или лесбиянству. И то, и другое преступление включает применение насилия или угрозу его применения. Они же ни в коей мере не обусловлены половой принадлежностью виновного. Отсюда изнасилование и насильственные действия сексуального характера могут в соответствующей части совершаться и лицами, обычно не рассматриваемыми субъектами этих преступлений, что означает наличие у последних общего субъекта [68, с. 123; 86, с. 287; 107, с. 320], исключающего применение ч. 4 ст. 34 УК РФ.

Причем на практике соисполнителями признаются лица, даже частично не совершившие действия, предусмотренные в статьях Особенной части УК РФ. Так, в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 решено, что «уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой, совершенные группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Если другие участники в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления), содеянное ими является соисполнительством...» [38, с. 3]. В теории приведенная практика оценивается далеко не однозначно. Одни ученые ее поддерживают, например, Н.А. Лопашенко – в том, что «участие во взломе дверей и т.п. – это участие в непосредственном совершении хищения» [128, с. 133], а В.С. Прохоров – в том, что «стояние на страже» при краже – «соисполнительство, так как является действием по частичному

выполнению объективной стороны – тайного завладения чужим имуществом» [236, с. 587].

Некоторые авторы относятся к представленной практике отрицательно. Так, одни указывают, что ч. 5 ст. 33 УК РФ предусматривает «любое содействие совершению преступления путем устранения препятствий и не дает никаких оснований к ограничительному толкованию закона» [21, с. 214], другие, исходя из ч. 2 той же статьи, добавляют, что «там, где нет собственно изъятия и (или) обращения, нет и соисполнительства» [86, с. 286].

Пленум Верховного Суда РФ содействием исполнителю, который непосредственно изымает имущество (что, действительно, установлено в примечании 1 к ст. 158 УК РФ при раскрытии понятия хищения, видом которого является кража) называет действия, которые не предусмотрены законом ни для одного соучастника. Даже участие во взломе, по нашему мнению, не равно взлому, который только и является содействием совершению преступления в виде устранения препятствий (ч. 5 ст. 33 УК РФ).

Аналогично обстоят дела с убийством. В п. 10 Постановления того же Пленума от 27 января 1999 г. № 1 пояснено, что «убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения)» [34, с. 4]. В науке (С.В. Бородин, Г.Н. Борзенков, А.И. Коробеев и др.) это решение, как правило, возражений не вызывает [25, с. 63; 115, с. 89; 28, с. 129; 260, с. 365], хотя подавление сопротивления потерпевшего и лишение его возможности защищаться явно не являются собственно причинением смерти другому человеку как раскрывается убийство в ч. 1 ст. 105 УК РФ.

А.П. Козлов пришел к другому и правильному, на наш взгляд, выводу, согласно которому при убийстве «объективную сторону составляет поведение, которое *причиняет* смерть, которое причинно

связано со смертью, которое генетически содержит в себе возможность причинения смерти. Все остальные, даже насильственные действия лежат за пределами данного вида преступления...» [107, с. 88].

В противовес Н.А. Бабий пояснил, что «в обобщенном плане разграничение исполнения убийства и пособничества ему может быть следующим. Пособник убийству, предоставивший, например, орудие убийства, содействует исполнителю в том, чтобы тот самостоятельно совершил убийство. Пособник, оказавший содействие в процессе убийства, принимает участие в убийстве. В этом случае исполнитель уже действует не самостоятельно, не один, он действует совместно с другим лицом, что и означает совместное совершение убийства или его исполнительство» [15, с. 182].

По существу, Н.А. Бабий, по нашему мнению, одно пособничество вывел за пределы соучастия («самостоятельно совершил убийство»), а другое назвал исполнительством, доказав только то, что ни у кого не вызывает сомнений: наличие соучастия в преступлении в случаях содействия убийству. Совместное участие в совершении преступления при наличии остальных признаков, действительно, является соучастием (ст. 32 УК РФ). Чем же отличается одно содействие от другого, чтобы их рассматривать функциями разных соучастников, ученый, как нам представляется, не доказал.

Одно дело содействие действием, указанным в числе образующих преступление, иному действию, также указанному в числе образующих преступление, как при изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера. Другое дело содействие действием, не указанным в числе образующих преступление, действию, указанному в числе образующих преступление. Вот что, на наш взгляд, существенно при разграничении соисполнительства и пособничества. Все остальное, может быть, и соответствует смыслу закона, но не отвечает его букве в обстоятельствах, когда и то, и другое не расходится.

В третьих ситуациях соисполнителями на практике признаются лица, лишь формально совершившие действия, предусмотренные в

статьях Особенной части УК РФ. Например, в п. 15.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (в реакции от 30 июня 2015 г.) разъясняется, что «в случае, когда лицо передает приобретателю наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, по просьбе (поручению) другого лица, которому они принадлежат, его действия следует квалифицировать как соисполнительство в незаконном сбыте указанных средств, веществ, растений» [55, с. 16]. Позиция Пленума уже подвергнута критике [78, с. 68]. Действительно, именно сбыта при отраженных им условиях вовсе не происходит. Точно такие же действия, как квалифицированные им в качестве соисполнительства, в ст. 204.1 (непосредственная передача предмета коммерческого подкупа (незаконного вознаграждения) по поручению лица, передающего предмет коммерческого подкупа) и 291.1 (непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя) УК РФ признаются самостоятельными преступлениями: посредничеством соответственно в коммерческом подкупе или во взяточничестве. Не случайно ранее подобные действия на практике рассматривались как пособничество совершению преступления [148, с. 15; 149, с. 42-43]. Хотя следует иметь в виду, что прямо они в ч. 5 ст. 33 УК РФ отражения не имеют.

Дополнительно отметим неполноту решения Пленума Верховного Суда РФ. Странно, что им аналогичного толкования не принято в отношении лица, которое получает по просьбе приобретателя для передачи ему наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества.

Приставка «со...» служит для образования имен существительных и глаголов и означает общее совместное участие в чем-нибудь [152, с. 739]. В ч. 2 ст. 33 УК РФ до приведения соисполнителей, совместно с которыми непосредственно участвует в совершении преступления соответствующее лицо, указано лишь на

лицо, непосредственно совершившее преступление. Следовательно, правильно считать, что соисполнителями должны признаваться только лица, совместно непосредственно совершившие преступление [22, с. 94]. Видимо, вовсе не случайно в ч. 1 ст. 35 УК РФ при определении преступления, совершенного группой лиц, говорится не о соисполнителях, а об исполнителях, что, по нашему мнению, означает возможность образования группы лиц как только из соисполнителей, так и из них, а также еще хотя бы одного лица, непосредственно участвовавшего совершении преступления.

Итак, исполнителем как лицом, непосредственно совершившим преступление, должен признаваться, на наш взгляд, исключительно тот, кто сам полностью или частично совершил общественно опасные действия (бездействие), предусмотренные соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Напротив, тот, кто не совершал таких действий, исполнителем, в том числе – соисполнителем, считаться не может ни при каких условиях.

В отличие от преступлений исполнителя место отражения преступлений организатора, подстрекателя и пособника прямо вытекает из закона. Таковым в соответствии с цитированной ч. 3 ст. 34 УК РФ является Общая часть УК РФ. Статья, предусматривающая наказание за совершенное преступление, – это, как указывалось, статья Особенной части УК РФ. Не случайно в ч. 2 ст. 34 УК РФ по поводу соисполнителей сказано, что они отвечают именно по статье Особенной части настоящего Кодекса.

Поскольку в статьях Особенной части УК РФ установлены исключительно преступления исполнителей, ясно, что преступления организатора, подстрекателя и пособника описаны в ст. 33 УК РФ. Однако указание закона на несение ими ответственности по названной статье недостаточно информативно.

Дело в том, что в ч. 1 ст. 33 УК РФ перечисляются все соучастники, в ч. 2 – раскрывается фигура исполнителя, в ч. 3 – организатора, в ч. 4 – подстрекателя, в ч. 5 – пособника. Говоря иначе, ссылка на ст. 33 УК РФ при всей ее правильности все-таки недостаточна для отражения, об ответственности кого именно из иных соучастников идет речь в конкретном случае [86, с. 200].

Практика при квалификации преступлений, совершенных организаторами, подстрекателями и пособниками, сначала в основном строго следовала закону, ограничиваясь ссылкой лишь на саму ст. 33 УК РФ [177, с. 402; 179, с. 3]. Позже квалификация деяний указанных соучастников, как правило, стала осуществляться со ссылкой не только на упомянутую статью, но и на ее соответствующую часть [178, с. 4; 181, с. 6; 182, с. 5; 184, с. 13].

Последний подход практики к квалификации преступлений организаторов, подстрекателей и пособников более точен, чем вытекает из буквы закона, и полностью соответствует его смыслу. При ссылке на определенную часть ст. 33 УК РФ из самой квалификации видно, об ответственности кого именно из иных соучастников идет речь. Не случайно такой подход получил поддержку в литературе (А. Кладков, Р.С. Рыжов, А.А. Арутюнов, Р.А. Сабитов и др.) [12, с. 161; 102, с. 27; 207, с. 152; 209, с. 341], что предполагает необходимость изменения ч. 3 ст. 34 УК РФ путем отражения в ней, что уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 настоящего Кодекса, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления.

Конечно, в ч. 3 ст. 34 УК РФ, кроме требования ссылки на ст. 33, имеется еще указание на статью, предусматривающую наказание за совершенное преступление, т.е., как отмечалось, Особенной части. Вместе с тем, на наш взгляд, указание закона на статью Особенной части УК РФ всего лишь демонстрирует, в совершении какого именно преступления участвуют иные соучастники.

Так, организатор организует совершение преступления или руководит его исполнением, а равно создает организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководит ими (ч. 3 ст. 33 УК РФ). Отсюда ссылка на статью Особенной части УК РФ при квалификации его действий свидетельствует о том, совершение какого именно преступления данный соучастник организует, исполнением какого именно

преступления руководит, для какого именно преступления создает соответствующую группу или руководит ею.

Подстрекатель склоняет другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом (ч. 4 ст. 35 УК РФ). Отсюда ссылка на статью Особенной части УК РФ при квалификации его действий свидетельствует о том, на совершение какого именно преступления данный соучастник склоняет другое лицо.

Пособник содействует совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также заранее обещает скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно приобрести или сбыть такие предметы (ч. 5 ст. 35 УК РФ). Отсюда ссылка на статью Особенной части УК РФ при квалификации его действий свидетельствует о том, совершению какого именно преступления данный соучастник содействует или в отношении какого именно преступления заранее дает обещания.

На основании проведенных в параграфе исследований мы приходим к следующим выводам:

- местом отражения преступлений исполнителя является Особенная часть УК РФ. В ч. 2 же ст. 33 УК РФ дана обобщенная характеристика деяний исполнителя, позволяющая отграничить их от деяний иных соучастников;

- в ч. 2 ст. 34 УК РФ вместо существующих предписаний следует предусмотреть, что «уголовная ответственность исполнителя преступления, не являющегося соучастником, наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса. Уголовная ответственность исполнителя преступления, являющегося соучастником, наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса со ссылкой на часть вторую статьи 33 настоящего Кодекса»;

- преступления исполнителя выступают объектом отражения в Особенной части УК РФ исключительно в отношении непосредственного совершения преступления;

– непосредственное совершение преступления – это совершение самим лицом полностью или частично общественно опасных действий (бездействия), предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ;

– соисполнители – это лица, совместно непосредственно совершившие преступление;

– местом отражения преступлений иных соучастников является Общая часть УК РФ, а конкретно ч. 3 – 5 ст. 33. Указание же закона на статью, предусматривающую наказание за совершенное преступление, лишь демонстрирует, в совершении какого именно преступления участвуют иные соучастники;

– в ч. 3 ст. 34 УК РФ вместо существующих предписаний следует предусмотреть, что «уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса со ссылкой на соответствующую часть статьи 33 настоящего Кодекса, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления».

§ 2. Преступления организатора и их отражение в Особенной части УК РФ

Хотя по закону местом отражения преступлений организатора является Общая часть УК РФ, в литературе подчас утверждается, что это делается и в Особенной части. Так, Л.В. Иногамова-Хегай называет ч. 1 ст. 208, 209, 210, 212, ст. 232, 239, 241, 279 УК РФ [92, с. 105]; Н.Д. Эриашвили – ст. 209, 210, 212, 239, 279, 282.1, 322.1 [164, с. 77-78]; А.М. Зацепин – ст. 205.1, 208 – 209, 282.1 и др. [86, с. 232]; М.А. Саблина – ст. 205.1, 205.4, 205.5, 208, 209, 210, 212, 239, 279, 282.1, 282.2, 353 и 359 [211, с. 11]; Е.В. Благов – ст. 171.2, 205.1, 205.5, 212, 232, 239, 241, 279, 282.2, 284.1, 322.1, 353, 359 [22, с. 229].

Практика в отмеченном аспекте не отстает от науки. Так, Пленумом Верховного Суда РФ организатором названы лица, организовавшее: а) притон (ст. 232 УК РФ), в п. 32 постановления от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о

преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»; б) деятельность экстремистской организации (ст. 282.2), в п. 20 постановления от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»; в) деятельность организации, которая в соответствии с законодательством РФ признана террористической (ст. 205.5), в п. 22.7 постановления от 9 февраля 2012 г. № 1 (в редакции от 3 ноября 2016 г.) [40, с. 10; 49, с. 7; 57, с. 6].

Для выяснения, соответствует ли приведенный подход теории и практики организаторству, необходимо исследовать, что оно собой представляет, и проверить, включены ли в Особенную часть УК РФ деяния, могущие считаться преступлениями, совершаемыми организатором. Сначала о собственно последних.

На основании ч. 3 ст. 33 УК РФ преступления организатора могут выражаться в а) организации совершения преступления, б) руководстве исполнением преступления, в) создании организованной группы или преступного сообщества (преступной организации), г) руководстве организованной группой и преступным сообществом (преступной организацией). Все это альтернативные варианты, что следует из использования в законе разделительных союзов «или», «а равно», «либо».

Содержание организации совершения преступления устанавливается через признаки а) организации и б) совершения преступления. Правда, бросается в глаза, что выделение в законе организации совершения преступления нарушает правила логики вследствие закравшейся в законодательное решение тавтологии (организатор – лицо, организовавшее) [12, с. 145; 104, с. 20; 107, с. 118]. Действительно, в русском языке организатор означает тот, кто организует, устраивает что-нибудь, а организовать – основать (основывать), учредить (учреждать), подготовить (подготавливать), наладить (налаживать), объединить (объединять) для какой-нибудь цели, упорядочить (упорядочивать) что-нибудь [152, с. 458].

Получается, что организация совершения преступления должна охватывать собой любое преступление организатора. Однако в таком

случае, с одной стороны, указание закона на остальные деяния организатора излишне, с другой стороны, уже его дефиниция в целом становится тавтологией.

В литературе считается, что в сложившихся условиях остается одно – определять организацию совершения преступления по остаточному принципу, считая ею все то организаторство, которое не подпадает под признаки руководства исполнением преступления, создания организованной группы или преступного сообщества (преступной организации), руководства ими [23, с. 159]. Это, конечно, так, но, по нашему мнению, важен еще этап совершения преступления, на котором может происходить его организация.

В.С. Комиссаров полагает, что предусмотренные в ч. 3 ст. 33 УК РФ «первый и частично третий вид характеризуют этап подготовки к совершению преступления», а «второй и четвертый вид организационных действий выполняются непосредственно во время совершения преступления...» [124, с. 408, 409]. Названный автор, на наш взгляд, не совсем прав.

То, что создание организованной группы относится к подготовке совершения преступления, недвусмысленно вытекает из закона. В ч. 6 ст. 35 УК РФ установлено, что «создание организованной группы в случаях, не предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса, влечет уголовную ответственность за приготовление к тем преступлениям, для совершения которых она создана». Дело в том, что слова «подготовить» и «приготовить» в русском языке, по существу, означают одно и то же [152, с. 534, 589].

Применительно к остальным случаям создания организованной группы, а также к созданию преступного сообщества (преступной организации) уголовная ответственность установлена за оконченное преступление. Следовательно, речь идет об этапе исполнения преступления.

Мы думаем, что руководство организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) осуществляется как при подготовке совершения преступления, так и при его совершении. Нам трудно поверить, что все созданные преступные

группы сразу совершают преступления, для которых они предназначены. Если же таковое происходит по прошествии какого-то времени после создания соответствующих групп, то они вряд ли могут до этого обойтись без руководства.

Таким образом, организация совершения преступления происходит на этапе подготовки совершения преступления, но вне создания организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) и руководства ими. При этом надлежит учитывать, что согласно закону организатор – руководитель или создатель. В литературе (В.В. Качалов, С.А. Шатов, Д.А. Безбородов, М.А. Зацепин и др.) в основном так и считают, но обычно раскрывают организацию совершения преступления путем перечислений определенных действий [19, с. 31; 86, с. 219; 98, с. 67; 220, с. 137; 236, с. 591; 253, с. 45; 258, с. 165], чего, как нам представляется, недостаточно. Необходимо их обобщение.

С учетом изложенного организация совершения преступления должна означать создание условий для его совершения другим лицом и руководство их созданием (исключая создание организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) и руководство ими). Напротив, в организацию совершения преступления, думается, неправильно вводить то, чего для именно его совершения не требуется.

Так, в науке к организации совершения преступления относят подчас разработку способов сокрытия следов преступления, подготовку каналов для реализации предметов, добытых преступным путем [258, с. 165]. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала правильной квалификацию действий Ж. и К. «как организацию приготовления к убийству», которая включала как то, что виновные «совместно разрабатывали план его совершения, подыскивали его исполнителя, снабжали исполнителя необходимой информацией, договаривались о сумме вознаграждения», так и то, что виновные «вырабатывали для себя алиби» [146, с. 10]. Организация постпреступной деятельности, по нашему мнению, явно находится вне организации совершения преступления.

Следует обратить внимание на использование Судебной коллегией по уголовным делам термина «организация приготовления к убийству». Упоминание на практике организации приготовления к преступлению для одних «странно» [23, с. 164], другие же задаются вопросом, «что делать, если лицо руководило только приготовлением к преступлению»? и отвечают – относить к «организации совершения преступления» [6, с. 225; 164, с. 71, 72].

Нам представляется, что в соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ организация приготовления к убийству – нонсенс. Обязательным признаком приготовления является недоведение преступления до конца. Тем самым, очевидно, что при организации приготовления преступлению лицо должно желать недоведения его до конца. Говоря иначе, в таком случае должно организовываться незавершение преступления, что к соучастию в совершении последнего явно не имеет отношения.

Другое дело создание условий для совершения преступления. Оно не обуславливается недоведением преступления до конца и потому вполне может быть организовано при соучастии (что относится и к руководству). Не исключено, что именно поэтому в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» под организацией незаконной миграции в ст. 322.1 УК РФ понимается умышленное совершение действий, *создающих условия* для осуществления одним или несколькими иностранными гражданами или лицами без гражданства незаконного въезда в РФ, незаконного пребывания в РФ, незаконного транзитного проезда через территорию РФ, включая въезд в РФ иностранных граждан по туристическим визам с целью незаконной миграции в другое государство с использованием территории РФ в качестве транзитной [61, с. 38].

Под преступлением ч. 3 ст. 33 УК РФ, на наш взгляд, имеет в виду то деяние, в совершении которого совместно участвуют соучастники (ст. 32). Тем самым организацию того, что законом не признано преступлением нельзя считать преступлениями организатора. При этом подобная организация подчас признается самостоятельным

преступлением. Так, в ст. 110.2 УК РФ предусмотрена организация не являющейся преступлением деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства; в ст. 172.2 – организация не являющейся преступлением деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества.

Содержание руководства исполнением преступления устанавливается через признаки а) руководства и б) исполнения преступления. Слово «руководство» в русском языке раскрывается как направляющая деятельность руководителя, стоящего во главе чего-нибудь [152, с. 687]. На основании ч. 2 ст. 33 УК РФ исполнение преступления – функция исполнителя.

Таким образом, руководство исполнением преступления должно заключаться в направлении исполнителей [65, с. 17; 86, с. 222]. Вместе с тем такое руководство в литературе (В.В. Качалов, Д.А. Безбородов, С.А. Шатов и др.) подчас распространяют и на иных соучастников [19, с. 33; 98, с. 68; 253, с. 46].

Дело, видимо, в том, что в теории наблюдается неодинаковый подход к соотношению исполнения и совершения преступления. Отдельные авторы (Н.Д. Эриашвили, С.В. Расторопов и др.) полагают, что законодатель «заставляет нас искать отличия между понятиями «совершение преступления» и «исполнение преступления», но «при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что, с одной стороны, в российском уголовном законодательстве при определении приготовления к преступлению, покушения на преступление, исполнителя, подстрекателя и пособника преступления под совершением преступления понимается, по сути, его исполнение»; с другой стороны, совершение преступления можно понимать и как более широкое понятие, охватывающее в том числе, и исполнение преступления, когда речь идет о стадиях совершения преступления»; «законодатель, таким образом, создал тупиковую ситуацию», ибо «исполнение преступления не может обособляться от совершения преступления», а «приготовительные действия характерны для совершения преступления только отчасти в широком его понимании» [6, с. 226; 164, с. 72]. Некоторые ученые (С.И. Никулин, Д.А. Безбородов,

А.В. Грошев, Б.В. Волженкин) вместо руководства исполнением говорят о руководстве совершением преступления [5, с. 239; 19, с. 33; 236, с. 591; 258, с. 166].

Напротив, А.П. Козлов считает «стоящим» указание ч. 3 ст. 33 УК РФ на исполнение преступления, «поскольку законодатель точно обозначил стадию совершения преступления (исполнение), на которой осуществляется руководство преступлением» [107, с. 118, 122]. Мы соглашались с таким заключением, ибо исполнение преступления означает, прежде всего, непосредственное совершение преступления (ч. 2 ст. 33 УК РФ), являясь лишь частью умышленного совместного участия в совершении умышленного преступления (ст. 32). Хотя не менее важно и то, в отношении кого осуществляется руководство.

А.П. Козлов замечает, что законодатель «странно разделяет организацию и руководство, словно можно организовывать, не руководя другими лицами» [107, с. 120], а Н.Д. Эриашвили добавляет – будто возможно «руководство без организации» [164, с. 71]. Закон в отмеченной части, конечно, сформулирован не слишком удачно, но если организаторство в целом не смешивать с организацией совершения преступления, то, по нашему мнению, отличие последней от руководства исполнением преступления понять не слишком сложно, и соответственно имеется возможность их размежевания.

Содержание создания организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) устанавливается через понятия создание, организованная группа, преступное сообщество (преступная организация). Создать в русском языке означает сделать существующим, произвести, основать [152, с. 744]. Понимание организованной группы и преступного сообщества (преступной организации) отражено в ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ.

Тем самым правильной представляется позиция Пленума Верховного Суда РФ, выраженная в п. 7 Постановления от 17 января 1997 г. № 1, в котором разъясняется, что «создание банды предполагает совершение любых действий, результатом которых стало образование организованной устойчивой вооруженной группы в целях нападения на граждан либо организации» [213, с. 402]. Если в

данном случае на место банды ввести указание на организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию), содержание их создания будет таким же.

Выходит, что на основании ч. 3 ст. 35 УК РФ создание организованной группы означает образование устойчивой группы лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Соответственно на основании ч. 4 ст. 35 УК РФ создание преступного сообщества (преступной организации) – образование структурированной организованной группы или объединения организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды [23, с. 162].

К сожалению, после ранее приведенного толкования создания банды Пленум указал, что упомянутые им действия «могут выражаться в сговоре, приискании соучастников, финансировании, приобретении оружия и т.п.» [213, с. 402]. А.М. Зацепиным уже отмечена неудачность приведенных примеров, ибо результатом ни одного названного Пленумом действия не способно стать создание банды [86, с. 223-224].

Не случайно с ч. 1 на ч. 2 ст. 209 УК РФ переквалифицированы действия Глазевского, в отношении которого было установлено, что он состоял в устойчивой вооруженной группе (банде) совместно с другими осужденными, принял активное участие в организации вооруженной банды, изготовив обрез из гладкоствольного охотничьего ружья. Основанием для переквалификации послужило то, что ни одно из действий, результатом которых стало создание банды, ему не вменялось [147, с. 17]. При этом изготовление обреза и приобретение оружия по значению для образования банды как вооруженной группы представляются равнозначными.

По поводу понимания создания организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) в науке (А.В. Покаместов, В.В. Качалов, С.А. Шатов, Д.А. Безбородов и др.) высказываются разные взгляды [19, с. 34-35; 98, с. 70; 172, с. 12; 253,

с. 47; 258, с. 168]. Дело доходит даже до появления сомнений относительно правильности выделения такого признака в законе. Так, по мнению А.П. Козлова, он «противопоставляет организованные группы и преступные сообщества иным групповым преступлениям», а также «создает ложное впечатление» нахождения вне организации совершения преступления, делающее создание «криминально незначимым явлением» [107, с. 119, 120]. Хотя данный взгляд и получил поддержку [217], с ним обоснованно выражено несогласие [86, с. 225-226]. Действительно, противопоставление ч. 3 ст. 33 УК РФ организованной группы и преступного сообщества (преступной организации) иным преступным группам нам тоже представляется закономерным.

Думается, что поскольку в совершении преступления группой лиц совместно участвуют два или более исполнителя «без предварительного сговора» (ч. 1 ст. 35 УК РФ), создание такой группы объективно исключено. Очевидно, что данный вывод справедлив и в отношении группы лиц по предварительному сговору, в которой договариваются только о «совместном совершении преступления» (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

Описание в законе создания организованной группы и преступного сообщества (преступной организации) вне организации совершения преступления, на наш взгляд, означает всего лишь то, что законодатель посчитал эти признаки организаторства самостоятельными. В него же в целом по закону создание приведенных преступных групп входит, в силу чего «криминально незначимым явлением» быть не может. Мало того, его криминальная значимость прямо следует из положений ч. 5 ст. 35 УК РФ о том, что «лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию), подлежит уголовной ответственности за их организацию...». Наконец, по приведенной логике, кроме организации совершения преступления, все остальные деяния организатора, отраженные в ч. 3 ст. 33 УК РФ, «криминально незначимые явления», но А.П. Козлов благоразумно так не считает.

Содержание руководства организованной группой и преступным сообществом (преступной организацией)

устанавливается через понятия руководства, организованная группа, преступное сообщество (преступная организация). Хотя они ранее были раскрыты, это в силу не совсем удачного уголовно-правового регулирования понимание руководства названными преступными группами облегчает не слишком.

В признаке «лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию), либо руководившее ими», местоимение, имея форму множественного числа, должно относиться к обеим преступным группам одновременно. Тем самым очевидно, что при буквальном толковании закона, признаваемое организатором лицо должно руководить совместно и организованной группой, и преступным сообществом (преступной организацией).

В то же время из систематического толкования закона вытекает, что для признания соответствующего лица организатором должно быть достаточно, чтобы оно руководило или той, или другой из упомянутых групп, ибо, «учитывая, что при указании на создание данных преступных групп законодатель использует разделительный союз, предполагающий достаточность создания одной из них, представляется нелогичным считать иначе в отношении руководства ими» [86, с. 227]. При этом для уголовно-правового регулирования, было бы предпочтительнее, чтобы буква и смысл закона не расходились между собой.

Признак руководства организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) неоднократно толковался Пленумом Верховного Суда РФ. Так, им в п. 8 Постановления от 17 января 1997 г. № 1 разъяснено, что «под руководством бандой понимается принятие решений, связанных как с планированием, материальным обеспечением и организацией преступной деятельности банды, так и с совершением ею конкретных нападения» [213, с. 402].

Принятие решений, несомненно, важно для понимания руководства соответствующей преступной группой. В этом смысле противопоставлять их, указывая, что руководство – это «не принятие, а реализация решений» [23, с. 163], мы не считаем правильным.

Между тем нам ясно и то, что принятие решений само по себе – еще не направляющая деятельность руководителя, стоящего во главе чего-нибудь, не направление чьей-нибудь деятельности, т.е. является более значимым, конечно, не столько принятие, сколько реализация, воплощение в действительность принятых решений.

В последующем Пленум Верховного Суда РФ свою позицию уточнил. Он в Постановлениях от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» (п. 10), от 28 июня 2011 г. № 11 (п. 15) и от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (п. 25) указал, что под руководством соответствующими преступными группами следует понимать осуществление организационных и (или) управленческих функций [46, с. 5; 49, с. 6; 50, с. 6]. По существу, подобным же образом, хотя обычно и казуистично, руководство организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) освещается и в теории (А.В. Покаместов, В.В. Качалов, С.А. Шатов, Безбородов и др.) [19, с. 35; 98, с. 73; 171, с. 12-13; 253, с. 47; 258, с. 169]. Правда, осуществление организационных функций применительно к организатору преступления тавтологично.

Если не принимать во внимание частные случаи, руководством организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) является управление их внутренней деятельностью в целом [23, с. 163]. Однако в науке бытует взгляд, согласно которому руководство данными преступными группами включает и руководство их структурными подразделениями и даже преступными операциями [19, с. 35-36; 253, с. 47; 258, с. 169]. Таковое, на наш взгляд, не соответствует положениям ни закона, ни практики.

Преступные операции немислимы вне совершения преступлений. На основании же ч. 3 ст. 33 УК РФ руководство названными операциями явно должен осуществлять организатор как лицо, руководившее исполнением преступления [23, с. 163]. В ст. 210 и 282.1 УК РФ признаки руководства соответственно преступным сообществом (преступной организацией) и экстремистским

сообществом и руководства их структурными подразделениями автономны друг от друга. В ранее же приведенных пунктах Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 и 28 июня 2011 г. № 11 руководство указанными преступными группами в целом и их частями или структурными подразделениями толкуется совместно и не отделяется от руководства ими при исполнении преступлений [46, с. 5; 49, с. 6; 50, с. 6].

Нормативный признак «лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими», вызвала у Н.Д. Эриашвили «принципиальное возражение», ибо, как он полагает, «мы говорим об организаторе как виде соучастника *преступления*, а не просто о лице, создавшем организованную группу, преступное сообщество или руководившем ими»; «законодатель почему-то переставляет акцент с совершения преступления на совместное образование» [164, с. 73]. Нам кажется, что последнее заключение – следствие несистемного подхода к предписаниям закона. Создание названных групп именно для совершения преступления, а, следовательно, и руководство ими для этого, недвусмысленно подчеркнуто в их законодательном определении (ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ), и именно это позволяло не повторяться в ч. 3 ст. 33 [22, с. 115].

Вместе с тем действия, подобные изложенным в ч. 3 ст. 33 УК РФ, предусматриваются и в Особенной части. Конечно, они юридически должны считаться преступлениями исполнителя, но фактически явно являются преступлениями организатора. Причем последние уже никакого отношения к собственно преступлениям организатора, на наш взгляд, не имеют. Под фактическим преступлением организатора мы понимаем виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой организацию совершения преступления, руководство его исполнением, создание организованной группы или преступного сообщества (преступной организацией) либо руководство такой группой.

Правда, Л.В. Иногамова-Хегай считает иначе. По ее мнению, «конкурирует общая норма об организаторе преступления (ч. 3 ст. 33 УК) и специальные нормы о преступлении в Особенной части УК... Поскольку более полное описание действий организатора содержится в нормах статей Особенной части УК, постольку последние, являясь специальными, и должны применяться при квалификации преступлений организаторов» [93, с. 100; 219, с. 202]. Такому подходу, представляется, уже дана обоснованная критика в связи с тем, что соответствующие статьи Особенной части УК РФ не конкурируют со ст. 33, поскольку лишь по ней в отличие от статей Особенной части преступление не квалифицируется, ибо на основании ч. 3 ст. 34 деяния организатора квалифицируются «по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 настоящего Кодекса...» [21, с. 144]. В свою очередь А.М. Зацепиным указано, что, отразив в Особенной части УК РФ в качестве исполнительства деяние, в принципе являющееся организаторством, законодатель вывел его из соучастия в преступлении, и оно стало самостоятельно выполняемым преступлением, с соучастием не способным конкурировать по определению [86, с. 45].

М.А. Саблина для выявления предписаний Особенной части УК РФ, отражающих действия организатора (подстрекателя, пособника), оценивала объективную сторону составов преступлений на предмет соответствия действиям, указанным в ч. 3 (4, 5) ст. 33 УК РФ; после этого она устанавливала, всегда ли выполнение такой объективной стороны опосредует совершение основного преступления, и при положительном ответе на поставленный вопрос состав признавала вспомогательным [211, с. 19], говоря иначе, ею делался вывод об описании в статье Особенной части УК РФ действий организатора (подстрекателя, пособника). В то же время, если можно обойтись без введения в уголовно-правовую науку новых терминов (основное преступление, вспомогательный состав), думается, этого не стоит делать. Более того, предложенный М.А. Саблиной метод не привел к четкому разделению в Особенной части УК РФ действительных

исполнителей преступления и организаторов (подстрекателей, пособников).

Высказан взгляд, что критерий отнесения деяния, описанного в Особенной части УК РФ, к фактическому организаторству (подстрекательству или пособничеству) – «в совместности участия двух или более лиц в совершении преступления (ст. 32 и 33 УК РФ)», исходя из чего, если деяние, предусмотренное Особенной частью, одновременно является отраженным в ч. 3 (4 или 5) ст. 33 участием в совершении другого предусмотренного Особенной частью деяния совместно с исполнителем, первое является фактическим организаторством (подстрекательством или пособничеством) [22, с. 223]. В принципе против этого мы не возражаем. Вопрос лишь в том, как определить указанную одновременность.

При установлении предписаний Особенной части УК РФ, действительно, отражающих фактическое преступление организатора, по нашему мнению, необходимо исходить из того, что в них должно быть предусмотрено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой организацию его совершения, руководство его исполнением, создание организованной группы или преступного сообщества (преступной организацией) либо руководство такой группой. Причем данное преступление также должно быть отражено в Особенной части УК РФ. В противном случае об организации именно совершения преступления, руководстве его исполнением, создании организованной группы или преступного сообщества (преступной организацией) либо руководстве такой группой не может быть и речи.

Представляет ли определенное деяние фактическое преступление организатора, на наш взгляд, выявляется мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в таком случае деяние может быть квалифицировано по ч. 3 ст. 33 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое преступление организатора. Если деяние так квалифицировано быть не может, то мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое преступление организатора.

Начнем с определения наличия в Особенной части УК РФ организации совершения преступления. В ч. 1 ст. 171.2 УК РФ установлена незаконная организация азартных игр. Она, несомненно, может представлять собой организацию упомянутого в той же части данной статьи проведения азартных игр.

Если из ч. 1 ст. 171.2 УК РФ исключить указание на организацию азартных игр, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет предусмотрено ч. 3 ст. 33 и ч. 1 ст. 171.2 по признаку проведения азартных игр. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

В ч. 1 ст. 205.1 УК РФ установлена подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205.2, ч. 1 и 2 ст. 206, ст. 208, ч. 1 – 3 ст. 211, ст. 220, 221, 277, 278, 279 и 360. Она, несомненно, может представлять собой организацию упомянутых в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ преступлений.

Если из ч. 1 ст. 205.1 УК РФ исключить указание на подготовку лица, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет предусмотрено ч. 3 ст. 33 и соответствующей частью одной из приведенных статей. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

Аналогична ситуация с установленной в ч. 1.1 ст. 205.1, ч. 1 ст. 212, ч. 2 ст. 361 УК РФ подготовкой лица в целях совершения соответствующих преступлений. Так, в ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ установлена подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211. Она, несомненно, может представлять собой организацию упомянутых в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ преступлений.

Если из ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ исключить указание на подготовку лица, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет предусмотрено ч. 3 ст. 33 и соответствующей частью одной из приведенных статей. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

В ч. 1 ст. 212 УК РФ установлена подготовка лица для организации массовых беспорядков или участия в них. Она, несомненно, может представлять собой организацию упомянутых в той же статье организации массовых беспорядков (ч. 1) или участия в них (ч. 2).

Если из ч. 1 ст. 212 УК РФ исключить указание на подготовку лица для организации массовых беспорядков или участия в них, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 3 ст. 33 и ч. 1 ст. 212 по признаку организации массовых беспорядков или ч. 2 ст. 212. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

В ч. 2 ст. 361 УК РФ установлена подготовка лица в целях совершения преступлений, указанных в ч. 1. Она, несомненно, может представлять собой организацию упомянутых в ч. 1 ст. 361 УК РФ преступлений.

Если из ч. 2 ст. 361 УК РФ исключить указание на подготовку лица в целях совершения преступлений, указанных в ч. 1, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 3 ст. 33 и ч. 1 ст. 361. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

В ч. 4 ст. 205.1 УК РФ установлена организация совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.3, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, и организация финансирования терроризма. Само финансирование терроризма названо как преступление в ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ.

Если из ч. 4 ст. 205.1 УК РФ исключить указание на организацию совершения конкретных преступлений, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет предусмотрено ч. 3 ст. 33 и определенной частью ст. 205 (ст. 205.3, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 или ч. 1.1 ст. 205.1). Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

В ч. 1 ст. 212 УК РФ установлена организация массовых беспорядков. Она, несомненно, может представлять собой организацию упомянутого в ч. 2 данной статьи участия в массовых беспорядках.

Если из ч. 1 ст. 212 УК РФ исключить указание на организацию массовых беспорядков, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет предусмотрено ч. 3 ст. 33 и ч. 2 ст. 212. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

Ответственность за организацию преступной деятельности и участие в ней установлена также в ст. 205.5, 279, 282.2 и 359 УК РФ. В них первое, несомненно, может представлять собой организацию последнего, а при исключении из закона организации преступной деятельности соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 3 ст. 33 УК РФ и указанным участием, т.е. она, действительно, в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

В ч. 1 ст. 232 УК РФ установлена организация притонов для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Она, несомненно, может представлять собой организацию упомянутого в той же части данной статьи содержания притонов.

Если из ч. 1 ст. 232 УК РФ исключить указание на организацию притонов, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет предусмотрено ч. 3 ст. 33 и ч. 1 ст. 232 по признаку содержания. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

Аналогична ситуация с установленной в ч. 1 ст. 241 УК РФ организацией занятия проституцией. Она, несомненно, может представлять собой организацию упомянутого в той же части данной статьи содержания притонов для занятия проституцией.

Если из ч. 1 ст. 241 УК РФ исключить указание на организацию притонов, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет предусмотрено ч. 3 ст. 33 и ч. 1 ст. 241 по признаку содержания. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

В ч. 1 ст. 239 УК РФ установлено создание религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, а равно руководство таким объединением. И то, и другое, несомненно, может представлять собой организацию определенного преступления против здоровья.

Если из ст. 239 УК РФ исключить ч. 1, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 3 ст. 33 и статьей об определенном преступлении против здоровья. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

В ч. 2 ст. 239 УК РФ установлено создание некоммерческой организации либо структурного подразделения иностранной некоммерческой неправительственной организации, деятельность которых сопряжена с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний, а равно руководство такой организацией либо структурным подразделением. Приведенные деяния, несомненно, могут представлять собой организацию определенного преступления.

Если из ст. 239 УК РФ исключить ч. 2, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 3 ст. 33 и статьей об определенном преступлении. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

В ст. 284.1 УК РФ установлено руководство деятельностью на территории РФ иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории РФ ее деятельности в соответствии с законодательством РФ. Приведенное деяние, несомненно, может представлять собой организацию упомянутого в данной статье участия в такой деятельности.

Если из ст. 284.1 УК РФ исключить указание на отраженное в ней руководство, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет предусмотрено ч. 3 ст. 33 и ст.

284.1 по признаку участия. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

В ч. 1 ст. 322.1 УК РФ установлена организация незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства. Она, несомненно, может представлять собой организацию упомянутых в данной части организации незаконного пребывания в РФ или незаконного транзита через ее территорию.

Если из ч. 1 ст. 322.1 УК РФ исключить указание на отраженную в ней организацию незаконного въезда, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет предусмотрено ч. 3 ст. 33 и ч. 1 ст. 322.1 по признакам организации незаконного пребывания в РФ или незаконного транзита через ее территорию. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

В ч. 1 ст. 353 УК РФ установлены планирование, подготовка и развязывание агрессивной войны. Они, несомненно, могут представлять собой организацию совершения, отраженного в ч. 2 упомянутой статьи ведения агрессивной войны.

Если из ст. 353 УК РФ исключить ч. 1, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 3 ст. 33 и ч. 2 ст. 353. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

Перейдем к определению наличия в Особенной части УК РФ руководства исполнением преступления. В ч. 4 ст. 205.1 УК РФ установлено руководство совершением хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.3, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211. Руководство совершением преступления в ч. 4 ст. 205.1 УК РФ, несомненно, представляет собой руководство исполнением преступления.

Если из ч. 4 ст. 205.1 УК РФ исключить указание на руководство совершением преступления, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет предусмотрено ч. 3 ст. 33 и соответствующей частью ст. 205 (ст. 205.3, ч. 3 и 4 ст. 206 или ч. 4 ст.

211). Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

Приступим к определению наличия в Особенной части УК РФ создания организованной группы и руководства ею. В ч. 1 ст. 205.4 УК РФ установлено создание террористического сообщества, а равно руководство таким террористическим сообществом, в ч. 1 ст. 209 – создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой), в ч. 1 ст. 282.1 создание экстремистского сообщества, а равно руководство им.

Экстремистское сообщество прямо в законе названо организованной группой лиц. Террористическое сообщество и банду также следует считать организованными группами [135, с. 232; 241, с. 447]. Об этом свидетельствуют наличие в законе признака устойчивости, присущего именно названным группам, и характер преступлений, для совершения которых они создаются (ч. 3 ст. 35 УК РФ). В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 под бандой понимается организованная группа, а в п. 22.2 Постановления от 9 февраля 2012 г. № 1 (в редакции от 3 ноября 2016 г.) под террористическим сообществом – то же самое [57, с. 5; 213, с. 402]. Отсюда создание всех трех групп и руководство ими, несомненно, представляет собой создание организованной группы и руководство ею.

Если из ч. 1 ст. 205.4 УК РФ исключить указание на создание террористического сообщества и руководство им, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет предусмотрено ч. 3 ст. 33 и статьей о преступлении, определенном в ч. 1 ст. 205.4. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

Если из ст. 209 УК РФ исключить ч. 1, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет предусмотрено ч. 3 ст. 33 и статьей, обрисовывающей нападение на граждан или организации. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

Если из ст. 282.1 УК РФ исключить указание на создание экстремистского сообщества и руководство им, то соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах будет предусмотрено ч. 3 ст. 33 и статьей о преступлении экстремистской направленности. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора.

Других вариантов отражения фактических преступлений организатора в Особенной части УК РФ мы не обнаружили. Даже создание преступного сообщества (преступной организации) и руководство им (ею) – не исключение, хотя, казалось бы, дело должно обстоять иначе.

В ч. 1 ст. 210 УК РФ, на первый взгляд, установлено именно то, о чем идет речь в ч. 3 ст. 33. Тогда, если из ч. 1 ст. 210 УК РФ исключить указание на создание преступного сообщества (преступной организации) и руководство им (ею), соответствующее деяние при прочих необходимых обстоятельствах должно быть предусмотрено ч. 3 ст. 33 и статьей, описывающей преступление (преступления), ради совершения которого (которых) данная преступная группа создана или руководима. А вот ранее постоянно напрашивавшийся вывод, что исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление организатора, сделать сложно. Проблема в том, что В.В. Малиновский обнаружил «неточность в ч. 3 ст. 33 УК РФ, допускающей существование организатора в преступном сообществе ("организатором признается... лицо, создавшее организованную группу *или преступное сообщество (преступную организацию)* либо руководившее ими")», так как, «учитывая ст. 210 УК РФ, криминализирующую создание и руководство *любым* преступным сообществом (преступной организацией), действия такого организатора всегда будут образовывать исполнение преступления» [129, с. 31].

Причем не точны утверждения ни В.А. Никонова о том, что в предписаниях ч. 3 ст. 33 УК РФ о создании преступного сообщества (преступной организации) и руководстве им (ею) «фактически речь идет не об организаторе, а *об исполнителе*» [141, с. 151], ни В.В. Качалова о том, что соответствующие лица «будут отвечать по части

первой статьи 210 УК РФ как исполнители этого преступления, тогда как часть 3 статьи 33 УК РФ говорит, что они должны быть признаны организаторами преступления» [98, с. 71]. В первом случае не учитывается, что в ч. 3 ст. 33 УК РФ предусмотрено именно юридическое организаторство, а во втором – что, как отмечалось, криминализация фактического преступления организатора в качестве самостоятельного преступления исключает соучастие со всеми вытекающими последствиями.

Кроме того, ответственность в исследуемом случае не может наступать, как сказано в ч. 3 ст. 34 УК РФ, со ссылкой на ст. 33. Преступление полностью описано в ст. 210 УК РФ.

Выход из сложившегося положения видится в признании правоты А.А. Арутюнова в отношении природы создания преступного сообщества (преступной организации) или руководства им (ею). Оно, на его взгляд, «является преступлением и потому не требует включения в определение организатора преступления» [12, с. 147].

На основании проведенных в параграфе исследований мы приходим к следующим выводам:

- в Особенной части УК РФ в качестве преступления исполнителя подчас отражается фактическое преступление организатора, которое к соучастию в преступлении уже никакого отношения не имеет;

- под фактическим преступлением организатора понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но представляющее собой организацию совершения преступления, руководство его исполнением, создание организованной группы или преступного сообщества (преступной организацией) либо руководство такой группой;

- при определении предписаний Особенной части УК РФ, отражающих фактическое преступление организатора, необходимо исходить из того, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой организацию его совершения, руководство его исполнением, создание

организованной группы или преступного сообщества (преступной организацией) либо руководство данной группой. Причем выявляется это мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в таком случае деяние может быть квалифицировано по ч. 3 ст. 33 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое преступление организатора. В противном случае мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое преступление организатора;

– фактическое преступление организатора получило отражение в соответствующих предписаниях ст. 171.2, 205.1, 205.4, 205.5, 209, 212, 232, 239, 241, 279, 282.1, 282.2, 284.1, 322.1, 353, 359, 361 УК РФ;

– из ч. 3 ст. 33 УК РФ следует исключить признаки создания преступного сообщества (преступной организации) и руководства им (ею).

§ 3. Преступления подстрекателя и их отражение в Особенной части УК РФ

Хотя по закону местом отражения преступлений подстрекателя является Общая часть УК РФ, в литературе подчас утверждается, что это делается и в Особенной части. Так, Н.Д. Эриашвили называет «только» ст. 150 и 205.1 УК РФ [164, с. 83]; З.А. Абакаров – ст. 150, 151, 205.1, 212, 230, 240, 280, 282, 291, 309, 354, 359 [1, с. 18-19]; В.Г. Мирзоян – ст. 150, 309 и др. [131, с. 15]; Д.А. Безбородов – ч. 3 ст. 212, ст. 280 и др. [19, с. 38]; А.Н. Петрушенков – ст. 150, 205.1, 230, 240, ч. 1.1 ст. 282.1, 282.2 и др. [166, с. 115]; М.А. Саблина – ст. 150, 183, 205.1, 282.1, 282.2, 283.1, 309, 359 [211, с. 11]; Е.В. Благов – ст. 150, 184, 200.5, 204, 205.1, 212, 242, 282.1, 282.2, 291, 309 [22, с. 229]. Для выяснения, соответствует ли приведенный подход подстрекательству, необходимо исследовать, что оно собой представляет, и проверить, включены ли в Особенную часть УК РФ деяния, могущие считаться преступлениями, совершаемыми подстрекателем.

На основании ч. 4 ст. 33 УК РФ преступление подстрекателя выражается в склонении другого лица к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. Следовательно, для понимания такого преступления важны признаки а) склонения, б) другого лица и в) совершения преступления.

Признак склонения получает различную интерпретацию. По существу же он раскрыт в законе. В соответствии с примечанием 1 к ст. 230.1 УК РФ под склонением спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, в настоящей статье понимаются любые умышленные действия, способствующие использованию спортсменом запрещенной субстанции и (или) запрещенного метода, в том числе совершенные путем обмана, уговоров, советов, указаний, предложений, предоставления информации либо запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранения препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов.

Конечно, в приведенном примечании сказано о распространении его предписаний исключительно на ст. 230.1 УК РФ, но они явно относятся к специфике преступления, а не к признаку склонения, широко задействованному в уголовном законе. Его содержание не может отличаться от статьи к статье УК РФ. Вот только раскрытие склонения как действий, способствующих чему-то другому, по нашему мнению, сомнительно.

Слово «способствовать» в русском языке означает оказывать помощь, содействовать, быть причиной, помогать возникновению, развитию чего-нибудь [152, с. 757]. Нетрудно заметить, что это сильно напоминает пособничество, как определенное содействие совершению преступления (ч. 5 ст. 33 УК РФ), а потому не может быть пригодно для подстрекательства. Не случайно на практике [161, с. 135; 180, с. 17; 183, с. 4] и в теории [12, с. 199; 20, с. 18; 30, с. 26; 65, с. 16; 94, с. 22; 107, с. 127; 164, с. 78; 211, с. 20; 220, с. 157; 253, с. 50] даются иные решения о склонении.

Склонить в русском языке раскрывается как убедить в необходимости какого-нибудь поступка, решения [152, с. 723]. Хотя

порой считается, что сущность подстрекательства практически невозможно уяснить посредством обращения к толковым словарям [135, с. 190], это в литературе поддержки не получило [22, с. 127]. Действительно, поскольку, с одной стороны, склонение – не юридический термин, а с другой стороны, преступление, конечно, является поступком, на наш взгляд, не следует отходить от семантики.

Соответственно мы полагаем, что в законе под склонением следует понимать убеждение в необходимости совершить преступление. Причем мы согласны с С.И. Никулиным в том, что «если колебания исполнителя по поводу возможности совершения преступления рассеиваются под влиянием внешнего воздействия со стороны определенного лица, то оно, безусловно, является подстрекателем» [258, с. 173]. Поскольку слово «колебаться» в русском языке понимается как быть нерешительным, неустойчивым в мнениях, решениях [152, с.282], пока соответствующее лицо колеблется, оно еще не убеждено в необходимости совершения преступления.

Сделанному выводу, на наш взгляд, не противоречит то, что среди способов склонения к совершению преступления в законе названа угроза. Она представляет собой запугивание, обещание причинить кому-нибудь зло [152, с. 825]. С ее помощью, конечно, принуждают к совершению преступления. Вместе с тем принуждение – есть только насильственная разновидность убеждения, ибо убедить означает заставить поверить чему-нибудь [152, с. 820], что вполне возможно и путем принуждения. Отсюда мы не можем поддержать некоторых ученых в их стремлении применительно к подстрекательству на обособление принуждения и склонения [211, с. 10] и разделение подстрекательства на убеждающее и принуждающее [107, с. 127; 231, с. 179]. Как представляется, прав Д.А. Безбородов, выделяющий подстрекательство, не связанное и связанное с принуждением [19, с. 51].

Различаются а) содержание и б) форма убеждения в необходимости совершения преступления. Первым выступает то, в

чем происходит убеждение, а последним – то, как оно проявляется вовне.

При подстрекательстве осуществляется склонение к совершению преступления. Соответственно содержанием убеждения является совершение преступления.

Подстрекательство должно заключаться в склонении к совершению именно преступления как виновно совершенного общественно опасного деяния, запрещенного Уголовным кодексом под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Соответственно, не может считаться подстрекательством склонение к совершению деяний, не признанных преступлениями.

Так, думается, что Машкова неправильно признана подстрекателем к укрывательству преступления (убийства) Кунгуровой. В то же время Президиум Верховного Суда РФ согласился с принятым решением и указал следующее: «То обстоятельство, что впоследствии Кунгурова была признана невменяемой в отношении инкриминируемого ей деяния, не может повлиять на правовую оценку действий Машковой» [36, с. 11-12]. В отношении данного решения А.А. Арутюнов вполне справедливо отметил, что «Кунгурова и Машкова не могут быть признаны соучастниками, поскольку последняя не может являться подстрекателем к заранее не обещанному укрывательству, поскольку невменяемой Кунгуровой было совершено не преступление, а общественно опасное деяние» [12, с. 217]. По нашему мнению, в связи с тем, что укрывательства именно преступления не произошло по обстоятельствам, не зависящим от Машковой, она подлежала ответственности за покушение на подстрекательство к укрывательству преступления.

Причем склонение к совершению непроступных деяний подчас признается самостоятельным преступлением. Так, склонение к не являющимся преступлениями совершению самоубийства предусмотрено в ст. 110.1 УК РФ, к совершению противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, – в ст. 151.2, к оказанию противоправного влияния на результат официального спортивного

соревнования или зрелищного коммерческого конкурса – в ст. 184, к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов – в ст. 230, к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте – в ст. 230.1.

В науке (А.П. Козлов, С.А. Шатов, А.А. Арутюнов и др.) оправданно считается, что применительно к подстрекательству речь должна идти о конкретном, определенном преступлении [12, с. 201, 203; 107, с. 139; 253, с. 51; 258, с. 174]. На практике положение аналогичное. Так, в п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» сказано об ответственности «за соучастие (в виде подстрекательства)» за совершение конкретного преступления» [48, с. 9]. Такое преступление приводится в статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление (ч. 3 ст. 34 УК РФ).

По закону достаточно склонения к совершению одного преступления, но вполне допустимо и склонение к нескольким преступлениям [131, с. 17-18]. Главное, чтобы все они были конкретными, определенными.

Соответственно, не должно рассматриваться как подстрекательство склонение совершить не конкретное, определенное преступление, а вообще преступления или преступления, определяемые родовыми признаками (хищения, взяточничество и т.д.), либо заниматься преступной деятельностью (террористической, экстремистской и т.п.) [23, с. 171]. Для подобных случаев в Особенной части УК РФ отсутствует статья, предусматривающая наказание за совершенное преступление, а без нее беспредметна требуемая ч. 3 ст. 34 ссылка на ст. 33.

Форма убеждения в необходимости совершить преступление значения не имеет. Ясно, что чаще всего она представляет собой устную речь, в том числе с использованием соответствующих технических средств (телефона, радиации и т.п.). Между тем возможна и письменная речь (соответствующее письмо, записка и т.п.).

Для признания подстрекательством не обязательно, чтобы в ходе склонения воспроизводилось название или содержание соответствующей статьи Особенной части УК РФ. Вполне достаточно, чтобы из воспроизводимого было ясно, о каком именно преступлении идет речь.

Звездина осуждена за подстрекательство к разбою на основании показаний Зиновьева о том, что осужденная под угрозой его отравления требовала избить Григоряна. При этом Зиновьев не показывал, что Звездина подстрекала его к хищению чужого имущества, а она сама утверждала, что с Зиновьевым у нее был разговор только о том, что ее зятя следовало «побить» [144, с. 14]. Из приведенного разговора подстрекательство Зиновьевой Звездина к разбою как нападению в целях хищения чужого имущества, совершенному с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (ч. 1 ст. 162 УК РФ), вовсе не вытекает.

Напротив, если «сущность обращенного к нему призыва подстрекаемое лицо в состоянии уяснить из мимики и жестов, они также могут рассматриваться как способ подстрекательства» [19, с. 52; 253, с. 51-52; 258, с. 173]. Так, В. была признана виновной в подстрекательстве Ч. к совершению кражи денег у В-к. Находясь совместно с Ч. в комнате потерпевшего и увидев, откуда тот достал деньги, а затем положил обратно, В. знаками дала понять Ч., что их нужно взять, и вместе с В-к вышла из комнаты. Пользуясь этим, Ч. похитил из шкафа деньги и перчатки [160, с. 5]. Не исключено также сочетание различных форм убеждения в необходимости совершить преступление.

Поскольку другое лицо склоняется именно к совершению преступления, ясно, что речь должна идти о субъекте преступления. На основании ст. 19 УК РФ таковым является вменяемое физическое лицо, достигшее соответствующего возраста.

В теории (С.А. Шатов, А.А. Арутюнов, А.С. Дрепелев и др.) справедливо полагают, что подстрекательство осуществляется в отношении конкретного, определенного лица [12, с. 199; 78, с. 116; 253, с. 51]. Действительно, склонение к совершению преступления –

вовсе не обращение к неопределенному кругу лиц, как, например, агитация или пропаганда [152, с. 18, 616]. Тем самым не должны рассматриваться как подстрекательство (пусть даже особого рода – *sui generis*) вопреки высказанным мнениям (Д.А. Безбородов, И.А. Клепицкий и др.) любые призывы в том числе к совершению преступлений [19, с. 38], реализованный призыв к убийству в ходе массовых беспорядков, а также публичное объявление вознаграждения за убийство конкретного человека [242, с. 179].

Причем законодателем определенные призывы нередко признаются самостоятельными преступлениями. Так, в ст. 110.2 УК РФ установлена ответственность за призывы к самоубийству, в ст. 205.2 – за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (по п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «под публичными призывами к осуществлению террористической деятельности в статье 205.2 УК РФ следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности, то есть к совершению преступлений, предусмотренных статьями 205 – 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ» [50, с. 5]), в ст. 212 – за призывы к массовым беспорядкам, а равно насилию над гражданами, в ст. 280 – за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (в п. 4 Постановления от 28 июня 2011 г. № 11 «под публичными призывами (статья 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности» [49, с. 4]), в ст. 280.1 – за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, в ст. 354 – за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны.

В связи со сказанным нельзя не обратить внимание на содержание примечания к ст. 230 УК РФ. В нем отражено, что действие настоящей статьи не распространяется на случаи пропаганды применения в целях профилактики ВИЧ-инфекции и

других опасных инфекционных заболеваний соответствующих инструментов и оборудования, используемых для потребления наркотических средств и психотропных веществ, если эти деяния осуществлялись по согласованию с органами исполнительной власти в сфере здравоохранения и органами внутренних дел. На случаи данной пропаганды действие названной статьи не распространяется независимо от особого решения об этом, ибо преступлением признано склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Отсюда мы согласны с мнением, что приведенное примечание законодателем сформулировано напрасно [22, с. 134-135].

Конечно, склоняться к совершению преступления может не только одно лицо, но и несколько лиц [65, с. 16]. Главное, чтобы это были конкретные, определенные лица.

В законе не уточнено, кто именно подразумевается под другим лицом, склоненным к совершению преступления. При этом ясно, что имеется в виду лишь тот, кто в результате склонения становится соучастником. Таковым же признаются исполнитель, организатор, подстрекатель и пособник, что порождает вопрос о том, любой ли из соучастников способен стать упомянутым другим лицом.

В доктрине (С. Улицкий, В.П. Алехин, Д.А. Безбородов и др.) считается, что склоняться к совершению преступления может любой соучастник [6, с. 231; 8, с. 17; 19, с. 39; 246, с. 27]. Каких-либо оснований для иной позиции в законе мы не находим. А.П. Козлов, на наш взгляд, справедливо указал, что совершение преступления в ч. 4 ст. 33 УК РФ «нужно понимать как общественно опасное поведение любого другого соучастника», т.е. в «широком смысле» [107, с. 128, 139]. Каждый соучастник в соответствии с приданной ему законодателем ролью (ч. 2 – 5 ст. 33 УК РФ) совершает определенную часть преступления, к чему он вполне может быть склонен. Так, по конкретному делу установлено, что Пендюрин склонил к совершению преступления подстрекателя, Старощук – исполнителя, а Григорьев – соисполнителя [153, с. 16].

Одновременно А.П. Козлов полагает, что фраза «другое лицо» в ч. 4 ст. 33 УК РФ, «несет чисто стилистическую нагрузку», причем

«слишком натянуто» было бы объяснение, что «таким образом законодатель исключает из круга подстрекателей тех, кто склоняет животных к совершению преступления» [107, с. 129]. С последним суждением мы не можем не согласиться, так как животные не являются субъектами преступления, но не можем и согласиться с первым, ибо фраза «другое лицо» явно исключает из подстрекательства убеждение самого себя в необходимости совершения преступления.

В законе для склонения к совершению преступления названы определенные способы. Их перечень открыт, о чем свидетельствует указание на иной способ склонения. Помимо установленных в ч. 4 ст. 33 УК РФ уговора, подкупа и угрозы, к числу таких способов в теории (В.Г. Мирзоян, А.А. Арутюнов, С.А. Шатов и др.) относят просьбу, приказание, предложение, убеждение, обещание, обман, насилие, поручение, совет, шантаж, злоупотребление властью или авторитетом с помощью лести, возбуждения ненависти, мести, ревности и т.п. [12, с. 208; 131, с. 16, 17; 164, с. 80; 253, с. 51; 258, с. 171].

Отдельные способы, похожие на склонение, как и оно само, признаны самостоятельными преступлениями. Так, принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации предусмотрено в ст. 120 УК РФ; вербовка человека с целью его эксплуатации – в ст. 127.1; передача кандидату, избирательному объединению денежных средств в целях достижения определенного результата на выборах – в ст. 141.1; подделка подписей или заверение заведомо подделанных подписей (подписных листов), соединенные с подкупом, принуждением, применением насилия или угрозой его применения, а также с уничтожением имущества или угрозой его уничтожения, – в ст. 142; понуждение к действиям сексуального характера (по п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2016 г. № 14 при понуждении «способами воздействия на потерпевшее лицо... являются шантаж, угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо использование материальной или иной зависимости потерпевшего лица» [53, с. 4]) – в ст. 133; воспрепятствование законной профессиональной

деятельности журналистов путем принуждения к распространению либо к отказу от распространения информации – в ст. 144; принуждение к соавторству (по п. 14 Постановления от 2 апреля 2007 г. № 14 принуждение «может заключаться в оказании воздействия любым способом (в том числе посредством насилия, угроз наступления неблагоприятных для потерпевшего последствий)» [42, с. 6]) – в ст. 147; принуждение к участию в проведении собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования, если эти деяния совершены с применением насилия или с угрозой его применения, – в ст. 149; вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий – в ст. 151 (по п. 42 Постановления от 1 февраля 2011 г. № 1 под вовлечением несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий «следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить... антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить... антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий» [48, с. 9]); вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, – в ст. 151.2; нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, – в ст. 162; требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, – в ст. 163; принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения – в ст. 179; собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем подкупа или угроз, – в ст. 183; принуждение к оказанию противоправного влияния на результат официального спортивного

соревнования или зрелищного коммерческого конкурса – в ст. 184; побуждение к приобретению или продаже финансовых инструментов, иностранной валюты и (или) товаров – в ст. 185.6; угроза совершения взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений – в ст. 205; вовлечение в занятие проституцией и принуждение к продолжению такого занятия – в ст. 240; возбуждение ненависти или вражды – в ст. 282; получение сведений, составляющих государственную тайну, путем похищения, обмана, шантажа, принуждения, угрозы применения насилия либо иным незаконным способом – в ст. 283.1; угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде – в ст. 296; принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний либо эксперта, специалиста к даче заключения – в ст. 302; применение насилия в отношении представителя власти – в ст. 318; применение насилия, не опасного для жизни или здоровья осужденного, либо угроза применения насилия в отношении его с целью воспрепятствовать исправлению осужденного или из мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы – в ст. 321; насильственные действия в отношении начальника – в ст. 334; вербовка наемника – в ст. 359.

Необходимо отметить, что законодатель вовлечение назвал в одних случаях родовым признаком склонения (ст. 151.2, 205.1, 212, 282.1, 282.2 УК РФ), в других же указал на последнее как на самостоятельное действие (ст. 33, 110.1, 184, 230, 230.1). Причем какой-либо закономерности в таком подходе мы не выявили. Особенно это видно в ст. 151.2 УК РФ, в которой предусмотрено склонение или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение

противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, путем уговоров, предложений, обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, при отсутствии признаков склонения к совершению самоубийства, вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или в совершение антиобщественных действий, а склонение точно также понимается в ст. 33 и 110.1. Тем самым сделать какой-либо определенный вывод о соотношении вовлечения и склонения в рамках действующего УК РФ не представляется возможным [135, с. 193-194].

Формулирование в законе открытого перечня способов склонения к совершению преступления свидетельствует о том, что, какой именно из них использован в конкретном же случае, для признания подстрекательства безразлично. Не случайно в науке (В.С. Комиссаров, З.А. Абакаров, А.Н. Петрушенков, А.С. Дрепелев и др.) широко распространено мнение, что он может быть любым [1, с. 6; 78, с. 130; 124, с. 411; 166, с. 116], а «самое главное, чтобы лицо действительно было склонено к совершению преступления определенным способом...» [6, с. 233; 164, с. 82], и сохранялось соучастие как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК РФ).

Следует указать, что соучастие разрушает вынужденное или под влиянием заблуждения (ошибки) участие в преступлении [23, с. 171]. Подстрекатель признан соучастником преступления, а деяние не является преступлением при наличии любого из обстоятельств, исключающих его преступность (ст. 39 – 42 УК РФ), и соответствующей ошибки.

Отсюда способы склонения к совершению преступления не должны приводить ни к крайней необходимости, ни к физическому или психическому принуждению [12, с. 217; 258, с. 173], ни к исполнению приказа или распоряжения [86, с. 250] (ст. 39, 40, 42 УК РФ). Так, на основании п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «не могут быть признаны преступными деяния должностного лица, связанные с

использованием служебных полномочий, повлекшие причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам, если они были совершены во исполнение обязательного для него приказа или распоряжения (статья 42 УК РФ)» [45, с. 5].

Обман как введение в заблуждение [152, с. 431] не должен относиться к признакам состава преступления [23, с. 172]. В иной ситуации допустима ошибка подстрекаемого, исключающая по субъективным основаниям признание совершения преступления, а, следовательно, и соучастия в нем.

Однако действия, подобные изложенным в ч. 4 ст. 33 УК РФ, предусматриваются и в Особенной части. Конечно, они юридически должны считаться преступлениями исполнителя, но фактически являются преступлениями подстрекателя. Причем последние уже никакого отношения к собственно преступлениям подстрекателя, по нашему мнению, не имеют. Под фактическим преступлением подстрекателя мы понимаем виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой склонение другого лица к совершению преступления.

Правда, Л.В. Иногамова-Хегай применительно к соотношению ч. 4 ст. 33 и ст. 150 УК РФ посчитала иначе. Она пришла к выводу, что «вовлечение является специальным видом подстрекательства, предусмотренным законом как самостоятельное преступление (ст. 150 УК) и ответственность за которое должна наступать по статье Особенной части УК без ссылки на ч. 4 ст. 33 УК в соответствии с правилами конкуренции общей и специальной норм»; при этом «конкуренция нормы о подстрекательстве как общего понятия (ч. 4 ст. 33 УК) и нормы о подстрекательстве, предусмотренной конкретной статьей Особенной части УК (ст. 150 УК), решается в пользу последней» [71, с. 50; 93, с. 96, 100; 219, с. 202]. К аналогичному выводу о соотношении соответствующих положений ч. 4 ст. 33 УК РФ и ст. 205.1 пришли П.В. Агапов и К.В. Михайлов, Н.Д. Эриашвили, А.В. Грошев, который отнес его и к ст. 309 [4, с. 63-64; 5, с. 243; 164, с. 84]. Изложенному подходу уже дана, на наш взгляд, обоснованная критика в связи с тем, что соответствующие статьи

Особенной части УК РФ не конкурируют со ст. 33, поскольку лишь по ней в отличие от статей Особенной части преступление не квалифицируется, ибо на основании ч. 3 ст. 34 деяния подстрекателя квалифицируются «по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 настоящего Кодекса...», и что, описав в качестве исполнительства поведение, по существу являющееся подстрекательским, законодатель вывел его из института соучастия, и оно стало самостоятельно исполняемым преступлением, а не участием в каком-то преступлении [21, с. 144, 145].

При определении предписаний Особенной части УК РФ, действительно, отражающих фактическое преступление подстрекателя, по нашему мнению, необходимо исходить из того, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой склонение другого лица к совершению преступления. Причем данное преступление также должно быть отражено в Особенной части УК РФ. В противном случае о склонении другого лица именно к совершению преступления не может быть и речи.

Представляет ли определенное деяние фактическое преступление подстрекателя, на наш взгляд, выявляется мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в таком случае деяние может быть квалифицировано по ч. 4 ст. 33 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое преступление подстрекателя. Если деяние так квалифицировано быть не может, то мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое преступление подстрекателя.

В ч. 1 ст. 150 УК РФ установлено вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Вовлечение, несомненно, может представлять собой склонение к совершению упомянутого преступления.

Если из ст. 150 УК РФ исключить ч. 1, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 4 ст. 33 и статьей о преступлении, к которому

происходило склонение. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление подстрекателя.

Похожая ситуация складывается в ч. 1 и ч. 1.1 ст. 205.1, ч. 1.1 ст. 212, ч. 2 ст. 242, ч. 1.1 ст. 282.1, ч. 1.1 ст. 282.2, ст. 361 УК РФ. В них установленные случаи вовлечения в соответствующие деяния также описывают фактическое преступление подстрекателя.

В ч. 1 ст. 184 УК РФ установлена передача спортсмену, спортивному судье, тренеру, руководителю спортивной команды, другому участнику или организатору официального спортивного соревнования (в том числе их работнику), а равно члену жюри, участнику или организатору зрелищного коммерческого конкурса денег, ценных бумаг, иного имущества, а также оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав (в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу) в целях оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса. Передача, несомненно, может представлять собой склонение к отраженному в ч. 3 (или 4) названной статьи получению, а также пользованию теми же лицами тем же самым и в тех же целях.

Если из 1 ст. 184 УК РФ исключить приведенные предписания, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 4 ст. 33 и ч. 3 (или 4) ст. 184. Следовательно, исключаемые предписания в данном случае описывают фактическое преступление подстрекателя.

Сходная ситуация с незаконной передачей работнику контрактной службы, контрактному управляющему, члену комиссии по осуществлению закупок, лицу, осуществляющему приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иному уполномоченному лицу, представляющему интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд; арбитру (третейскому судье); лицу, выполняющему управленческие функции в

коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконными оказанием им услуг имущественного характера, предоставлением иных имущественных прав (ч. 1 ст. 200.5, 200.7 и 204 УК РФ) и дачей взятки должностному лицу, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации (ст. 291). Передача и дача, несомненно, могут представлять собой склонение к отраженному соответственно в ч. 4 ст. 200.5, ч. 5 ст. 200.7 либо 204 УК РФ незаконному получению денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконному пользованию услугами имущественного характера или иными имущественными правами либо в ст. 290 – получению взятки.

Если исключить из ст. 200.5, 200.7, 204 УК РФ ч. 1 или ст. 291, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 4 ст. 33 и ч. 4 ст. 200.5, ч. 5 ст. 200.7 либо 204 или ст. 290. Следовательно, исключаемые предписания в данных случаях описывают фактические преступления подстрекателя.

В ст. 309 УК РФ установлены подкуп свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний либо эксперта, специалиста в целях дачи ими ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода (ч. 1) и принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода, а равно принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний (ч. 2). И подкуп, и принуждение, несомненно, могут представлять собой склонение к совершению отраженного в ст. 307 УК РФ заведомо ложного показания свидетеля, потерпевшего либо заключения или показания эксперта, показание специалиста, а равно заведомо неправильного перевода в суде либо при производстве предварительного расследования.

Если из ст. 309 УК РФ исключить ч. 1 и 2, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 4 ст. 33 и ст. 307. Следовательно, исключаемые

предписания в данных случаях описывают фактические преступления подстрекателя.

Других вариантов отражения фактических преступлений подстрекателя в Особенной части УК РФ мы не обнаружили. На основании проведенных в параграфе исследований мы приходим к следующим выводам:

- под склонением в ч. 4 ст. 33 УК РФ следует понимать убеждение в необходимости совершить преступление. При этом содержанием убеждения является совершение преступления, а формой – устная или письменная речь, жесты, мимика, их сочетание;

- в Особенной части УК РФ в качестве преступления исполнителя подчас отражается фактическое преступление подстрекателя, которое к соучастию в преступлении уже никакого отношения не имеет;

- под фактическим преступлением подстрекателя понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой склонение другого лица к совершению преступления;

- при определении предписаний Особенной части УК РФ, отражающих фактическое преступление подстрекателя, необходимо исходить из того, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой склонение другого лица к совершению преступления. Причем выявляется это мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в таком случае деяние может быть квалифицировано по ч. 4 ст. 33 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое преступление подстрекателя. В противном случае мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое преступление подстрекателя;

- фактическое преступление подстрекателя получило отражение в соответствующих предписаниях ст. 150, 184, 200.5, 200.7, 204, 205.1, 212, 242, 282.1, 282.2, 291, 309, 361 УК РФ.

§ 4. Преступления пособника и их отражение в Особенной части УК РФ

Несмотря на то, что по закону местом отражения преступлений пособника является Общая часть УК РФ, в литературе подчас утверждается, что это делается и в Особенной части. Так, Н.Д. Эриашвили называет ст. 127.1 и 205 УК РФ [164, с. 90]; С.А. Ершов – ст. 127.1, 173.2, 185.6, 205.1, 208, 232, 241, 275, 291.1, 359 [83, с. 10]; М.А. Саблина – ст. 127.1, 141.1, 184, 204.1, 205.1, 212, 232, 233, 241, 282.3, 291.1, 327 и 359 [211, с. 11]; А.В. Липезин – ст. 173.2, 185.6, 205.1, 234, 238 [126, с. 317]. Для выяснения, соответствует ли приведенный подход пособничеству, необходимо исследовать, что оно собой представляет, и проверить, включены ли в Особенную часть УК РФ деяния, могущие считаться преступлениями, совершаемыми пособником.

На основании ч. 5 ст. 33 УК РФ преступления пособника выражаются в а) содействии совершению преступления и б) заранее данном обещании. Отсюда, на наш взгляд, абсолютно правы те, кто различают пособническое содействие совершению преступления и пособнические обещания [83, с. 56], и одновременно абсолютно не правы и полагающие, что «пособник – это в любом случае лицо, содействовавшее совершению преступления», а «при заранее данном обещании совершить перечисленные в ч. 5 ст. 33 УК РФ действия, содействие оказывается именно этим обещанием» [6, с. 235; 164, с. 87; 220, с. 174], и считающие, что пособничество «может выражаться как в содействии совершению преступления, так и в сокрытии его следов» [6, с. 234; 12, с. 246; 256, с. 41].

Под содействием в русском языке понимается помощь, поддержка в какой-нибудь деятельности, причем приставка «со» означает общее совместное участие в чем-нибудь, а обещание рассматривается как добровольное обязательство что-нибудь сделать [152, с. 743, 739, 427]. Очевидно, что само по себе обязательство что-нибудь сделать, с одной стороны, явно не является помощью, поддержкой в совершении преступления, ибо участия в последнем не предполагает; с другой стороны, дается в отношении сокрытия

преступника, средств или орудий совершения преступления, следов преступления либо предметов, добытых преступным путем, приобретения или сбыта таких предметов, т.е. не самого преступления; с третьей стороны, не означает сокрытия следов преступления, которое, если и происходит, то после совершения преступления и юридического значения для признания пособничества не имеет [5, с. 245; 7, с. 127; 83, с. 48; 258, с. 185].

Варианты пособнических действий альтернативны, о чем свидетельствует использование в законе присоединительного союза «а также». Тем самым для признания пособничеством требуется совершение всего одного из названных в законе действий.

Пособничество обычно делится на интеллектуальное и физическое [12, с. 243; 19, с.58; 107, с. 152; 164, с. 87; 253, с. 60]. В то же время такое деление не совсем корректно. На самом деле, подобным образом разграничивается лишь пособническое содействие совершению преступления, но не пособнические обещания [78, с. 148; 86, с. 257, 258]. Они не могут быть физическим пособничеством по определению.

К интеллектуальному содействию совершению преступления относятся советы, указания, предоставление информации. К физическому же содействию – предоставление средств или орудий совершения преступления, устранение препятствий.

Способы физического содействия преступлению альтернативны, о чем свидетельствует применение разделительных союзов «или» и «либо». Отсюда для признания пособничеством достаточно содействия совершению преступления хотя бы одним из предусмотренных в законе способов.

При определении пределов, в которых допустимо содействие совершению преступления, ни у кого не вызывает сомнений, что оно возможно как до начала совершения преступления (при создании условий для этого), так и в процессе его совершения. Понятно, что после совершения преступления содействовать уже нечему.

Между тем возникли расхождения по поводу конечного момента оказания содействия совершению преступления. Он определяется либо юридическим [239, с. 261], либо фактическим

окончанием преступления [253, с. 58]. Поскольку ряд преступлений может совершаться и после выполнения состава (разбой, вымогательство, бандитизм и др.), по нашему мнению, правы именно те, кто допускают содействие совершению преступления до его фактического окончания. В противном случае аналогичные действия в одних случаях (до юридического окончания преступления) будут признаваться, а в других (после юридического, но до фактического окончания) – не признаваться пособничеством.

Пособнические обещания – только интеллектуальное пособничество. Они различаются по характеру действия и предмету приложения.

По характеру действия обещания включают обязательства а) скрыть, б) приобрести или в) сбыть соответствующие предметы. Такие обязательства альтернативны, о чем свидетельствуют применение присоединительного союза «а равно» и разделительного союза «или». Говоря иначе, для признания пособничества хватит дачи одного из предусмотренных законом обещаний.

По предмету приложения обещания относятся к а) преступнику, б) средствам или орудиям совершения преступления, в) следам преступления и г) предметам, добытым преступным путем. Причем все приведенные предметы приложения обещания могут быть обещаны к сокрытию, но только последние – к приобретению или сбыту.

Предметы приложения обещания альтернативны, о чем свидетельствуют использованные при их перечислении разделительные союзы «или» и «либо». Тем самым для признания пособничеством довольно дачи обещания в отношении одного из приведенных в законе предметов.

Пособнические обещания должны быть даны заранее. Заранее в русском языке означает за некоторое время до чего-нибудь, раньше [152, с. 217].

Однако, кроме ч. 5 ст. 33 УК РФ, в которой предусмотрено как пособничество заранее данное обещание, в Особенной части установлена ответственность за заранее не обещанные, соответственно, приобретение или сбыт имущества, заведомо

добытого преступным путем (ст. 175), и укрывательство особо тяжких преступлений (ст. 316). Для разграничения пособничества и упомянутых преступлений, необходимо установить, за некоторое время до чего даются обещания в каждом случае.

Признак заранее получил неоднократное, но единообразное толкование на практике. Так, еще Пленум Верховного Суда СССР в п. 2 Постановления от 31 июля 1962 г. № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» дал поддержанное в п. 8 уже отмененного Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» и в п. 17 действующего Постановления от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» разъяснение, что укрывательство преступления, а также приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, могут быть признаны соучастием, если эти действия были обещаны исполнителю до или во время совершения преступления [33, с. 33; 55, с. 21; 213, с. 337].

Одни авторы (Т.А. Косарева, С.А. Ершов, Д.А. Безбородов и т.д.) позицию практики поддерживают [19, с. 57; 83, с. 47-48; 116, с. 76], другие же (С.И. Никулин, С.А. Шатов и т.д.) считают, что при пособничестве обещание должно даваться лишь до совершения преступления [253, с. 64; 258, с. 180-181]. Так, аргументация А.П. Козлова последней позиции заключается в следующем: «Учитывая, что на данном обещании базирует свои действия другой соучастник, под заранее данным обещанием следует понимать возложенное на себя до начала поведения другого соучастника обязательство совершить определенные действия по укрывательству, приобретению, сбыту. Если другой соучастник начал свои действия до обещания укрывать, приобрести, сбыть, то подобное означает, что свои действия он базирует не на данном обещании, а на чем-то ином, из-за чего

указанное обещание не может быть признано пособничеством, оно становится криминально незначимым, поскольку является только мыслью, не оформленной в действии» [107, с. 158].

А.М. Зацепин выступил с обоснованной критикой приведенной А.П. Козловым аргументации в пользу отличающейся от практики позиции: «То, что обещание является заранее данным, если оно дается до начала совершения другим соучастником соответствующих действий, аксиоматично. Вместе с тем в укрывательстве, приобретении, сбыте необходимость может появиться и в ходе совершения преступления. Продолжение его совершения после соответствующего обещания, несомненно, делает последнее заранее данным. Причем никакое обещание не способно являться "только мыслью, не оформленной в действии". Раз оно высказано, это уже действие, иначе нельзя устанавливать уголовную ответственность ни за одно деяние, совершаемое путем высказывания» [86, с. 256]. Ведь вполне понятно, что и на обещании, данном в ходе совершения преступления, может базировать свои действия другой соучастник. Говоря иначе, его никак нельзя назвать криминально незначимым.

Отсюда мы солидарны с теми, кто по затронутому вопросу не расходится с приведенной позицией практики. Как и в случае с содействием совершению преступления, дача обещаний может происходить до момента фактического окончания преступления [83, с. 48].

Следует отметить, что мы не поддерживаем взгляды о пособничестве после совершения преступления (А.П. Козлов, Ю.Е. Пудовочкин, А.А. Арутюнов и др.) [6, с. 234; 107, с. 153; 124, с. 414; 193, с. 167; 258, с. 179] наряду с пособничеством до и во время совершения преступления. При этом имеется в виду ранее упомянутое выполнение заранее данных обещаний. В то же время согласно букве закона, для пособничества как такового важна именно дача обещаний, а не их выполнение. Пособничество преступлению после его совершения исключено по определению.

С учетом сказанного, по нашему мнению, смещены акценты в отношении пособничества в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21, в котором отражено,

что «лица, непосредственно не участвовавшие в незаконной охоте, но... приобретающие... или сбывающие продукцию незаконной охоты по заранее данному обещанию, привлекаются к уголовной ответственности в качестве пособников со ссылкой на часть 5 статьи 33 УК РФ...», и в повторяющем данный подход к пособнику п. 10.1 Постановления от 23 ноября 2010 г. (в редакции от 26 мая 2015 г.) № 26 «О некоторых вопросах применения судами уголовного законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 ст. 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)», а также в п. 14 Постановления от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)», согласно которому, если лицо выполняет заранее обещанные передачу исполнителю преступления полученного в результате вымогательства имущества или оформление прав на него, то его действия квалифицируются как пособничество по соответствующей части ст. 163 и ч. 5 ст. 33 [51, с. 5; 54, с. 3; 56, с. 16]. Как отмечалось, для уголовной ответственности пособника достаточно дачи лицом заранее соответствующего обещания.

В законе не отражено, кому из соучастников оказывает содействие в совершении преступления или заранее дает обещание пособник. В литературе имеются различные мнения. Некоторые ученые (М.И. Ковалев, В.С. Комиссаров, С.А. Шатов и т.д.) считают, что пособничество возможно лишь исполнителю [106, с. 156-157; 124, с. 413; 253, с. 60-65], другие (С. Улицкий, Н.Д. Эриашвили, С.А. Ершов и т.д.) – всем соучастникам [6, с. 235; 83, с. 46; 164, с. 87; 246, с. 27]. Между тем из числа последних порой исключаются или подстрекатели [86, с. 257], или пособники [258, с. 180-181]. На наш взгляд, непоследовательную позицию в данном вопросе занимает В.Ю. Шубина. Она, хотя и указывает, что пособничество может осуществляться по отношению к любому из соучастников преступления, но отмечает – «не только исполнителю, но и организатору и подстрекателю» [255, с. 9]. Говоря иначе, у нее пособничество другому пособнику почему-то пропадает.

В ч. 5 ст. 33 УК РФ не говорится о содействии именно исполнению преступления или даче обещания именно его исполнителю. В законе предусмотрено лишь то, что пособник – «лицо, содействовавшее совершению преступления..., а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника...». Поскольку свою часть преступления совершает каждый соучастник, а любой соучастник – преступник, то пособничать можно всякому соучастнику. Вопрос может заключаться только в объеме допустимого пособничества. Так, применительно к иным соучастникам сомнительно содействие совершению преступления путем устранения препятствий. Наоборот, даче обещания скрыть данных соучастников никаких препятствий мы не видим.

Однако нужно иметь в виду, что соучастие – это совместное умышленное участие в совершении умышленного преступления (ст. 32 УК РФ). Пока соответствующий соучастник не появился, пособничество ему просто немыслимо.

К перечню пособнических действий, содержащемуся в ч. 5 ст. 33 УК РФ, отношение сложное. В теории он подчас считается неполным [6, с. 236; 164, с. 89]. Практика нередко признает пособничеством действия, не предусмотренные самим законом [86, с. 271-273].

В действительности же перечень пособнических действий изложен в законе так, что явно должен рассматриваться как исчерпывающий [12, с. 235; 83, с. 57; 124, с. 415; 256, с. 39-40], ибо в нем нет ничего похожего хотя бы на изложение способов склонения к совершению преступления, о чем говорилось ранее. Данный вывод в плане нашего исследования особенно важен в связи с выделением С.А. Ершовым дублирующего и расширяющего пособничества. На взгляд автора выделения, в дублирующее пособничество входят способы, повторяющие те, которые изложены в ч. 5 ст. 33 УК РФ, и представлены в ст. 173.2, 185.6, 205.1, а в расширяющее пособничество – способы, которые отвечают смыслу ч. 5 ст. 33, и представлены в ст. 127.1, 205.1, 208, 232, 241, 275, 291.1, 359 [83, с. 129, 171].

Нам думается, что с С.А. Ершовым трудно согласиться. Если перечень пособнических действий изложен в законе исчерпывающим образом, то все, что находится за пределами нормативного регулирования, пособничеством признаваться не должно. Тем самым расширяющего пособничества в рамках современного законодательства не может быть по определению. Не случайно Д.М. Молчанов пишет, что вследствие закрытого перечня «действий, которые можно рассматривать как пособнические», «уголовно-правовая оценка фактического пособничества совершению преступления, которое может выражаться в действиях, не указанных УК РФ в качестве пособничества (например, "финансирование преступной деятельности"), может не иметь под собой вообще никакой уголовно-правовой базы» [133, с. 99].

Нужно иметь в виду, что содействие и дача обещаний подчас признается самостоятельным преступлением. Так, в ст. 110.1 УК РФ предусмотрено содействие совершению не являющегося преступлением самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства (конечно, в свете отмеченного ранее выглядит сомнительным указание на содействие совершению самоубийства обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства; обещание, если и должно быть криминализовано, то наряду с содействием, а не как разновидность последнего); в ст. 230.1 – склонение спортсмена к не являющемуся преступлением использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, путем советов, указаний, предоставления информации либо запрещенных субстанций, средств применения запрещенных методов, устранения препятствий к использованию запрещенных субстанций и (или) запрещенных методов (здесь не ясно, почему способы содействия, в принципе характерные для пособничества, включены в склонение, в принципе характерное для подстрекательства; если эти способы и должны быть криминализованы, то наряду со склонением, а не как его разновидности); в ст. 233 – незаконная выдача документов (т.е.

предоставление средств), дающих право на не являющееся преступлением получение наркотических средств или психотропных веществ; в ст. 275 – выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну (предоставление информации), а также оказание помощи (предоставление средств) иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в не являющейся преступлением деятельности, направленной против безопасности РФ; в ст. 276 – передача сведений, составляющих государственную тайну, а также передача по заданию иностранной разведки или лица, действующего в ее интересах, иных сведений (предоставление информации) для не являющегося преступлением использования их против безопасности РФ.

Вместе с тем действия, подобные приведенным в ч. 5 ст. 33 УК РФ, предусматриваются и в Особенной части. Конечно, они юридически должны считаться преступлениями исполнителя, но фактически являются преступлениями пособника. Причем последние уже никакого отношения к собственно преступлениям пособника, по нашему мнению, не имеют. Под фактическим преступлением пособника мы понимаем виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий или заранее данное обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, приобрести или сбыть такие предметы.

Правда, А.С. Горелик считает иначе. На его взгляд, существует конкуренция общей и специальной нормы, «когда в содеянном имеются одновременно признаки исполнения одного преступления и ...пособничества в другом преступлении» [71, с. 50; 219, с. 202]. Такому подходу уже дана, по нашему мнению, обоснованная критика в связи с тем, что соответствующие статьи Особенной части УК РФ

не конкурируют со ст. 33, поскольку лишь по ней в отличие от статей Особенной части преступление не квалифицируется, ибо на основании ч. 3 ст. 34 деяния пособника квалифицируются «по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 настоящего Кодекса...», и что, описав в качестве исполнительства поведение, по существу, являющееся пособническим, законодатель вывел его из института соучастия, и оно стало самостоятельно исполняемым преступлением, а не участием в каком-то преступлении [21, с. 144, 145].

При определении предписаний Особенной части УК РФ, действительно, отражающих фактическое преступление пособника, необходимо исходить из того, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий или заранее данное обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, приобрести или сбыть такие предметы; причем данное преступление также должно быть отражено в Особенной части УК РФ [126, с. 316]. В противном случае об указанном содействии совершению именно преступления или обещании в отношении его не может быть и речи.

Представляет ли определенное деяние фактическое преступление пособника, на наш взгляд, выявляется мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в таком случае деяние может быть квалифицировано по ч. 5 ст. 33 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое преступление пособника. Если деяние так квалифицировано быть не может, то мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое преступление пособника.

В ч. 1 ст. 173.2 УК РФ установлены предоставление документа, удостоверяющего личность, или выдача доверенности, если эти действия совершены для внесения в единый государственный реестр

юридических лиц сведений о подставном лице. Названные действия в отношении отраженного в ч. 1 ст. 173.1 УК РФ представления в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах, несомненно, могут быть содействием совершению преступления предоставлением средств его совершения.

Если из ч. 1 ст. 173.2 УК РФ исключить приведенные предписания, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 173.1. Следовательно, исключаемые предписания в данном случае описывают фактическое преступление пособника.

В ч. 1 ст. 185.6 УК РФ установлено использование инсайдерской информации путем дачи рекомендаций третьим лицам к приобретению или продаже финансовых инструментов, иностранной валюты и (или) товаров. Названное действие в отношении отраженного в той же части статьи использования инсайдерской информации для осуществления операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами, к которым относится такая информация, за свой счет или за счет третьего лица, несомненно, может представлять собой содействие совершению преступления советами.

Если из ч. 1 ст. 185.6 УК РФ исключить использование инсайдерской информации путем дачи рекомендации, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 5 ст. 33 и оставшимися положениями ч. 1 ст. 185.6. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление пособника.

В ч. 2 ст. 185.6 УК РФ установлено использование инсайдерской информации путем ее неправомерной передачи другому лицу. Названное действие в отношении отраженного в ч. 1 той же статьи использования инсайдерской информации для осуществления операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами, к которым относится такая информация, за свой счет

или за счет третьего лица, несомненно, могут быть содействием совершению преступления предоставлением информации.

Если из ч. 2 ст. 185.6 УК РФ исключить приведенное предписание, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 185.6. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление пособника.

В ч. 1 ст. 205.1 УК РФ установлено вооружение лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205.2, ч. 1 и 2 ст. 206, 208, ч. 1 – 3 ст. 211, ст. 220, 221, 277, 278, 279 и 360. Названное действие в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 понимается как «снабжение лиц, участвующих в террористической деятельности, оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, радиоактивными веществами, ядерными материалами, боевой техникой и т.п. в целях совершения хотя бы одного из преступлений, перечисленных в этой статье» [50, с. 5]. Отсюда вооружение лица в отношении отраженных в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ преступлений, несомненно, может представлять собой содействие совершению преступления предоставлением средств их совершения.

Если из ч. 1 ст. 205.1 УК РФ исключить приведенное предписание, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 5 ст. 33 и статьей о преступлении, указанном в ч. 1 ст. 205.1. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление пособника.

Аналогичная ситуация отражена в ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ. В законе установлено вооружение лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211. Отсюда вооружение лица в отношении отраженных в ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ преступлений, несомненно, может представлять собой содействие совершению преступления предоставлением средств их совершения.

Если из ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ исключить приведенное предписание, то соответствующие деяния при прочих необходимых

обстоятельствах будут предусмотрены ч. 5 ст. 33 и статьей о преступлении, указанном в ч. 1.1 ст. 205.1. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление пособника.

В ч. 3 ст. 205.1. УК РФ установлено пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208. В примечании 1.1 к ст. 205.1 УК РФ под пособничеством в настоящей статье понимаются умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы.

По нашему мнению, только поверхностный анализ закона приводит к выводу, что «примечание 1.1 к ст. 25.1 УК РФ, раскрывающее понятие пособничества, идентично понятию, установленному ч. 5 ст. 33 УК РФ» [72]. Указанное примечание отличается от ч. 5 ст. 33 УК РФ тремя признаками: во-первых, в примечании 1.1 дано понятие пособничества, а в ч. 5 ст. 33 – пособника; во-вторых, в примечании 1.1 содержится указание на умысел, которое отсутствует в ч. 5 ст. 33, в-третьих, в ч. 5 ст. 33 применительно к обещанию содержится указание на «заранее», которое отсутствует в примечании 1.1. Другое дело, что все эти отличия, на наш взгляд, не являются существенными. Одно в виду того, что пособничество – функция лишь пособника. Другое в виду того, что указание на умысел содержится в ст. 32 УК РФ, а участие пособника в совершении преступления относится именно к соучастию. Последнее в виду того, что в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ говорится о пособничестве в совершении преступления, а, следовательно, все происходящее после совершения преступления не может образовать пособничества.

Отсюда обещание в примечании 1.1 к ст. 205.1 УК РФ нужно понимать ограничительно – только как заранее данное [126, с. 317].

Мнение о том, что обещание в названном примечании должно признаваться пособничеством независимо от того, в какое время оно дается [83, с. 119], не соответствует смыслу закона, хотя, конечно, его буква была бы предпочтительнее смысла. В итоге пособничество в ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, несомненно, может представлять собой и содействие совершению преступления, и заранее данное обещание, приведенные в ч. 5 ст. 33.

Если из ст. 205.1 УК РФ исключить ч. 3, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 5 ст. 33 и статьей о преступлении, указанном в ч. 3 ст. 205.1. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление пособника.

В ч. 1 ст. 234 УК РФ установлен незаконный сбыт оборудования для изготовления или переработки сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами. Названные действия в отношении отраженных в той же части статьи незаконных изготовления, переработки сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами, несомненно, могут представлять собой содействие совершению преступления предоставлением средств его совершения.

Если из ч. 1 ст. 234 УК РФ исключить предписание о незаконном сбыте оборудования, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 5 ст. 33 и положениями ч. 1 ст. 234 о незаконных изготовлении, переработке сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическими средствами или психотропными веществами. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывают фактическое преступление пособника.

В ч. 1 ст. 238 УК РФ установлена неправомерная выдача официального документа, удостоверяющего соответствие требованиям безопасности на товары, работы или услуги, не отвечающие требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. Названное действие в отношении отраженных в той же части статьи производства, хранения или перевозки в целях сбыта

либо сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, несомненно, может представлять собой содействие совершению преступления предоставлением средств его совершения.

Если из ч. 1 ст. 238 УК РФ исключить неправомерную выдачу официального документа, то соответствующие деяния при прочих необходимых обстоятельствах будут предусмотрены ч. 5 ст. 33 и положениями ч. 1 ст. 238 о производстве, хранении или перевозке в целях сбыта либо сбыте товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг. Следовательно, исключаемое предписание в данном случае описывает фактическое преступление пособника.

Других вариантов отражения фактических преступлений пособника в Особенной части УК РФ мы не обнаружили. На основании проведенных в параграфе исследований мы приходим к следующим выводам:

- пособничество, предусмотренное ч. 5 ст. 33 УК РФ, правильнее делить не на интеллектуальное и физическое, а на содействующее совершению преступления и заранее дающее обещание;

- в Особенной части УК РФ в качестве преступления исполнителя подчас отражается фактическое преступление пособника, которое к соучастию в преступлении уже никакого отношения не имеет;

- под фактическим преступлением пособника понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий или заранее данное обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, приобрести или сбыть такие предметы;

- при определении предписаний Особенной части УК РФ, отражающих фактическое преступление пособника, необходимо

исходить из того, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий или заранее данное обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, приобрести или сбыть такие предметы. Причем выявляется это мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в данном случае деяние может быть квалифицировано по ч. 5 ст. 33 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое преступление пособника. В противном случае мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое преступление пособника;

– фактическое преступление пособника получило отражение в соответствующих предписаниях ст. 173.2, 185.6, 205.1, 234, 238 УК РФ.

§ 5. Оценка отражения преступлений иных соучастников в Особенной части УК РФ

К наличию в Особенной части УК РФ фактических преступлений иных соучастников в теории, как правило, относятся как к данности и, по существу, воспринимают это как должное. Иногда же делаются оговорки. Так, М.А. Саблина пришла к выводу, что существование состава преступления, объективную сторону которого образует организаторское, подстрекательское или пособническое деяние, «допустимо только в том случае, если за его совершение предусмотрено большее наказание, нежели могло быть назначено при квалификации деяния по основной статье со ссылкой на ст. 33 УК РФ» [211, с. 11]. М.Г. Горенко, хотя и отмечает, что введение ответственности за отдельные разновидности организации, подстрекательства и пособничества «не лишено логики», но дискредитирует «смысл существования ч.ч. 4, 5 ст. 33 УК РФ» [72].

Однако многие ученые (Н.Д. Эриашвили, А.Н. Петрушенков, Н.А. Бабий, А.К. Субачев и др.) к размещению в Особенной части УК РФ фактических преступлений иных соучастников относятся отрицательно [16, с. 448; 164, с. 54, 55; 166, с. 115; 223, с. 1]. Так, А.С. Дрепелев считает, что «закрепление в Особенной части УК отдельных проявлений фактического участия лица в совместно совершенном преступлении помимо исполнительства... является сущностным дефектом, который подлежит устранению из УК» [77, с. 38-39]. Е.В. Благов приходит к заключению, что все деяния, «отражающие функции организаторства, подстрекательства и пособничества, подлежат исключению из Особенной части» [23, с. 184]. А.Г. и Л.О. Кулевы относят размещение в Особенной части УК РФ фактически деяний иных соучастников преступления к мнимой криминализации как дефекту уголовной политики, заключающемуся в конструировании уголовно-правовых норм, иллюзорно устанавливающих ответственность за совершение каких-либо деяний, но, по существу, дублирующих существующие идентичные нормы [121].

Нужно отметить, что введение в Особенную часть УК РФ фактических преступлений иных соучастников не легитимировано Общей частью. Из положений ч. 2 и 3 ст. 34 УК РФ, на наш взгляд, вытекает, что в статьях Особенной части УК РФ должны отражаться лишь деяния исполнителей, а для преступлений иных соучастников место в данных статьях отсутствует. Реальная же ситуация привела к выводу, что «в целях установления взаимосвязи соответствующих норм Особенной части УК РФ и положений о видах соучастников в Общей части УК РФ необходимо дополнить ст. 34 УК РФ частью 6 следующего содержания: «Если функции организатора, подстрекателя или пособника предусмотрены диспозицией статьи Особенной части УК РФ, то уголовная ответственность наступает по соответствующей статье Особенной части УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ» [166, с. 115].

Причем формально идея, заложенная в ч. 2 и 3 ст. 34 УК РФ, в статьях Особенной части, по нашему мнению, получила безупречное воплощение. В последних, конечно, описаны исключительно

преступления исполнителей. Дело заключается в том, что, на наш взгляд, законодателью в принципе ничего не мешает в качестве данного преступления в Особенной части УК РФ представить деяние любого соучастника, а, как только это сделано, совершение такового станет вполне допустимо по терминологии ч. 2 ст. 33 как непосредственно, так и посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности. Отсюда мы соглашаемся с тем, что «относительно функций соучастников в ст. 33 была заложена одна законодательная идея, а в Особенной части нашла отражение совсем другая», ибо «из ст. 33 следует, что каждый соучастник преступления является носителем одной функции: исполнитель – исполнительства, организатор – организаторства, подстрекатель – подстрекательства, а пособник – пособничества»; «из Особенной же части следует, что исполнитель является носителем как собственной функции, так и функций иных соучастников» [23, с. 183].

Сказанное не опровергают даже положения ч. 3 ст. 34 УК РФ о том, что со ссылкой на ст. 33 уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает «за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления». Прочитанное свидетельствует только о том, что один соучастник может совершать преступления, отнесенные к функциям и исполнителя, и любого из иных соучастников.

Вопрос заключается в том, зачем в ст. 33 УК РФ понадобилось размежевывать функции всех соучастников преступления, чтобы затем в Особенной части функции иных соучастников передавать исполнителю. Разумного объяснения этому, по нашему представлению, не придумать.

Во-первых, Особенная часть УК РФ в отношении преступлений исполнителей и иных соучастников расходится с Общей. С одной стороны, отражение фактических преступлений иных соучастников в Особенной части УК РФ не соответствует характеру их фактического участия в совершении преступления (ч. 1 ст. 34 УК РФ). Под таким характером обычно понимается выполняемая соучастником в преступлении функция (роль) и он признается критерием разграничения соучастников [164, с. 54; 253, с. 33].

На основании ч. 2 – 5 ст. 33 УК РФ характер участия в преступлении организатора, подстрекателя и пособника совсем не такой, как исполнителя. Ни один действительный иной соучастник не способен непосредственно совершать преступление, а фактические организатор, подстрекатель и пособник почему-то могут.

С другой стороны, отражение фактических преступлений иных соучастников в Особенной части УК РФ нарушает принцип ее соответствия Общей части. Исходя из ч. 3 ст. 34 УК РФ, в статьях Особенной части непосредственно не должны устанавливаться фактические преступления иных соучастников. В противном случае требуемая ч. 3 ст. 34 УК РФ ссылка на ст. 33 ведет к неопределенности решения, о ком конкретно из соучастников преступления идет речь. При такой ссылке на основании ч. 2 ст. 34 УК РФ исполнителя преступления быть не может. Однако не может быть и иного соучастника, поскольку будет совершаться деяние, описанное в ч. 2 ст. 33 УК РФ, а не в последующих частях.

С третьей стороны, автономное отражение фактических преступлений иных соучастников в Особенной части УК РФ связано с нарушением того же правила конструирования состава преступления, которое привело к формулированию в ней уже рассмотренных фактических неоконченных преступлений. Данное правило заключается в недопустимости конструирования избыточных составов преступления, в частности, создание автономных составов для регламентации явлений, уже нормированных Общей частью УК РФ. Отсюда отражение фактических преступлений иных соучастников в Особенной части УК РФ избыточно в связи с тем, что названные преступления исчерпывающе нормированы положениями ч. 3 – 5 ст. 33 УК РФ.

Правда, М.Г. Горенко считает, что причиной сложившейся с организацией, подстрекательством и пособничеством ситуации является «несовершенство норм Общей части УК РФ», в частности, исчерпывающий перечень действий пособника, вследствие чего «законодателю приходится оперативно внедрять новые его признаки в статьи Особенной части УК РФ» [72]. Думается, что названное несовершенство здесь не при чем. Непризнание в Общей части УК РФ

кого-либо соучастником преступления исключает иное решение в Особенной части.

Тем самым А.В. Иванчин [89, с. 128] правильно задается вопросом, если пробела в уголовном праве применительно к соучастию нет, то зачем конструировать новый состав преступления, усложняя закон и практику его применения? А в затронутом плане пробела, действительно, нет [22, с. 231]. Как уже отмечалось, если из статей Особенной части УК РФ исключить фактические организаторство, подстрекательство и пособничество, то ответственность будет наступать по указанным статьям со ссылкой на ст. 33.

Нарушение обозначенного правила влечет для УК РФ негативные последствия. Так, по мнению А.А. Арутюнова, «появление в Особенной части УК РФ статей, диспозиции которых фактически дублируют положения ст. 33 УК РФ применительно к определенным преступлениям, делает бессмысленным существование института соучастия» [11, с. 35]. Ю.В. Грачева, соглашаясь с таким подходом, указывает на следствие этого – увеличение количества статей Особенной части УК РФ, «что не является целесообразным» [73, с. 215-216]. Если с последним не согласиться нельзя, то первое, на наш взгляд, – все-таки гипербола. Прежде всего «определенных преступлений» в Особенной части УК РФ не так много, чтобы делать «бессмысленным» существование всего института соучастия. Кроме того, соответствующее дублирование на виды (формы) соучастия в преступлении (ст. 35 УК РФ) повлиять совершенно неспособно.

С четвертой стороны, определение в Особенной части УК РФ ответственности за фактические преступления организаторов, подстрекателей и пособников происходит с нарушением правила построения уголовно-правовых санкций, согласно которому недопустимо их установление без учета соответствия наказуемости преступлений соучастников их функциям. Вследствие именно этого, на наш взгляд, и не выдерживает критики ранее приведенный вывод М.А. Саблиной о допустимости отражения в Особенной части УК РФ организаторства, подстрекательства и пособничества в случае, если за

их совершение предусмотрено большее наказание, нежели могло быть назначено при квалификации деяния со ссылкой на ст. 33.

Наказуемость соучастников преступления не может не определяться их общественной опасностью. Правда, по поводу такой опасности ясности не наблюдается. К настоящему времени в литературе различаются три теории соотношения общественной опасности соучастников преступления: 1) строгой ранжированности, 2) относительной ранжированности и 3) антиранжированности. Причем внутри каждой из них однозначных решений нет.

Первая группа авторов строго ранжирует общественную опасность соучастников, не делая никаких оговорок. Часть сторонников такого подхода опирается на перечень, содержащийся в ст. 33 УК РФ, и считает, что упомянутая опасность по убывающей определяется следующей последовательностью, отраженной в законе: исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник [116, с. 150; 236, с. 798]. Порой самыми опасными соучастниками называются организатор и исполнитель преступления, а наименее опасной – пособник [172, с. 905].

Вторая группа авторов ранжирует общественную опасность соучастников относительно, т.е., оговаривая свои решения словосочетанием «по общему правилу» (или аналогичным по значению). При этом на начальное место ставятся то исполнитель [258, с. 132], то организатор [124, с. 403], то они вместе [82, с. 437], то организатор и подстрекатель [231, с. 193], то все названные соучастники [240, с. 238].

Третья группа авторов занимает промежуточную позицию, т.е., ранжируя общественную опасность одних соучастников строго, а других – относительно. Ученые, составляющие последнюю группу, согласны с тем, что деятельность организатора всегда более общественно опасна, чем деятельность подстрекателя и пособника, но не поддерживают безоговорочное решение о том, что деятельность исполнителя более общественно опасна, чем деятельность организатора либо подстрекателя, деятельность подстрекателя – чем деятельность пособника, а последняя всегда наименее общественно опасная [164, с. 139; 259, с. 555].

Нам думается, что правы представители теории строгой ранжированности общественной опасности соучастников преступления. Ее преимущество уже в четкой определенности даваемых решений. Причем мы поддерживаем лишь тех, кто исходит из последовательности описания соучастников в ст. 33 УК РФ. Только такая позиция соответствует законодательной обрисовке каждого соучастника.

Исключительно исполнитель, совершая общественно опасные действия (бездействие), предусмотренные Особенной частью УК РФ, посягает на объект преступления и причиняет общественно опасные последствия. Тем самым он не может не обладать самой высокой общественной опасностью среди всех соучастников преступления.

Подстрекатель толкает исполнителя на совершение преступления, детерминируя его совершение. Между тем он каких-либо усилий для совершения преступления не предпринимает. Отсюда подстрекатель менее опасен, чем организатор. Действия последнего, хотя и не детерминируют совершение преступления, но обеспечивают его совершение.

Пособник также, как организатор, предпринимает усилия для совершения преступления. Однако они менее значимы для этого и заключаются лишь в поддержке совершения преступления. Поскольку же такие усилия не детерминируют его совершение, пособник менее опасен, чем подстрекатель.

В результате приходится прийти к выводу, что преступления организатора, подстрекателя и пособника в принципе не должны наказываться строже, чем преступления исполнителя. Именно поэтому, на наш взгляд, подход М.А. Саблиной к отражению в Особенной части УК РФ преступлений иных соучастников полностью неприемлем.

Другое дело, что наказуемость фактических преступлений организаторов, подстрекателей и пособников, ныне предусмотренная в Особенной части УК РФ, подчас выше в сравнении с преступлениями исполнителя. При таких условиях складывается неоправданное впечатление, что деятельность иных соучастников

более общественно опасна в сравнении с деятельностью исполнителя [73, с. 216].

В отмеченном плане чрезвычайно показательна ст. 205.1 УК РФ. Ее наличие в УК РФ связывают с тем, что она в определенной мере соответствует задачам обеспечения ответственности за терроризм [30, с. 25]. Нам кажется, что таким образом можно оправдать все, что угодно, в том числе даже незаконные способы борьбы с любой преступностью. Не случайно А.И. Рарог названную статью неоднократно и справедливо подвергал резкой критике, в частности, из-за несоответствия санкций общественной опасности пособника и организатора [196, с. 7-8; 197, с. 15-16; 198, с. 7-8; 199, с. 114-115].

В ч. 4 ст. 205.1 УК РФ за организацию совершения преступления, предусмотренного ст. 205, 205.3, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 или руководство его совершением, установлено наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненного лишения свободы. В законе, как отмечалось, говорится об ответственности за фактическое преступление организатора.

В ч. 1 ст. 205 УК РФ определено наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет, т.е. менее строгое, чем за фактическое преступление организатора. И это за само совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также за саму угрозу совершения указанных действий в тех же целях.

В ч. 3 ст. 206 УК РФ определено наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, т.е. менее строгое, чем за фактически преступление организатора. И это за сам захват или само удержание лица в качестве заложника, совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо

действия как условия освобождения заложника, если они совершены организованной группой либо повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

В ч. 1 ст. 205.1 УК РФ за склонение лица к совершению преступления, предусмотренного ст. 205.2, ч. 1 и 2 ст. 206, ст. 208, ч. 1 – 3 ст. 211, ст. 220, 221, 277, 278, 279 или 360, установлено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до пятнадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового, а в ч. 1.1 за склонение лица к совершению преступления, предусмотренного ст. 205, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3 и 4 ст. 206 либо ч. 4 ст. 211, – в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех лет либо без такового или пожизненного лишения свободы. В законе, как отмечалось, говорится об ответственности за фактическое преступление подстрекателя.

В ч. 1 ст. 205.2 УК РФ определено наказание в виде штрафа в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо лишения свободы на срок от двух до пяти лет, т.е. менее строгое, чем за фактическое преступление подстрекателя. И это за сами публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма.

В ч. 1 ст. 206 УК РФ определено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до десяти лет, т.е. менее строгое, чем за фактически преступление подстрекателя. И это за сами захват или удержание лица в качестве заложника, совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника.

В ч. 1 ст. 211 УК РФ определено наказание в виде лишения свободы на срок от четырех до восьми лет с ограничением свободы на срок до одного года либо без такового, т.е. менее строгое, чем за

фактическое преступление подстрекателя. И это за сам угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона.

В ч. 1 ст. 220 УК РФ определено наказание в виде ограничения свободы на срок до двух лет, либо принудительных работ на срок до двух лет, либо ареста на срок до четырех месяцев, либо лишения свободы на срок до двух лет, т.е. менее строгое, чем за фактическое преступление подстрекателя. И это за сами незаконные приобретение, хранение, использование, передачу или разрушение ядерных материалов или радиоактивных веществ.

В ч. 1 ст. 221 УК РФ определено наказание в виде штрафа в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительных работ на срок до пяти лет, либо лишения свободы на тот же срок, т.е. менее строгое, чем за фактическое преступление подстрекателя. И это за сами хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ.

В ч. 1 ст. 360 УК РФ определено наказание в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет, т.е. менее строгое, чем за фактическое преступление подстрекателя. И это за само нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные или жилые помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой.

В ч. 3 ст. 205.1 УК РФ за пособничество совершению преступления, предусмотренного ст. 205, ч. 3 ст. 206 или ч. 1 ст. 208, установлено наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до двадцати лет. В законе, как отмечалось, говорится об ответственности за фактическое преступление пособника. Ранее приведенные санкции последних статей определяют менее строгое наказание, чем за фактическое преступление пособника.

Тем самым, благодаря появлению ст. 205.1 УК РФ, виновному становится выгоднее признать себя исполнителем соответствующего

преступления, к тому же не окончившим его, а только готовившимся к нему, чем фактическим организатором, подстрекателем или пособником [22, с. 233]. За это наказание подлежит назначению в пределах, установленных не ч. 1 ст. 60 УК РФ, а ч. 2 ст. 66, т.е. сокращенное. Вот к чему приводит излишнее рвение в неоправданном повышении наказания за отдельные преступления.

Если имеются проблемы, обусловленные мягкостью наказания, подлежащего назначению организаторам, подстрекателям или пособникам, нужно устранять их адекватным путем. Поскольку Особенная часть УК РФ рассчитана на исполнителей преступления, для них и достаточно в соответствующем случае повысить наказание, что сразу повлияет на наказуемость и преступлений иных соучастников, а деяния последних будут не нужны в Особенной части.

Решая вопрос о соответствии наказания исполнителя преступления его функции, на наш взгляд, следует задуматься о введении дифференциации наказания иных соучастников, исходя из их общественной опасности [132]. Это уже предложено в литературе (С.Е. Борисенко, С.А. Бражникова, Н.В. Димченко, В.Ю. Шубина и др.) [26, с. 70; 29, с. 8; 76, с. 12; 255, с. 32-33].

В настоящее время в УК РФ имеется только общее решение об индивидуализации наказания всем соучастникам преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 67 УК РФ при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитываются характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда. Нам же представляется, что наказание организатору, подстрекателю и пособнику должно назначаться в определенной доле от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного в соответствующей статье Особенной части УК РФ для исполнителя (например, организатору – до трех четвертей такого наказания, подстрекателю – до двух третей, пособнику – до половины).

Отдельные авторы отвергают дифференциацию наказания соучастников на том основании, что в таком случае все основывается исключительно на характере фактического участия соучастника в преступлении и упускается из вида степень такого участия и иные учитываемые обстоятельства, в числе которых – личность виновного [222, с. 140]. Мы не можем согласиться с такой мотивировкой.

Противники дифференциации наказания соучастников, на наш взгляд, не принимают во внимание, что какова бы не была активность конкретного соучастника при совершении преступления как форма проявления степени фактического участия соучастника в его совершении, она никогда не может выйти за пределы характера его фактического участия в совершении преступления, ибо противное должно бы влечь смену вида соучастника, а это по закону исключено. Иные учитываемые обстоятельства, если они включены в пределы наказания исполнителя, не способны не присутствовать в пределах наказания иных соучастников, ибо последние пределы должны строиться исходя из первых.

Введение дифференциации наказания иным соучастникам преступления способно, по нашему мнению, привести к положительному результату в деле разрешения исследуемой нами проблематики. В таком случае были бы установлены хоть какие-то препятствия для участвовавших в последнее время случаев установления законодателем повышенной в сравнении с преступлениями исполнителей наказуемости фактических преступлений организаторов, подстрекателей и пособников.

Все приведенное, по нашему мнению, с несомненностью свидетельствует, что фактические преступления иных соучастников не должны содержаться в Особенной части УК РФ. Неблагоприятную ситуацию усугубляет, *во-вторых*, выборочное отражение фактических преступлений иных соучастников в Особенной части УК РФ [22, с. 234]. Причем логику выборки уловить трудно.

Казалось бы, при установлении фактических преступлений иных соучастников в Особенной части УК РФ, прежде всего, следует исходить из общественной опасности преступлений. Причем, ясно, что в первую очередь именно наиболее опасные из них нужно

предупреждать соответствующими уголовно-правовыми мерами. Обычно законодатель так и поступает, но далеко не всегда.

Очевидно, что одно из самых общественно опасных преступлений – убийство. В ст. 105 УК РФ за его совершение определено максимально возможное при совершении одного деяния наказание (до двадцати лет лишения свободы, пожизненное лишение свободы или смертная казнь). Вместе с тем ответственности за фактические организаторство последнего, подстрекательство к нему и пособничество ему в Особенной части УК РФ не установлено. Также обстоят дела со многими другими особо тяжкими преступлениями.

Напротив, преступления небольшой тяжести – явно наименее общественно опасные деяния (чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить ч. 2 и последующие части ст. 15 УК РФ). Одновременно в отношении отдельных таких деяний фактические преступления подстрекателя и пособника предусмотрены в Особенной части УК РФ (применительно к первым ч. 1 ст. 242, 307, а к последним ч. 1 ст. 173.1, 234, 238 устанавливают наказания не свыше трех лет лишения свободы). В чем заключается их преимущество в отмеченном плане в сравнении с особо тяжкими преступлениями, уяснить сложно.

При преобразованиях Особенной части УК РФ в связи с отражением в ней фактических преступлений иных соучастников законодателю, по нашему мнению, не нужно исключать из нее все подряд деяния, похожие на фактические преступления организатора, подстрекателя и пособника. Следует учитывать, что дело не столько в терминах, использованных в соответствующих статьях Особенной части УК РФ, сколько в существе уголовно-правового регулирования соучастия в преступлении.

Применительно к тем положениям Особенной части УК РФ, в которых отсутствуют преступления исполнителя, не может быть и фактических преступлений организатора, подстрекателя или пособника. Так, ранее приведенные соображения не имеют никакого отношения к относительно недавно появившимся в ст. 110.1 УК РФ склонению к совершению самоубийства, содействию совершению самоубийства и в ст. 110.2 организации деятельности, направленной

на совершение самоубийства, ибо уголовная ответственность за самоубийство не предусмотрена.

Однако во избежание путаницы лучше не допускать одинакового терминологического описания преступлений иных соучастников в Общей части УК РФ и самостоятельных преступлений в Особенной части. Традиционно сложившийся словесный аппарат соучастия в преступлении, нам кажется, следует оставить в Общей части УК РФ. В Особенной же части целесообразно использовать иные обозначения, а ими богат русский язык. При таких условиях, думается, не будет даже внешних оснований для ранее отмеченных и неоправданных решений о конкуренции соответствующих положений Общей и Особенной части УК РФ.

Т.И. Нагаевой предложено «в названии и тексте ст. 230 УК РФ слова: "склонение к потреблению" заменить словами: "вовлечение в потребление"» [135, с. 205]. Это полностью соответствует положениям ст. 151 УК РФ о вовлечении в совершение антиобщественных действий и ст. 240 о вовлечении в занятие проституцией. Вместе с тем то же самое нужно сделать в отношении склонения к совершению самоубийства в ст. 110.1 УК РФ и склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте в ст. 230.1.

Напротив, мы не до конца согласны с названным автором в том, что «для характеристики действий, результатом, которых является появление объединения нескольких (или многих) лиц для совместного совершения одного или большего числа преступлений, в законотворческой деятельности целесообразно использовать термин "создание"» [135, с. 251]. Упомянутый термин введен в ч. 3 ст. 33 УК РФ. Отсюда в Особенной части УК РФ применительно к непроступным объединениям лучше применять другой. Поскольку в ст. 173.1 и 173.2 УК РФ в отношении юридического лица имеется признак образования, указание в них на создание юридического лица следовало бы исключить.

В ст. 110.2, 172.2 УК РФ сказано об организации деятельности, которая сама по себе преступной не признается. В связи с тем, что в ч. 3 ст. 33 УК РФ предусмотрена организация преступления, для

Особенной части следовало бы подыскать иное обозначение соответствующего деяния, допустим, налаживание определенной деятельности.

В ст. 284.1 УК РФ предусмотрено руководство деятельностью, которая сама по себе не преступна. Поскольку в ч. 3 ст. 33 УК РФ названо руководство исполнением преступления и организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), в Особенной части целесообразно было бы отразить, например, управление определенной деятельностью.

Аналогично обстоит дело с существованием в ст. 110.1 УК РФ признака содействия, как отмечалось, поведению, которое само по себе не преступно. В связи с тем, что такой же признак задействован в ч. 5 ст. 33 УК РФ, в Особенной части лучше использовать, скажем, термин «способствование», который, хотя и, как отмечалось, ошибочно, но использован в примечании 1 к ст. 230.1 УК РФ.

На наш взгляд, особенно нетерпимо, когда терминология, свойственная видам соучастников, используется в «непреступном» значении. Так, УК РФ УК РФ названы:

- в ст. 242.2 исполнитель для участия в зрелищном мероприятии, в ст. 243.3 исполнитель определенных работ;

- в ст. 171.2 организатор азартных игр в букмекерских конторах и (или) тотализаторах, в ст. 172.1 организатор торговли, в ст. 184 организатор официального спортивного соревнования и организатор зрелищного коммерческого конкурса. Прав А.Н. Петрушенков, когда пишет, что «в кодифицированном нормативном правовом акте не должно быть понятий, которые бы имели разное юридическое содержание и относились одновременно к преступной и непреступной сферам жизнедеятельности личности, общества и государства» [166, с. 114].

Правда, исправление последнего должно, по нашему мнению, идти другим путем. Понятия исполнителя и организатора, обычно используемые без уточняющего слова «преступления» (ч. 5 ст. 31, ст. 33, 34 УК РФ), не несут в себе негативной нагрузки. Именно ее и следует отразить применительно к соучастнику преступления [22, с. 58], чтобы не затушевывались различия разных исполнителей и

организаторов. Причем так уже сделано в ч. 4 ст. 31 и ст. 36 УК РФ, но это исключения, которые целесообразно трансформировать в правило.

На основании проведенных в параграфе исследований мы приходим к следующим выводам:

- фактические преступления иных соучастников отражены в Особенной части УК РФ с нарушением правил законодательной техники;

- недостаточная наказуемость преступлений иных соучастников в рамках действующего уголовно-правового регулирования может быть обусловлена лишь недостаточной наказуемостью преступлений исполнителя;

- фактическим преступлениям иных соучастников нет места в Особенной части УК РФ;

- при исключении фактических преступлений иных соучастников из Особенной части УК РФ следует обращать внимание не столько на терминологию, сколько на существо деятельности;

- препятствием к установлению в Особенной части УК РФ ответственности за фактически преступления иных соучастников могла бы стать дифференциация наказания организаторов, подстрекателей и пособников в ст. 67 (например, организатору назначается наказание до трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного в соответствующей статье Особенной части для исполнителя, подстрекателю – двух третей, пособнику – половины);

- применительно к исполнителю преступления в Особенной части УК РФ не следует использовать терминологию, задействованную в описании иных соучастников в ч. 3 – 5 ст. 33.

Заключение

Проведенное исследование дает основание для следующих выводов:

- Местом отражения оконченного преступления является Особенная часть УК РФ. В ч. 1 ст. 29 УК РФ же предусмотрены общие признаки всех оконченных преступлений.

– Оконченное преступление желательно определить в законе как общественно опасные действия (бездействие), которыми преступление, совершенное с прямым умыслом, доводится до конца.

В ч. 1.1 ст. 29 УК РФ целесообразно ввести указание на то, что уголовная ответственность за оконченное преступление наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса;

Выделяются юридически и фактически оконченные преступления. Юридически оконченные преступления бывают фактически неоконченными. Последние отражены в усеченных составах преступлений.

Местом отражения неоконченных преступлений является Общая часть УК РФ, а конкретно ч. 1 и 3 ст. 30. Указание же ч. 3 ст. 29 УК РФ на статью, предусматривающую ответственность за оконченное преступление, лишь демонстрирует, совершение какого именно преступления не окончено.

В ч. 1 ст. 30 УК РФ следует указать, что приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом тяжкое или особо тяжкое преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам;

В Особенной части УК РФ в качестве оконченного преступления подчас отражается фактическое приготовление и покушение на преступление, который к неоконченному преступлению уже никакого отношения не имеет.

Под фактическим приготовлением к преступлению понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой создание условий для совершения преступления;

Под фактическим покушением на преступление понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но,

представляющее собой общественно опасные действия (бездействия), непосредственно направленные на совершение преступления.

При определении предписаний Особенной части УК РФ, отражающих фактическое приготовление и покушение на преступление, необходимо исходить из того, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой:

а) создание условий для совершения данного преступления – в случае с приготовлением к преступлению;

б) общественно опасные действия (бездействие), непосредственно направленные на совершение данного преступления – при покушении на преступление.

Причем выявляется это мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в таком случае деяние без учета положений ч. 2 ст. 30 УК РФ может быть квалифицировано по ч. 1 данной статьи либо ч. 3 анализируемой нормы и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое приготовление к преступлению или фактическое покушение на преступление. В противном случае мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое приготовление к преступлению либо фактическое покушение на преступление.

Фактическое приготовление к преступлению получило отражение в соответствующих предписаниях ст. 146, 150, 159, 159.6, 171.1, 173.2, 186, 187, 191.1, 205.1, 205.4, 209, 210, 211, 212, 234, 234.1, 238, 239, 242, 242.1, 242.2, 276, 282.1, 282.2, 282.3, 327.1, 327.2, 353, 359, 361 УК РФ.

В свою очередь, фактическое покушение на преступление нашло отражение в соответствующих предписаниях ст. 110, 110.1, 122, 162, 215.3, 227, 247, 277, 295, 317 УК РФ.

Фактические неоконченные преступления отражены в Особенной части УК РФ с нарушением правил законодательной техники.

Установление в ч. 2 ст. 30 УК РФ наступления уголовной ответственности за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому

преступлению исключает включение в Особенную часть ответственности за фактическое приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести.

Дифференциация ответственности за неоконченные преступления в сравнении с оконченными в ст. 66 УК РФ должна исключать, с одной стороны, ее унификацию за фактические неоконченные и оконченные преступления в Особенной части, а с другой стороны, установление более строгой наказуемости фактических неоконченных преступлений в сравнении с оконченными;

Фактические неоконченные преступления подчас непосредственно не посягают на те объекты, которые ставятся под охрану в соответствующих статьях Особенной части УК РФ, что в связи с построением данной части с учетом непосредственных объектов преступления должно исключать установление ответственности за фактические неоконченные преступления среди тех деяний, в которых данные объекты являются основными;

Фактическим неоконченным преступлениям нет места в Особенной части УК РФ. При этом исключать из нее следует лишь те усеченные составы, в которых, действительно, установлены фактические неоконченные преступления.

Недостаточная наказуемость неоконченных преступлений в рамках действующего уголовно-правового регулирования может быть обусловлена лишь соответствующей наказуемостью оконченных преступлений либо соотношением наказуемости неоконченных и оконченных преступлений.

Местом отражения преступлений исполнителя является Особенная часть УК РФ. В ч. 2 же ст. 33 УК РФ дана обобщенная характеристика деяний исполнителя, позволяющая отграничить их от деяний иных соучастников;

В ч. 2 ст. 34 УК РФ вместо существующих предписаний следует предусмотреть, что «уголовная ответственность исполнителя преступления, не являющегося соучастником, наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса. Уголовная ответственность исполнителя преступления, являющегося соучастником, наступает по

статье Особенной части настоящего Кодекса со ссылкой на часть вторую статьи 33 настоящего Кодекса».

Преступления исполнителя выступают объектом отражения в Особенной части УК РФ исключительно в отношении непосредственного совершения преступления.

Непосредственное совершение преступления – это совершение самим лицом полностью или частично общественно опасных действий (бездействия), предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Соисполнители – это лица, совместно непосредственно совершившие преступление.

Местом отражения преступлений иных соучастников является Общая часть УК РФ, а конкретно ч. 3 – 5 ст. 33. Указание же закона на статью, предусматривающую наказание за совершенное преступление, лишь демонстрирует, в совершении какого именно преступления участвуют иные соучастники.

В ч. 3 ст. 34 УК РФ вместо существующих предписаний следует предусмотреть, что «уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса со ссылкой на соответствующую часть статьи 33 настоящего Кодекса, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления».

В Особенной части УК РФ в качестве преступления исполнителя подчас отражается фактическое преступление организатора, подстрекателя и пособника, которые к соучастию в преступлении уже никакого отношения не имеют;

Под фактическим преступлением организатора понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой организацию совершения преступления, руководство его исполнением, создание организованной группы или преступного сообщества (преступной организацией) либо руководство такой группой;

При определении предписаний Особенной части УК РФ, отражающих фактическое преступление организатора, необходимо

исходить из того, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой организацию его совершения, руководство его исполнением, создание организованной группы или преступного сообщества (преступной организацией) либо руководство данной группой. Причем выявляется это мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в таком случае деяние может быть квалифицировано по ч. 3 ст. 33 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое преступление организатора. В противном случае мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое преступление организатора;

Фактическое преступление организатора получило отражение в соответствующих предписаниях ст. 171.2, 205.1, 205.4, 205.5, 209, 212, 232, 239, 241, 279, 282.1, 282.2, 284.1, 322.1, 353, 359, 361 УК РФ;

Из ч. 3 ст. 33 УК РФ следует исключить признаки создания преступного сообщества (преступной организации) и руководства им (ею).

Под склонением в ч. 4 ст. 33 УК РФ следует понимать убеждение в необходимости совершить преступление. При этом содержанием убеждения является совершение преступления, а формой – устная или письменная речь, жесты, мимика, их сочетание;

Под фактическим преступлением подстрекателя понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой склонение другого лица к совершению преступления.

При определении предписаний Особенной части УК РФ, отражающих фактическое преступление подстрекателя, необходимо исходить из того, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой склонение другого лица к совершению преступления. Причем выявляется это мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в таком случае деяние может быть квалифицировано по ч. 4 ст. 33 УК РФ и соответствующей

статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое преступление подстрекателя. В противном случае мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое преступление подстрекателя;

Фактическое преступление подстрекателя получило отражение в соответствующих предписаниях ст. 150, 184, 200.5, 200.7, 204, 205.1, 212, 242, 282.1, 282.2, 291, 309, 361 УК РФ.

Пособничество, предусмотренное ч. 5 ст. 33 УК РФ, правильнее делить не на интеллектуальное и физическое, а на содействующее совершению преступления и заранее дающее обещание;

Под фактическим преступлением пособника понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий или заранее данное обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, приобрести или сбыть такие предметы;

При определении предписаний Особенной части УК РФ, отражающих фактическое преступление пособника, необходимо исходить из того, что в них должно быть установлено не самостоятельное преступление, а деяние, представляющее собой содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий или заранее данное обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, приобрести или сбыть такие предметы. Причем выявляется это мысленным исключением соответствующих предписаний из уголовного закона. Если в данном случае деяние может быть квалифицировано по ч. 5 ст. 33 УК РФ и соответствующей статье Особенной части, то мысленно исключенное предписание представляет собой фактическое преступление

пособника. В противном случае мысленно исключенное предписание не представляет собой фактическое преступление пособника;

Фактическое преступление пособника получило отражение в соответствующих предписаниях ст. 173.2, 185.6, 205.1, 234, 238 УК РФ.

Фактические преступления иных соучастников отражены в Особенной части УК РФ с нарушением правил законодательной техники.

Недостаточная наказуемость преступлений иных соучастников в рамках действующего уголовно-правового регулирования может быть обусловлена лишь недостаточной наказуемостью преступлений исполнителя.

Фактическим преступлениям иных соучастников нет места в Особенной части УК РФ.

При исключении фактических преступлений иных соучастников из Особенной части УК РФ следует обращать внимание не столько на терминологию, сколько на существо деятельности.

Препятствием к установлению в Особенной части УК РФ ответственности за фактически преступления иных соучастников могла бы стать дифференциация наказания организаторов, подстрекателей и пособников в ст. 67 (например, организатору назначается наказание до трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного в соответствующей статье Особенной части для исполнителя, подстрекателю – двух третей, пособнику – половины).

Применительно к исполнителю преступления в Особенной части УК РФ не следует использовать терминологию, задействованную в описании иных соучастников в ч. 3 – 5 ст. 33.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакаров З.А. Ответственность за подстрекательство к преступлению по российскому уголовному праву: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / З.А. Абакаров. - Саратов, 2006. – 26 с.

2. Агаев И.Б. Состав преступления: понятие, элементы, значение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / И.Б. Агаев. - М.: Юрист, 2008. – 334 с.
3. Агапов П.В. О некоторых спорных вопросах квалификации преступлений, совершенных в соучастии // Уголовное право: Стратегия развития в XXI веке: материалы VI Международной научно-практической конференции, 23-30 января 2009 г. - М.: Проспект, 2009. - С. 231 – 235.
4. Агапов П.В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики: монография / П.В. Агапов, К.В. Михайлов. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – 142 с.
5. Актуальные проблемы уголовного права: учебник для магистрантов / отв. ред. И.А. Подройкина. - М.: Проспект, 2015. - 560 с.
6. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / под ред. О.С. Капинус. - М.: Проспект, 2016. – 488 с.
7. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. - М.: Проспект, 2016. – 224с.
8. Алехин В.П. Соучастие в террористической деятельности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.П. Алехин. - Краснодар, 2008. – 21 с.
9. Андреев И.В. Теоретико-правовые основы квалификации преступлений: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.В. Андреев. - Омск, 2000. – 25 с.
10. Анисимов А.А. Неоконченные преступления и особенности их доказывания: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.А. Анисимов. - Воронеж, 2003. – 28 с.
11. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А.А. Арутюнов. - М., 2006. – 49 с.
12. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении / А.А. Арутюнов. М.: Статус, 2013. – 408 с.

13. Бабий Н.А. Множественность лиц в преступлении и проблемы учения о соучастии: монография / Н.А. Бабий. - М.: Юрлитинформ, 2013. – 718 с.
14. Бабий Н.А. Неоконченное преступление – это неполная совокупность признаков состава или незавершенное последствием исполнение // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIII Международной научно-практической конференции, 28-29 января 2016 г. - М.: Проспект, 2016. С. 177-180.
15. Бабий Н.А. Соучастие в преступлении: формы, виды, ответственность: монография / Н.А. Бабий. - М.: Юрлитинформ, 2015. – 744 с.
16. Бабий Н.А. Учение о стадиях преступлений и неоконченных преступлениях: монография / Н.А. Бабий. - М.: Юрлитинформ, 2017. – 747 с.
17. Бабий Н.А. Учение о структуре и составе преступления: монография: в 2 книгах. Кн. 2: Элементы, признаки и виды составов преступлений / Н.А. Бабий. - М.: Юрлитинформ, 2019. – 414 с.
18. Баймакова Н.Н. Момент окончания преступления: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.Н. Баймакова. - М., 2011. – 21 с.
19. Безбородов Д.А. Виды соучастников преступления: учебное пособие / Д.А. Безбородов. - СПб., 2013. – 64 с.
20. Безбородов Д.А. Уголовно-правовое и криминологическое исследование подстрекательства: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.А. Безбородов. - СПб., 1998. – 22 с.
21. Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика) / Е.В. Благов. - СПб.: Юрид. центр - Пресс, 2004. – 505 с.
22. Благов Е.В. Соучастие в преступлении и уголовная ответственность: монография / Е.В. Благов. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 320 с.
23. Благов Е.В. Тридцать пять лет служения Афине: сборник статей и тезисов / Е.В. Благов. – М.: Проспект, 2017. – 288 с.
24. Благов Е.В. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / Е.В. Благов. - М.: Контракт: ИНФРА-М, 2013. – 287 с.
25. Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: учебно-практическое пособие для студентов вузов,

обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г.Н. Борзенков. - М.: Зерцало-М, 2006. – 143 с.

26. Борисенко Е.Б. Правила назначения наказания за преступления, совершенные в соучастии // Уголовно-правовые проблемы борьбы с соучастием в преступлении / ред. кол. В.Д. Зеленский, Р.Р. Галиакбаров, М.Л. Прохорова. - Краснодар, 2003. С.70-72.

27. Борков В.Н. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения / В.Н. Борков // Уголовное право. 2011. - № 4. – С. 9-14.

28. Бородин С.В. Преступления против жизни / С.В. Бородин. - М.: Юрист, 1999. – 356 с.

29. Бражникова С.А. Институт отягчения наказания при его назначении в пределах санкции уголовного закона: по материалам судебной практики Краснодарского края): автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.А. Бражникова. - Краснодар, 2006. – 23с.

30. Бриллиантов А. Вопросы соучастия при квалификации содействия террористической деятельности / А. Бриллиантов // Уголовное право. – М.: АНО «Юридические программы», 2008. - № 3. - С. 25-30.

31. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 1998. - № 8.

32. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 1998. - № 11.

33. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 1999. - № 1.

34. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 3.

35. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 5.

36. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 7.

37. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 8.

38. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2.

39. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 3.

40. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 8.

41. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 5.

42. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 7.

43. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 6.

44. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 2.
45. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 12.
46. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 8.
47. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 2.
48. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.
49. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 8.
50. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 4.
51. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 12.
52. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 9.
53. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 2.
54. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 7.
55. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9.
56. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.
57. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1.
58. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.
59. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 9.
60. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 3.
61. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 9.
62. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 2.
63. Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания за неоконченное преступление / А.В. Васильевский // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе / под ред. Л.Л. Кругликова. - Ярославль, 1988. С. 83 – 84.
64. Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности при соучастии / А.В. Васильевский // Дифференциация ответственности и проблемы юридической техники в уголовном праве и процессе / под ред. Л.Л. Кругликова. - Ярославль, 2002. С. 40 - 42.
65. Васюков В.В. Виды соучастников в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 /В.В. Васюков. - СПб., 2008. 18 с.

66. Волженкин Б.В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами / Б.В. Волженкин // Уголовное право. 2000. - № 1. - С. 12-16.
67. Галахова А.В. Вопросы квалификации преступлений в уголовном праве и судебной практике / А.В. Галахова // Российский следователь. – М., 2010. - № 18. - С. 13-18.
68. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации / Р.Р. Галиакбаров. - Кубань, 2000. – 198 с.
69. Гарбатович Д.А. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества / Д.А. Гарбатович // Уголовное право. - 2011. - № 5. - С. 4-8.
70. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон теория, практика / Л.Д. Гаухман. - М.: «Центр ЮрИнфоР», 2001. – 315 с.
71. Горелик А.С. Конкуренция уголовно-правовых норм: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. /А.С. Горелик. – Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1998. – 106 с.
72. Горенко М.Г. Проблемные аспекты избыточной криминализации в современном уголовном законодательстве в контексте регламентации норм с административной преюдицией и специальных видов организации, подстрекательства и пособничества в статьях Особенной части УК РФ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции, 21-22 января 2021г. - М.: РГ-Пресс, 2021. С. 88.
73. Грачева Ю.В. Институт соучастия: некоторые тенденции // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции, 23-30 января 2015г. - М.: РГ-Пресс, 2015. - С. 214 – 217.
74. Грачева Ю.В. Квалификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: учебное пособие / Ю.В. Грачева, В.В. Палий. - М.: Проспект, 2014. – 97 с.
75. Дидатов Ю.А. Соисполнительство в преступлении по российскому уголовному праву: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ю.А. Дидатов. - М., 1998. – 23 с.

76. Димченко Н.В. Ответственность за преступления, совершенные в соучастии: теоретические и прикладные аспекты: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.В. Димченко. - М., 2006. – 26 с.
77. Дрепелев А.С. К проблеме переноса института соучастия в Особенную часть УК РФ / А.С. Дрепелев // Юридические записки молодых ученых и аспирантов. - Ярославль: ЯрГУ, 2014. - № 14. - С. 37 – 39.
78. Дрепелев А.С. Соучастник преступления: монография / А.С. Дрепелев / под ред. Е.В. Благова. - М.: Юрлитинформ, 2019. – 205 с.
79. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н.Д. Дурманов. - М.: Госюриздат, 1955. – 212 с.
80. Дядькин Д.С. Совершенствование уголовно-правового института соучастия в преступлении: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.С. Дядькин. - М., 2002. – 231 с.
81. Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование / С.В. Дьяков. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. – 265 с.
82. Егоров В.С. Курс лекций по Общей части уголовного права: учебно-методическое пособие / В.С. Егоров. - Воронеж, 2003. – 559 с.
83. Ершов С.А. Пособничество в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.А. Ершов. - Ярославль, 2014. – 226 с.
84. Есаков Г.А. Настольная книга судьи по уголовным делам / Г.А. Есаков, А.И. Рарог, А.И. Чучаев. - М.: Проспект, 2007. – 569 с.
85. Жукова Т.Г. Уголовная ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление: монография / Т.Г. Жукова. - М.: Илекса, 2007. – 134 с.
86. Зацепин А.М. Дополнительная квалификация преступления: общие и специальные вопросы: монография / А.М. Зацепин. - М.: Проспект, 2016. – 303 с.
87. Иванов И.С. К вопросу о соотношении форм вины и их основных признаков / И.С. Иванов // Российский следователь. - 2005. - № 11. - С. 18-24.

88. Иванов Н.Г. Уголовное право. Общая часть: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. / Н.Г. Иванов. - М.: Издательство Юрайт, 2016. – 559 с.
89. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / А.В. Иванчин. – М.: Проспект, 2014. – 352 с.
90. Иванчин А.В. Состав преступления: учебное пособие / А.В. Иванчин. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 128 с.
91. Иванчина С.А. Оконченные преступления: монография / С.А. Иванчина. - М.: Юрлитинформ, 2013. – 191 с.
92. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права / Л.В. Иногамова-Хегай. - М.: Щит-М, 1999. – 288 с.
93. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений: учебное пособие / Л.В. Иногамова-Хегай. - М.: Инфра-М, 2002. – 169 с.
94. Калмыкова А.Б. Соучастие в преступлении: социальная и юридическая сущность: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Б. Калмыкова. - М., 2010. – 28 с.
95. Капинус О.С. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от уголовной ответственности / О.С. Капинус // Уголовное право. - 2011. - № 2. - С. 21-26.
96. Караулов В.Ф. Уголовно-правовая борьба с покушением на преступление и приготовлением к преступлению по советскому уголовному праву: автореф. дис. ...канд. юрид. наук / В.Ф. Караулов. - М., 1969. - 16 с.
97. Карпова Н.А. Неоконченная преступная деятельность: понятие и проблемы квалификации: учебное пособие / Н.А. Карпова. - М.: Юриспруденция, 2017. – 73 с.
98. Качалов В.В. Организатор преступления в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Качалов. - М., 2004. – 190 с.
99. Квалификация должностных преступлений коррупционной направленности: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. А.М. Багмета. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 183 с.

100. Квалификация преступления: учебное пособие / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. - М.: Юрлитинформ, 2016. – 348 с.
101. Кибальник А.Г. Практический курс уголовного права России / А.Г. Кибальник, И.Г. Соломоненко. – Ставрополь, 2001. – 623 с.
102. Кладков А. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии / А. Кладков // Законность. - 1998. - № 8. - С. 26-28.
103. Клименко Ю.А. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29-30 января 2015г.) - М.: РГ-Пресс, 2015. - С. 217-220.
104. Клименко Ю.А. Организатор в преступлении: понятие, виды, уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - М., 2011. – 30 с.
105. Клименко Ю.А. Правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии / Ю.А. Клименко // Журнал российского права. - 2017. - № 4. - С. 112-120.
106. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении: монография / М.И. Ковалев. – Екатеринбург: изд-во УрГЮА, - 1999. – 202 с.
107. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность / А.П. Козлов. - СПб.: Юридический центр - Пресс, 2001. – 362 с.
108. Козлов А.П. Учение о стадиях преступления / А.П. Козлов. - СПб.: Юридический центр - Пресс, 2002. – 351 с.
109. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. - М.: Юрайт-М, 2001. – 736 с.
110. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 10-е изд., перераб. и дополн. / отв. ред. А.И. Рарог. - М.: Проспект, 2013. – 752 с.
111. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный) / отв. ред. В.В. Малиновский; науч. ред. А.И. Чучаев. 2-е изд., испр., доп. и перераб. - М.: КОНТАКТ, 2011. – 1040 с.
112. Коняхин В.П. Неоконченное преступление: уголовно-правовые границы / В.П. Коняхин // Современные проблемы уголовной политики: материалы II международной научно-практической

- конференции 23 сентября 2011г.: в 2 т. / под ред. А.Н. Ильяшенко. – Краснодар: КрУ МВД России, 2011. - С. 112.
113. Кораблева С.Ю. Место косвенного умысла в российском уголовном праве / С.Ю. Кораблева // Юридическое образование и наук. - 2009. - № 3. - С. 38-41.
114. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие / А.В. Корнеева. - М.: Проспект, 2006. – 176 с.
115. Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: монография / А.И. Коробеев. - М.: Юрлитинформ, 2012. – 317 с.
116. Косарева Т.А. Пособничество совершению преступления: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Т.А. Косарева. - Рязань, 2004. - 194 с.
117. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности: учебно-практическое пособие / С.М. Кочои. - 2-е изд., доп. и перераб. - М., 2000. -286 с.
118. Крылов Е. Борьба с коррупцией методом проб и ошибок/ Е. Крылов // ЭЖ-Юрист. - 2011. - № 20. - С. 7.
119. Кузнецов А.П. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: учебное пособие /А.П. Кузнецов, В.И. Булавин, С.М. Паршин. – Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия. 2006. – 80 с.
120. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности / Кузнецова Н.Ф. // Избранные труды. - СПб.: Юридический центр - Пресс, 2003. – 832 с.
121. Кулев А.Г. Мнимая криминализация – дефект уголовной политики / А.Г. Кулев, Л.О. Кулева // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVII Международной научно-практической конференции, 23-24 января 2020 г. - М.: Проспект, 2020. - С. 85-86.
122. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений: учебное пособие для вузов по спец. «Правовед» / Б.А. Куринов. - М.: Изд-во МГУ, 1984. – 181 с.

123. Курс советского уголовного права. Том 1: Часть общая. / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та., 1968. – 646 с.
124. Курс уголовного права в 5 т. Том 1: Общая часть: Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. - М.: Зерцало-М, 2002. – 624 с.
125. Курс уголовного права в 5 т. Том 3: Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. - М.: Зерцало, 2002. – 470 с.
126. Липезин А.В. Действия пособника как самостоятельное преступление – А.В. Липезин // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции, 25-26 января 2018г. - М.: РГ-Пресс, 2018. - С. 315-318.
127. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография: в 2 ч. Ч. II / Н.А. Лопашенко. - М.: Юрлитинформ, 2015. – 640 с.
128. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование / Н.А. Лопашенко. - М.: ЛексЭст, 2005. - 405 с.
129. Малиновский В.В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика): монография / В.В. Малиновский. - М.: Проспект, 2009. - 192 с.
130. Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть: в 4 т. Т. 3, кн. 1: Преступление / В.В. Мальцев. - М.: Юрлитинформ, 2017. - 517 с.
131. Мирзоян В.Г. Подстрекательство к совершению преступления в российском и зарубежном праве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.Г. Мирзоян. - Краснодар, 2012. - 27 с.
132. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ. Рекомендательный законодательный акт. Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ 17 февраля 1996 года: Приложение к "Информационному бюллетеню". № 10 - М., 1996. - 373 с.
133. Молчанов Д.В. Актуальные проблемы уголовного права. Общая часть: учебное пособие / Д.В. Молчанов. – М.: Проспект, 2015. – 144 с.

134. Мондохонов А.Н. Соучастие в преступной деятельности: монография / А.Н. Мондохонов. - М.: РПА МЮ РФ, 2006. – 126 с.
135. Нагаева Т.И. Формы и виды преступного деяния: дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Т.И. Нагаева. - М., 2012. – 366 с.
136. Назаренко Г.В. Неоконченные преступления: монография / Г.В. Назаренко, А.И. Ситникова. – Орел: ОрелГТУ, 2002. – 160 с.
137. Назаренко Г.В. Теоретические основы квалификации преступлений / Г.В. Назаренко, А.И. Ситникова. - М.: Юрлитинформ, 2010. – 149 с.
138. Наумов А.В. Российское уголовное право: Общая часть: курс лекций / А.В. Наумов. - М.: Бек, 1996. – 550 с.
139. Некрасов В.Н. Нормы о неоконченном преступлении: проблемы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.Н. Некрасов. - Екатеринбург, 2013. – 26 с.
140. Николаев К.Д. Понятие, признаки и формы приготовления к преступлению / К.Д. Николаев // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. - 2015. - № 4. - С. 15.
141. Никонов В.А. Основы теории квалификации преступлений (алгоритмический подход): учебное пособие / В.А. Никонов. – Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 2001. – 204 с.
142. Новое уголовное право России. Общая часть: учебное пособие / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. - М.: Зерцало, 1996. – 168 с.
143. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2000 год // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2001. - № 7.
144. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2001 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2002. - № 9.
145. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2003 год // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2004. - № 9.

146. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за I полугодие 2011 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2011. - № 10.
147. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за III квартал 2004 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2005. - № 4.
148. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 2011 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2012. - № 6.
149. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. - № 10.
150. Ображиев К.В. Влияние результатов уголовно-правовой оценки действий (бездействия) исполнителя на квалификацию деяний иных соучастников преступления / К.В. Ображиев // Законность. - 2016. - № 8. - С. 29 – 34.
151. Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н.А. Лопашенко. - СПб.: Юридический центр - Пресс, 2009. – 783 с.
152. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО ТЕМП, 2006. – 944 с.
153. Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 5 сентября 2003 г. № 4-014/03 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2004. - № 11.
154. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Бутыревского // Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, 1961-1963гг. / отв. ред. Л.Н. Смирнов. - М.: Госюриздат, - 1964. - 414 с.

155. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Салиева // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 1999. - № 6.
156. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 16-Д02-7 по делу Оболонского // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2003. - № 3.
157. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 июня 2010 г. № 89-О10-13 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2011. - № 2.
158. Определение Судебной коллегии Верховного Суда СССР от 26 января 1972 г. по делу Тимохина Л.М. и др. // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации.
159. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 19/-кл098-18сп по делу Топчигренко и др. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 1999. - № 10.
160. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу В. и Ч. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 1994. - № 9.
161. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 11 сентября 1967 г. по делу Бяшимова А. // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации.
162. Ораздурдыев А.М. Виды составов преступлений в уголовном праве: монография / А.М. Ораздурдыев. - М.: Юрлитинформ, 2019. – 317 с.
163. Павлов В.Г. Квалификация преступлений со специальным субъектом / В.Г. Павлов. - СПб.: Юридический центр - Пресс, 2011. – 372 с.
164. Павлухин А.Н. Виды и ответственность соучастников преступления: монография / А.Н. Павлухин, Р.С. Рыжов, Н.Д. Эриашвили. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 142 с.
165. Петрушенков А.Н. Концепция реализации уголовно-правовых норм о стадиях преступления в статьях Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации / А.Н. Петрушенков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2014. - № 4. - С. 154-159.

166. Петрушенков А.Н. Эффективность норм о соучастниках преступлений при формировании Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации / А.Н. Петрушенков // Пробелы в российском законодательстве. - 2015. - № 2. - С. 110-117.
167. Питецкий В.В. Виды исполнителя преступления / В.В. Питецкий // Российская юстиция. – М.: Юрист, 2009. - № 5. - С. 19-22.
168. Питецкий В.В. Неудавшееся соучастие в преступлении / В.В. Питецкий // Российская юстиция. – М.: Юрид. лит., 2003. - № 4. - С. 51.
169. Плаксина Т.А. Неудавшееся подстрекательство / Т.А. Плаксина // Уголовное право. - 2011. - № 4. - С. 46-51.
170. Плешаков С.М. Виды неудавшегося соучастия / С.М. Плешаков, И.Ю. Янина // Российский следователь. - 2016. - № 1. - С. 40 – 43.
171. Покаместов А.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика организатора преступной деятельности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Покаместов. - М., 2000. – 24 с.
172. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. - СПб.: Юридический центр - Пресс, 2008. - 1131 с.
173. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 3: Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право / под ред. А.И. Коробеева. - СПб.: Юридический центр - Пресс, 2008. – 949 с.
174. Пономаренко Е.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: учебное пособие / Е.В. Пономаренко. - М.: Юрлитинформ, 2016. – 190 с.
175. Поротиков Д.Ю. Неоконченное преступление: теоретические модели, законодательные конструкции и проблемы их применения: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.Ю. Поротиков. - М., 2007. – 29 с.
176. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 24 сентября 1991 г. № 3 «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников и военнослужащих в связи с выполнением ими

обязанностей по охране общественного порядка» (пп. «г» п. 5) // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин. - М.: БЕК, 1999. – 696 с.

177. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин. - М.: БЕК, 1999. – 696 с.

178. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 1999. - № 3.

179. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2003. - № 2.

180. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (в редакции от 30 июня 2015 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2015. - № 9.

181. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2008. - № 6.

182. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2009. - № 12.

183. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (в редакции от 3 ноября 2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2017 - № 1.
184. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 « О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2018. - № 2.
185. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" и от 16 октября 2009 года № 19 "О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий"» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2020. - № 3.
186. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 2 декабря 1998г. № 530п98 по делу Юсупова И.А. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 1999. - № 3.
187. Постановление Президиума Ростовского областного суда по делу Буракова // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации по уголовным делам / под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Спарк, 2001. – 1168 с.
188. Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР № 75-п8 по делу Закурина, Пискунова, Сидорова // Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации по уголовным делам / под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Спарк, 2001. – 1168 с.
189. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13 июня 2007 г. № 655-П06 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2008. - № 4.
190. Проценко С.В. О приготовлении к преступлению / С.В. Проценко // Российский следователь. - 2012. - № 10. - С. 26 – 29.
191. Пудовочкин Ю.Е. Преступления против безопасности государства / Ю.Е. Пудовочкин. - М.: Юрлитинформ, 2009. – 336 с.

192. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции / Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 276 с.
193. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: учебное пособие / Ю.Е. Пудовочкин. - М.: Юрлитинформ, 2009. – 247 с.
194. Пушкин А. Принципы акцессорной и самостоятельной ответственности соучастников преступления / А. Пушкин // Законность. - М., 2001. - № 3. - С. 27-30.
195. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. - 279 с.
196. Рарог А.И. Нужен ли России новый Уголовный кодекс? / А.И. Рарог // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции, 26-27 января 2012г. - М.: Проспект, 2012. - С. 3-9.
197. Рарог А.И. Приоритеты российской уголовной политики / А.И. Рарог // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции, 29-30 января 2015г. - М.: РГ-Пресс, 2015. - С. 13-17.
198. Рарог А.И. Современные тенденции развития российского уголовного закона / А.И. Рарог // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XI Международной научно-практической конференции, 30-31 января 2014г. – М.: Проспект, 2014. - С. 3-9.
199. Рарог А.И. Сомнительная коррекция института соучастия / А.И. Рарог // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права, 26-27 мая 2011г. - М., 2011. - С. 113 – 116.
200. Редин М.П. Преступления по степени их завершенности / М.П. Редин. - М.: Юрлитинформ, 2006. – 197 с.
201. Решетников А.Ю. Покушение на преступление в российском уголовном праве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Ю. Решетников. - М., 2007. – 31 с.
202. Решетникова Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.В. Решетникова. - Самара, 2012. – 21 с.

203. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1: Преступление / под ред. А.И. Коробеева. - Владивосток. 1999. – 602 с.
204. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. - М., 2014. – 559 с.
205. Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.В. Воробьева, Ю.В. Грачевой. - М.: Проспект, 2020. – 400 с.
206. Рыжов Р.С. Уголовная ответственность соучастников преступления: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Р.С. Рыжов. - Рязань, 2003. 24 с.
207. Рыжов Р.С. Уголовная ответственность соучастников преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Р.С. Рыжов. – Рязань. 2003. – 236 с.
208. Рыжов Э.В. Обоснованность использования в уголовном праве термина «покушение на самоубийство» / Э.В. Рыжов // Российский следователь. - 2018. - № 6. - С. 27-29.
209. Сабитов Р.А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации: научно-практическое пособие / Р.А. Сабитов. - М.: Юрлитинформ, 2013. – 590 с.
210. Сабитов Р.А. Уголовное право. Общая часть: учебник / Р.А. Сабитов, Т.Р. Сабитов. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2020. – 513 с.
211. Саблина М.А. Исполнитель преступления в институте соучастия: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.А. Саблина. - М., 2016. – 27 с.
212. Савельев Д.В. Преступная группа: вопросы уголовно-правовой интерпретации и ответственности: монография / Д.В. Савельев. - Екатеринбург, 2002. – 90 с.
213. Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин. - М.: БЕК, 1999. – 696 с.
214. Сверчков В.В. Курс уголовного права. Общая часть. В 2 кн. Кн. 1. Преступления и другие деяния. - М., 2014. – 371 с.

215. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие / Н.К. Семернева. – Екатеринбург: Уральская гос. юрид. акад., 2010. – 291 с.
216. Ситникова А.И. Законодательная техника и законодательная технология конструирования института неоконченного преступления / А.И. Ситникова // Уголовное право: стратегия развития в веке XXI веке: материалы V Международной научно-практической конференции, 24-25 января 2008г. - М.: Проспект, 2008. С. 74-77.
217. Ситникова А.И. Квалификация преступных действий организатора / А.И. Ситникова // Российский следователь. - 2008. - № 9. С. 18 – 20.
218. Ситникова А.И. Уголовно-правовая текстология: монография / А.И. Ситникова. - М.: Проспект, 2016. – 304 с.
219. Скобелин С.Ю. Квалификация учтенного соучастия / С.Ю. Скобелин // Уголовное право: стратегия развития в веке XXI веке: материалы XIII Международной научно-практической конференции, 28-29 января 2016г. - М.: Проспект, 2016. С. 200-203.
220. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания: монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2019. 507 с.
221. Становский А.М. Некоторые вопросы ответственности за приготовление к преступлению / А.М. Становский // Совершенствование уголовного законодательства в современных условиях. - СПб., 2011. С. 583 – 584.
222. Степашин В.М. Специальные правила назначения наказания: монография / В.М. Степашин. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. – 359 с.
223. Субачев А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.К. Субачев. - Красноярск, 2019. – 28 с.
224. Тедеев К.Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов: автореф. дис. ...канд. юрид. наук / К.Т. Тедеев. - М., 2005. – 27 с.
225. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельнов. - М.: Юрид. лит., 1974. – 208 с.

226. Тишкевич И.С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву. Понятие и наказуемость / И.С. Тишкевич. - М.: Госюриздат, 1958. – 260 с.
227. Ткачев О.И. Ответственность за обещание и предложение посредничества во взяточничестве / О.И. Ткачев // Российская юстиция. - 2012. - № 3. - С. 35-37.
228. Ткаченко В.И. Приготовление к преступлению и покушение на него / В.И. Ткаченко // Советская юстиция. - 1975. - № 16. - С. 7 – 8.
229. Трухин А.М. Проблемы дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления / А.М. Трухин // Уголовное право: Стратегия развития в XXI веке: материалы VII Международной научно-практической конференции, 28-29 января 2010г. - М.: Проспект, 2010. С. 215-219.
230. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 т. Т. 8, кн. 2: Множественность преступлений. Стадии преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. – М: Юрлитинформ., 2016. - 386 с.
231. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 т. Т. 9: Соучастие в преступлении / под ред. Н.А. Лопашенко. - М.: Юрлитинформ, 2016. – 528 с.
232. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. А.И. Бастрыкина. - М.: Проспект, 2017. – 431 с.
233. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Бодаевского, В.М. Зимина, А.И. Чучаева. - М.: Проспект, 2018. – 272 с.
234. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Чучаева. – 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2017. – 464 с.
235. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.Е. Круковского, А.И. Чучаева. - М.: Проспект, 2020. – 352 с.
236. Уголовное право России: Общая часть: учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. - СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. – 1064 с.
237. Уголовное право России: Общая часть: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям и

направлениям юридического профиля / под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. - СПб.: Книжный Дом, 2009. – 752 с.

238. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. Ю.В. Грачевой, А.И. Чучаева. - М.: Контракт, 2017. – 382 с.

239. Уголовное право России. Часть Общая: учебник для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. - М.: БЕК, 2000. – 559 с.

240. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник, 9-е изд. / под ред. А.И. Рарога. - М.: Проспект, 2018. – 896 с.

241. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник, 10-е изд. перераб. и доп. / отв. ред. А.И. Рарог. - М.: Проспект, 2019. - 944 с.

242. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Ю.В. Грачевой. - М.: Проспект, 2019. – 416 с.

243. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. М.С. Гринберг, Т.В. Непомнящая. - М., 2017. – 448 с.

244. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. А.И. Чучаева. - М.: ИНФРА-М, 2013. – 703 с.

245. Уголовный закон: Опыт теоретического моделирования / АН СССР, Ин-т государства и права; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. – М.: Наука, 1987. – 278 с.

246. Улицкий С. Институт соучастия в судебной практике / С. Улицкий // Законность. – М., 2005. - № 11. - С. 25-27.

247. Усов В.Г. Понятие и ответственность исполнителя преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Г. Усов. - Рязань, 2006. – 25 с.

248. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китае: сравнительно-правовое исследование / под ред. В.С. Комиссарова, А.И. Коробеева, Хе Бинсуна. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. – 547 с.

249. Феоктистов М.В. Оптимизация ответственности за приготовление к преступлению: некоторые вопросы теории и

- практики / М.В. Феокистов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVIII Международной научно-практической конференции 21-22 января 2021г. - М.: РГ-Пресс, 2021. - С. 301.
250. Цвиренко О.Л. Исполнитель преступления как вид соучастника по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.Л. Цвиренко. - Екатеринбург, 2005. – 23 с.
251. Чашин К.В. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве: монография / К.В. Чашин. - М.: Юрлитинформ, 2015. – 282 с.
252. Чернокозинская С.В. Приготовление к преступлению: понятие и основания криминализации, влияние на квалификацию преступления и назначение наказания: монография / С.В. Чернокозинская. – Тамбов: Першина, 2006. – 139 с.
253. Шатов С.А. Соучастие в преступлении: учебное пособие / С.А. Шатов. - СПб.: Юридический центр - Пресс, 2012. – 213 с.
254. Шафорост В.А. Уголовная ответственность за посредничество во взяточничестве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Шафорост. - М., 2013. – 30 с.
255. Шубина В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологические аспекты: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.Ю. Шубина. – Краснодар, 2012. – 34 с.
256. Шубина В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологические аспекты: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.Ю. Шубина. - Краснодар, 2012. - 182 с.
257. Энциклопедия уголовного права. Т. 5: Неоконченное преступление / отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2006. – 462 с.
258. Энциклопедия уголовного права. Т. 6: Соучастие в преступлении / отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2007. – 564 с.
259. Энциклопедия уголовного права. Т. 9: Назначение наказания / отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2008. – 910 с.

260. Энциклопедия уголовного права. Т. 13: Преступление против жизни и здоровья / отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2013. – 953 с.